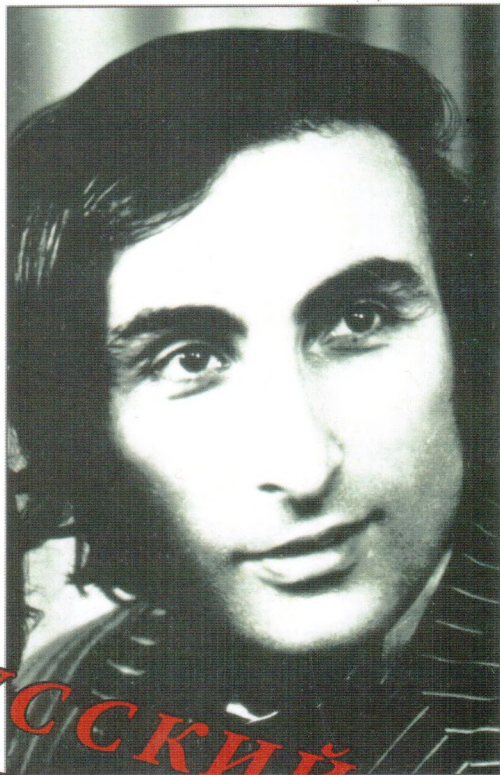

ЗОЛОВА арфа

литературный альманах

Анатолий
ШАМАРДИН

Книга об уникальном певце и композиторе
к годовщине со дня его преждевременного ухода в мир иной

РУССКИЙ
ОРФЕЙ

Издание *Нины Красновой* Москва 2014–2015

эолова арфа

Литературный альманах

Выпуск 7

РУССКИЙ ОРФЕЙ – АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН

*Книга об уникальном певце и композиторе
к годовщине со дня его
преждевременного ухода в мир иной*

*Издание
Нины Красновой*

Москва
Вест-Консалтинг
2014–2015

ББК 84 Р7

Э 69

Главный редактор и автор-составитель Нина Краснова

Фото на передней обложке: Анатолий Шамардин. 80-е годы XX века.

Фото на задней обложке: Анатолий Шамардин и Нина Краснова на «Территории Солнца», после концерта. 2013 г.

Эолова арфа

Э 69 Эолова арфа: Литературный альманах Выпуск 7 / Главный редактор Нина Краснова. Автор-составитель Нина Краснова. – М., 2014–2015. 350 с.

7-й выпуск альманаха «Эолова арфа», как и 8-й, весь посвящён «золотому голосу России», преждевременно ушедшему от нас в мир иной Анатолию Шамардину, солисту оркестра Леонида Утёсова 70-х годов, певцу и композитору мирового уровня, обожаемому публикой, но недооцененному чиновниками от искусства и не раскрученному средствами массовой информации, а потому и малоизвестному в широких кругах, певшему всю жизнь о любви и несшему эту любовь людям и недополучившему любви из-за своей невозможности быть услышанным миллионами своих потенциальных поклонников, которые оказались лишены радости встречи с ним.

В 7-й выпуск «Эоловой арфы» включены некрологи об Анатолии Шамардине, статьи о его концертах, большое интервью поэтессы Нины Красновой с ним и страницы её Дневника о нём, из фейсбука и Живого Журнала, и её «Поэтический венок» ему, и весёлые и не очень весёлые истории от Анатолия Шамардина, записанные ею, и воспоминания о нём его друзей и знакомых, в том числе и поэтов, соавторов его песен, Валерия Дударева, Сергея Мнацаканяна, Виктора Широкова, и эссеиста Эмиля Сокольского, и критика Лолы Звонарёвой, и музыковеда и радиожурналиста Игоря Макарова, и художника из Керчи Бориса Васильева-Пальма, автора одного из портретов русского Орфея, и высказывания разных известных деятелей литературы и искусства о нём Людмилы Зыкиной, Ольги Воронец, Виктора Бокова, Виктора Балашова, Владимира Солоухина, Николая Старшинова, Виктора Астафьева, Риммы Казаковой, Тамары Жирмунской, Валерия Золотухина, Светланы Резановой, Ксении Георгиади.

Пусть эта книга станет данью нашей любви к этому поистине народному артисту, который теперь выступает с сольными концертами в Царствии Небесном, перед жителями этого Царствия, а нам оставил свои пластинки, диски и кассеты.

© Нина Краснова, 2014–2015

© «Вест-Консалтинг», 2015

ISBN 978-5-91865-329-6

ББК 84 Р7

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ «ЭОЛОВОЙ АРФЫ» № 7

Предыдущий 6-й номер альманаха «Эолова арфа», 2013 года, был посвящён Андрею Вознесенскому, 80-летию со дня рождения этого знаменитого поэта, кумиру миллионов своих поклонников и учителю многих поэтов, в том числе и моему учителю и старшему другу, ушедшему в мир иной в 2010 году.

— Кому будет посвящён следующий номер? — с интересом спрашивали у меня авторы и читатели альманаха.

Я называла имя одного знаменитого артиста, ушедшего в мир иной два года назад... Но 27 апреля 2014 года Господь Бог неожиданно для всех, и в первую очередь для меня, забрал к себе певца и композитора Анатолия Шамардина, моего самого близкого друга с двадцатилетним стажем нашей дружбы, любви и сотрудничества, автора и исполнителя прекраснейших песен на стихи современных поэтов и на мои стихи, единственного в нашей стране владеющего искусством бельканто и обладающего поистине божественным голосом, и я решила сделать и вот сделала номер «Эоловой арфы», посвящённый не кому-то из знаменитых медийных лиц, которые достойны этого, но которые и без меня и без «Эоловой арфы» знамениты, а этому малоизвестному в широких кругах, недооценённому худсоветами, но обожаемому своими зрителями-слушателями, всеми, кто видел и слышал его хотя бы «один только раз», чудесному явлению нашей культуры, русскому Орфею с греческими корнями. Я сделала это, чтобы восстановить какую-то справедливость и чтобы воздать должное ему и его памяти и привлечь к нему внимание новых потенциальных его поклонников.

Я собрала материалы об Анатолии Шамардине, среди которых есть и отзывы очень известных деятелей культуры о нём, и не очень, и даже и совсем неизвестных людей, в том числе и некоторые отзывы фейсбукцев, совершенно не предназначенные для печати, но тем особенно ценные, как спонтанные горячие всплески души, говорящие о восторженном отношении публики к Анатолию Шамардину, для которой он пел и которую он и считал своим главным худсоветом.

Нина КРАСНОВА,
главный редактор альманаха «Эолова арфа»,
7 февраля 2015 г.

Нина Краснова

УШЁЛ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН*

27 апреля 2014 года, на Красную горку, совершенно неожиданно для всех, умер от острой коронарной недостаточности певец и композитор Анатолий Шамардин, который никогда не жаловался на своё здоровье и у которого никогда ничего не болело. В тот вечер он шёл к своему сыну-музыканту, работать над новыми песнями и, уже подходя к его дому, видно, почувствовав себя плохо, присел под деревом во дворе и... умер. Когда соседи вызвали скорую помощь, то помочь ему и спасти его было уже нельзя.

Анатолий Шамардин — золотой голос России, прекраснейшее и изумительнейшее явление нашей культуры, певец от Бога.

Родился 11 января 1938 года, на Ставрополье, в селе Ольгино, в семье ростовского казака и понтийской гречанки, а своё детство провёл в русском греческом себе Хасаут, на родине своей мамы, где в дружбе и согласии жили и греки, и русские, и казаки, и евреи, и украинцы, и татары, и черкесы, и карачаевцы, и кабардинцы. С малых лет он вообрал в себя весь мелос своей земли, и с одинаковым удовольствием пел всё, что пели его земляки, и сам научился играть на балалайке, на мандолине, на гитаре, на пианино. Прежде чем пришёл на эстраду, окончил Горьковский институт иностранных языков и Ленинградскую аспирантуру, много лет преподавал в вузах немецкий язык и английский, сложные дисциплины, стилистику, филологию, выступал на концертах художественной самодеятельности этих вузов. С легкой руки Эдуарда Хилия, который сказал ему: «Толя, тебе надо не языки преподавать, а петь!» — поступил в Ленинградскую филармонию, а потом с легкой руки Николая Никитского — в оркестр Леонида Утесова, солистом-вокалистом. Много ездил по стране, исполнял песни народов мира на разных языках, русские песни и романсы и свои собственные на стихи известных поэтов, Виктора Бокова, Алима Кешокова, Нико-

* Нина Краснова написала статью «Бог взял певца Анатолия Шамардина к себе в Рай». В газете «Слово» статья вышла 16–22 мая 2014 г. под названием «Ушёл Анатолий Шамардин». Другой вариант этой статьи появился в Экслибрисе «Независимой газеты» 22 мая 2014 г., под названием «Бог взял песнопевца в Рай».

лая Старшинова и т. д., а позже стал писать и исполнять песни на стихи поэтов новых поколений — Сергея Мнацаканяна, Виктора Широкова, Нины Красновой, Валерия Дударева. И везде пользовался потрясающим успехом у зрителей, они принимали его «на ура» и украшали его машину полевыми цветами. Каждый, кто видел и слышал его хотя бы один раз в своей жизни, уже никогда не забывал его даже через двадцать-тридцать и сорок лет. Окончил он и музыкальное училище — имени Октябрьской революции (ныне — училище Альфреда Шинтке), но уже после того, как проработал на эстраде пятнадцать лет.

В 1974 году в журнале «Кругозор» вышла первая гибкая пластинка Анатолия Шамардина, с предисловием Виктора Бокова. Потом — долгоиграющая пластинка «Гитары любви», с предисловием Людмилы Зыкиной, выпущенная фирмой «Мелодия» тиражом 100 тысяч экземпляров, и двумя повторными тиражами, которые разлетелись с прилавков в считанные дни и стали раритетными.

В 90-е годы он жил и работал в Европе, в Германии, в Греции. Зарубежная пресса называла его «русским соловьём» и «волшебником из Москвы».

Его песни входили в репертуар известнейших певцов — Эдуарда Хиля, Клавдии Шульженко, Ольги Воронец, Екатерины Шавриной, Ивана Суржикова и квартета «Аккорд».

Анатолий Шамардин был на редкость порядочный, добрый, отзывчивый, солнечный, позитивный человек, при том, что судьба не баловала его, он излучал на людей неиссякаемый светлый свет и тепло. С ним, около него всем всегда было хорошо.

Он обладал не только уникальным талантом певца и композитора, но и блестящим талантом рассказчика, литератора. Писал истории об артистах, статьи об искусстве, переводил с немецкого китайских философов, чешского писателя Януша Осенко, немецкого классика Гёте (его переписку с женой). Печатался в журналах «Юность», «Огонек», «Турист», «Вокруг света», «Наша улица», в альманахах «Истоки», «Эолова арфа», «Под небом рязанским», в газете «Слово». Член Союза профессиональных литераторов.

Умер на 77-м году жизни. Но по своей душе до конца был молодым и полным творческих планов и надежд на счастливую судьбу и веры в лучшее.

Похоронен он на Новосходненском кладбище. Бог призвал Ана-

толия Шамардина к себе в рай, как святого, на Красную горку, чтобы он пел там среди ангелов, потому что не только на земле, но и в раю не хватает таких, как он.

Царствие ему Небесное! И любовь и благодарность и память наша! Он останется с нами навсегда! И навсегда останется в нашей культуре. И ещё будет оценен по достоинству!

Московское Общество греков — председатель Архимед ШАХБАЗОВ, певица Ксения ГЕОРГИАДИ, певица Мила РОМАНИДИ, певица Надежда РАФАИЛИДИ, певец и композитор Михалис МИНЧАКИС, композитор, музыкант, аранжировщик, исполнитель песен Сергей ЧИЧМЕЛИ, музыкант Николай САВВИДИ, режиссёр театрально-массовых представлений Надежда КУЗНЕЦОВА-ШИХИДИ, журналист Никос СИДИРОПУЛОС, художник Михаил БАГЛАРИДИС, переводчица Виолетта ИОАННИДИ; музыкант и режиссёр Валерий ИЛИОПУЛОС, руководитель вокального коллектива Московского Общества греков Инесса ЭФРЕМИДУ, писатель Яннис КЕСИСОВ, экс-председатель Московского Общества греков Кузьма ЗЕЛИЛОВ и др.;

певица Ольга ВОРОНЕЦ, певица Светлана РЕЗАНОВА, певица Маргарита СУВОРОВА, певица Екатерина ШАВРИНА, певец Николай СЛИЧЕНКО, артист Альберт АТАХАНОВ; певица и руководитель фольклорного ансамбля «Повечерье» Елена КАЛАШНИКОВА; Генеральный директор информационно-консалдингового агентства «СМИ и бизнес» Татьяна НОВИКОВА; солисты оркестра Леонида Утесова Вадим МУЛЕРМАН и Бедрос КИРКОРОВ, артистка Алла АЗАРИНА; телеведущие 1-го канала Анна ВОВК и Юрий НИКОЛАЕВ; диктор Всесоюзного радио и телевидения Виктор БАЛАШОВ; специалист по литературе и искусству, коллекционер и издатель анекдотов Иосиф РАСКИН; композитор Алексей КАРЕЛИН; артист Сергей ЗЛАТКИС; редакция журнала «Юность» — главный редактор поэт Валерий ДУДАРЕВ, зам. главного редактора писатель и критик Игорь МИХАЙЛОВ, члены редсовета и редколлегии и авторы «Юности» Лев АННИНСКИЙ, Зоя БОГУСЛАВСКАЯ, Тамара ЖИРМУНСКАЯ, Владимир КОСТРОВ, Кирилл КОВАЛЬДЖИ, Нина КРАСНОВА, Анна ГЕДЫМИН, Елена ИСАЕВА, Екатерина САЖНЕВА, Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ, Игорь РУТКОВСКИЙ, Генрих ПАЛОЯН, Татьяна ШВЕДОВСКАЯ, Феликс ШВЕДОВСКИЙ, Михаил ПАК, Марина РОГОНОВА, Ирина АЛЕКСЕЕВА, Николай ЖЕЛЕЗНЯК, Елена ЗЕЙФЕРТ и др.;

главный редактор журнала «Дети Ра» поэт Евгений СТЕПАНОВ, зам. главного редактора поэт Владимир КОРКУНОВ, художественный редактор Марина КИВА; редакция «Независимой газеты» — редактор Ex libris-а поэт Евгений ЛЕСИН, его помощник поэт Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ; поэт и культуролог Слава ЛЁН; писательница Рада ПОЛИЩУК и художница Виктория ПОЛИЩУК; главный редактор «Литературной газеты» писатель Юрий ПОЛЯКОВ; поэты Лариса ВАСИЛЬЕВА, Новелла МАТВЕЕВА, Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ, Сергей МНАЦКАНЯН, Виктор ШИРОКОВ, Лариса ВАСИЛЬЕВА, Владимир ДАГУРОВ, Александр БОБРОВ, Надежда КОНДАКОВА, Геннадий КРАСНИКОВ, Геннадий КАЛАШНИКОВ, Сергей КАРАТОВ, Герман ГЕЦЕВИЧ, Николай ИОДЛОВСКИЙ,

Григорий ПЕВЦОВ, Александр КИРНОС, Раиса БЫСТРОВА, Зульфия АЛЬКАЕВА, Галина БОГАПЕКО, Людмила ОСОКИНА, Роберт КЕССЛЕР, Людмила САНИШКАЯ, Татьяна КИРИЛЛИЧЕВА, Юрий ШУНИКОВ, Елена ГЕРИНГ, Наталья ДОРОФЕЕВА, Лариса МЕЩЕРЯКОВА, Александра ИРБЕ; критик Эмиль СОКОЛСКИЙ, критик Юрий КРОХИН, критик Лола ЗВОНАРЕВА; библиотека им. А. Платонова — директор Тамара ЖУРОВА, ст. библиотекарь Вера ДАНИЛЮК, председатель литературного клуба «Северное сияние» поэтесса Валентина САРЫЧЕВА; главный редактор журнала «Наша улица» писатель Юрий КУВАЛДИН, режиссёр и писатель Ваграм КЕВОРКОВ; художник-нонконформист, лидер Третьего Русского авангарда Александр ТРИФОНОВ; зав. литературной Гостиной «Гараж» в Перedelкино писательница Алла РАХМАНИНА; оператор Дмитрий ГРИГОРЬЕВ, фотокорреспондент Сергей БЕЛЯНИН; Центральный Дом литераторов — директор Галина МАКСИМОВА, заведующая литературно-творческим отделом Наталья ПОЗНАНСКАЯ и др.; президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ Сергей ФИЛАТОВ; директор музея-усадьбы «Карабиха» Андрей ИВУШКИН, зам.директора Татьяна ПОЛЕЖАЕВА, ярославские поэты Андрей КОВРАЙСКИЙ, Евгений ГУСЕВ, Олег ГОНОЗОВ и др.; начальник управления культуры города Шадринска Сергей ЧЕРНОВ, шадринский поэт Александр ВИНОГРАДОВ, директор музыкальной школы Людмила ФЁДОРОВА и др.; Рязанское отделение Союза профессиональных литераторов — глава этого Союза поэт Алексей БАНДОРИН, рязанские поэты и прозаики Людмила САЛТЫКОВА, Лидия ТЕРЕХИНА, Тамара КОВАЛЕВСКАЯ, Татьяна РОСЛОВА, Сергей ДВОРЕЦКИЙ, Виктор КРЮЧКОВ, Евгений АРТАМОНОВ, Олег РОМАНОВ, Геннадий МОРОЗОВ, Алла НЕЧАЕВА, Алексей ХЛУДЕНЁВ и др.; Благотворительный Фонд «Энциклопедия Серафима Саровского» — президент Фонда Михаил МЕНДОСА-БЛАНДОН, писатель Владимир КРУПИН, поэтесса Нина КАРТАШОВА, владимирские писатели Николай ЛАЛАКИН и др., семья Владимира СОЛОУХИНА; лауреат Государственной премии Дагестана художник Джавид АГАМИРЗАЕВ и его ученик Дмитрий СИТНИКОВ; фотограф Юрий ДМИТРИЕВ; художница, член МОСХ Надежда МУХИНА; художник и поэт из Керчи Борис Васильев-ПАЛЬМ; искусствовед, коллекционер старых музыкальных записей Игорь МАКАРОВ; семья Виктора БОКОВА; семья Николая СТАРШИНОВА, семейство Нины КРАСНОВОЙ, вдова Валерия ЗОЛОТУХИНА Тамара ЗОЛОТУХИНА; близкие друзья и поклонники певца Лидия, Анастасия и Марек ДОЛГИХ, Тамара КОРОЛЁВА, Антонина ЧИСТЯКОВА, Юрий ПОДЛЕСНЫЙ, Елена и Шамиль ХАЗИЕВЫ, Наталья СКРЫПНИК, Галина БУЛГАКОВА; преподаватель вокала Валерия ПАГОСОВА; музыканты Василий НОВИКОВ, Алим АЙСИН, Дмитрий РАТУШНЫЙ, Николай ПОЛУБОЯРИНОВ, Владимир ДВУРЕЧЕНСКИЙ, Никита ЯНАКОВ, Георгий ФЕРИСОВ, Фёдор КОНДЕНКО, Владимир ДУБОВИЦКИЙ, Олег ДОРОГОВ, музыкант и сын певца Олег ШАМАРДИН, главный редактор журнала «Студенческий меридиан» Юрий РОСТОВЦЕВ, главный редактор газеты «Слово» Виктор ЛИННИК

и многие-многие другие.

Сергей БЫЧКОВ

ГДЕ ТЫ, БЕЛЬКАНТО?

Памяти Анатолия Шамардина

С точки зрения музыкальной энциклопедии bel canto (буквально — прекрасное пение) — это всего лишь «стиль вокального исполнения, сложившийся в Италии к середине 17 века и составляющий основу итальянской вокальной школы...» Но есть и еще одно «бельканто» — это эстрадная песня 50-х — 60-х гг., которая берет свое начало в «неаполитанской» песенной традиции середины 19-го века. Звезда этого сладостного пения промелькнула и погасла в 50–60 годах: Клаудио Вилла, Мариино Марини, Джордио Консолино, Ландо Фьорини. Фьорини — как будто завядший цветок из гербария! Сюда же можно отнести и Робертино Лоретти, к своему совершеннолетию потерявшего голос.

В Москве до недавнего времени был единственный на всю Россию и заодно Италию певец Анатолий Шамардин. Предки Анатолия по отцовской линии — донские казаки, а по матери — понтийские греки. Анатолий родился на Ставрополье, в селе Ольгино. После средней школы — Горьковский институт иностранных языков и Ленинградская аспирантура. В 1970 году, когда приказало долго жить итальянское эстрадное бельканто, он получает диплом певца-вокалиста и работает в оркестре Леонида Утесова. Потом в Росконцерте, мотается с концертами по стране и пользуется у слушателей невероятным успехом.

В 1973 году в журнале «Кружозор» вышла его первая гибкая пластинка с напутствием Виктора Бокова. Потом увидела свет долгоиграющая пластинка «Гитары любви», выпущенная фирмой «Мелодия» тиражом 100 тысяч экземпляров, с предисловием Людмилы Зыкиной. Глядя на греческий профиль Шамардина, Утесов говаривал: «Толенька, с твоим носом петь русские народные песни безнравственно!» Это и предопределило его выбор в тот злополучный момент, когда оркестра Утесова не стало. В 1980–90-е годы он жил и работал в Европе, в том числе — в Греции и Германии. Говорят, Бог шельму метит. Наградив его необыкновенным талантом, Всевышний взамен отнял возможность устроить быт, зарабатывать на хлеб.

Квартиру в Москве он получил лишь пару лет тому назад. До этого благословенного момента был прописан в общежитии работников культуры «без права проживания», скитался по съёмным квартирам, работал за символические гонорары в ресторанах, в основном итальянских и греческих. Но время его песен безвозвратно ушло, как и публика. Никто ни разу не видел его унывающим. Всех своих знакомых и друзей он встречал с неизменной лучезарной улыбкой: «А это мой самый дорогой друг!..» Толя был пронизан теплом и радостью, как будто впитал эти чувства из песен своего репертуара, впитал с молоком матери его исторической родины.

27 апреля его старое, словно командирские часы, сердце на 77 году, остановилось. Но песни, а он кроме всего прочего писал песни на стихи Виктора Бокова, Нины Красновой, Валерия Дударева, Николая Старшинова, Владимира Кострова и других, до сих пор, несмотря ни на что, живые и свежие, словно цветы поклонников на его скромной могилке.

Вот одна из них. Песня на стихи Нины Красновой. Удивительно лиричная, сладостная, подлинно русская:

Мне приснился сон под пятницу:
Я надела «белу платицу»
С вышивкой по рукавам
И пошла на вечер к Вам...

ЛитИнформбюро «ЛГ», № 18 (6461), 7 – 13 мая 2014 г.

УТРАТА

Ушёл из жизни певец и композитор Анатолий Шамардин. Ему шёл 77-й год. Он обладал уникальным голосом и часто исполнял песни на стихи современных поэтов. Талантливый композитор, он также написал десятки песен на слова современников — Виктора Бокова, Николая Старшинова и многих других русских поэтов. Эти песни входили в репертуар Эдуарда Хилия, Клавдии Шульженко, Ольги Воронец, Екатерины Шавриной, Ивана Суржикова и других исполнителей.

Греческий культурный центр «Лица эллинизма». 27 апреля 2014 г.

(Добавлено 29.04.2014)

Клуб «РОМИОСИНИ»

...НЕ СТАЛО АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

«...Прощай, “русский соловей!”»

27 апреля 2014 года не стало нашего прекрасного соотечественника Анатолия Шамардина

ПУБЛИКАЦИЯ НИНЫ КРАСНОВОЙ О НАШЕМ СООТЕЧЕСТВЕННИКЕ, АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ, УРОЖЕНЦЕ ГРЕЧЕСКОГО СЕЛЕНИЯ ХАСАУТ В СТАВРОПОЛЬЕ.

«...Прощай, “русский соловей”, который пел в кустах, а не на экранах ТВ, невидимый миру и неслышимый им, то есть виденный и слышимый немногими, зато запоминаемый ими всеми на всю жизнь».

Анатолий ШАМАРДИН — певец и композитор, обладающий голосом редчайшей красоты, солист оркестра Леонида Утёсова 70-х годов, «русский соловей» и «волшебник из Москвы», как его называет зарубежная пресса.

Родился на Ставрополье, в семье ростовского казака и понтийской гречанки. Окончил Горьковский институт иностранных языков, Ленинградскую аспирантуру и Московское музыкальное училище им. Октябрьской революции (ныне — колледж им. Альфреда Шнитке). Прежде чем пришёл в эстраду, много лет преподавал немецкий и английский языки, стилистику, филологию в разных вузах страны.

В 70–80-е годы работал солистом-вокалистом в Ленинградской филармонии, куда попал с лёгкой руки Эдуарда Хиля, потом — в оркестре Леонида Утёсова, в Росконцерте.

В 1974 году в журнале «Кругозор» вышла первая гибкая пластинка Анатолия Шамардина, с предисловием Виктора Бокова. Потом — долгоиграющая пластинка «Гитары любви», выпущенная фирмой «Мелодия» тиражом 100 тысяч экземпляров, с предисловием Людмилы Зыкиной.

В 90-е годы он жил и работал в Европе, в Германии, Греции. Зарубежная пресса называла его «русским соловьём» и «волшебником из Москвы».

Он исполняет песни народов мира на разных языках — на греческом, немецком, итальянском, английском, японском, а также русские эстрадные и русские народные песни и романсы и свои собственные на стихи известных поэтов — Виктора Бокова, Николая Старшинова, Алима Кешокова, Андрея Вознесенского, Новеллы Матвеевой, Владимира Кострова и многих других, а также поэтов более молодых поколений — Виктора Широкова, Сергея Мнацаканяна, Валерия Дударева и Принцессы поэзии «Московского комсомольца» Нины Красновой.

Написанные им песни входили в репертуар известнейших певцов — Эдуарда Хилия, Клавдии Шульженко, Ольги Воронец, Екатерины Шавриной, Ивана Суржикова и квартета «Аккорд».

Анатолий Шамардин автор рассказов об артистах и переводов с немецкого. Член Союза профессиональных литераторов. Умер на 77-м году жизни. Но по своей душе был до конца жизни молодым и полным надежд на счастливую судьбу. Царствие ему Небесное! (Нина КРАСНОВА)

«...Совсем недавно Толя, а вернее Анатолий Викторович Шамардин был на вечере Памяти Христофора Васильевича Триандафилова в Доме кино. Это было 3 апреля 2014 года, а 27 апреля Толи не стало. Он так же ушёл из жизни внезапно, как и Христофор. Они оба были яркими, талантливыми личностями в Искусстве, дружили и оставили добрую Память о себе. Нам их будет очень не хватать! Жизнь на земле коротка, а Память вечна!!!» (Надежда КУЗНЕЦОВА-ШИХИДИ).

«...НЕ СТАЛО АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА. ...БОЛЬНО. СЕРДЦЕ СЖАЛОСЬ. ТРУДНО В ЭТО ПОВЕРИТЬ! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ! ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК, ПРЕКРАСНЫЙ ПЕВЕЦ С КРАСИВЫМ ГОЛОСОМ И ПРОСТО ХОРОШИЙ, СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК!». (Ксения ГЕОРГИАДИ)

«...Прочитал в хронике новостей фейсбука новость об уходе из жизни нашего соотечественника Анатолия Викторовича Шамардина.

Это был удивительный, светлый, подлинный человек! Добрый, искрящийся солнечным светом, позитивный, талантливый, лишенный природой и его здоровой генетикой суетных человеческих пороков: зависти, хитрости, интриг, тщеславия, сутяжничества, лицемерия. Общаясь с ним, многие из нас поражались абсолютной доброте этого светлого человека, его высокой культуре, порядочности, творческой и человеческой глубине, любви к нашему народу, памяти о своих

русских и греческих предках. Очень часто мы говорили об Анатолии Шамардине после общения с ним: «Разве в наше жесткое и циничное время еще могут быть такие чистые люди?!». Могут быть! Таким удивительно светлым, до гипертрофированной наивности порядочным человеком был Анатолий Шамардин.

Одно его присутствие рядом побуждало нас быть более добрыми и великодушными по отношению друг к другу.

Многие из нас, как оказалось, последний раз видели Анатолия Викторовича на недавнем вечере памяти режиссера Х. В. Триандафилова (3 апреля 2014 г. — Н. К.).

Никто, безусловно, не мог подумать, что это наша последняя встреча, наше с ним последнее рукопожатие, наши последние объятия.

...Уход из жизни нашего соотечественника с болью в сердце воспринят тысячами греков и эллинов Москвы и России.

...Все в руках Всевышнего. Господь призвал к себе нашего соотечественника.

...Вечная Память. ... Αιώνια του η Μνήμη. (Никос СИДИРОПУЛОС)

Похороны АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА состоятся 30 апреля 2014 г. (в среду). Прощание будет в ритуальном зале на Сходне, с 11 до 12 часов.

Ехать в морг на Сходне — от «Речного вокзала» на 370 или 482 автобусе (или на маршрутке) в сторону Усково, до морга, который находится на улице Мичуринской, дом 31-а. Оттуда — прощание на Новосходненском кладбище.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА, ЦДЛ, 6 мая 2014 г.

Нина Краснова

ВЕЧЕР СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА ПРОШЁЛ ПОД ПЕСНИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

(Сокращённый вариант репортажа)

6 мая 2014 года в Гостиной Союза писателей XXI века, в Малом зале ЦДЛ, состоялся очередной вечер, который вела поэтесса Нина Краснова и гостями и участниками которого были не только члены этого Союза, но и других. У микрофона выступили: поэты Галина Богачеко, Зульфия Алькаева, Раиса Быстрова, Людмила Саницкая, Татьяна Шведовская, Ольга Михайлова, Леонид Резник, Сергей Зенкевич, Михаил Николаев, Михаил Рябых, руководитель творческого семинара Литературного института поэт Сергей Арутюнов и его ученики — Григорий Горнов и Клементина Ширшова. В зале звучали, с аудиодисков, лирические песни недавно почившего певца и композитора Анатолия Шамардина, автора песен на стихи некоторых членов Союза писателей XXI века, и почти каждый, кто выступал, считал нужным сказать что-то своё об Анатолии или что-то связанное с ним и с темой жизни и смерти, и по существу вечер стал импровизированным вечером памяти этого сладкогоголосого «русского соловья» с греческими корнями.

Нина КРАСНОВА:

— Сегодня мы начали наш вечер в Гостиной Союза писателей XXI века с песен певца и композитора Анатолия Шамардина, который собирался выступать на этом вечере 6 мая, но 27 апреля, на Красную горку, ушёл от нас в мир иной. Анатолий Шамардин не был членом нашего Союза писателей, но он был нашим другом и автором песен на стихи некоторых членов этого Союза, и на мои, и задумывал написать песни на стихи других наших поэтов и поэтесс, как присутствующих здесь, так и отсутствующих. Вы хорошо знаете его. Это был, во-первых, человек редкостной доброты, порядочности и благород-

ства, светлый, солнечный человек, излучающий позитивную энергию, а во-вторых, уникальный певец, солист оркестра Утесова 70-х годов, владеющий искусством пения, которое искусствоведы называют «русское бельканто». Я выставила в фейсбук четыре его песни, и фейсбукеры, которые никогда не слышали его, пишут, что это бесподобный, чудесный певец с обворожительным, невероятно красивым голосом, и удивляются: почему они не знали этого певца раньше, и говорят спасибо за то, что они получили возможность узнать и услышать его. Анатолий Шамардин не раз выступал в ЦДЛ, в этом зале, и последний раз выступал здесь совсем недавно, и сегодня собирался прийти сюда попеть нам свои песни, но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Бог взял его к себе в Рай, потому что таких чистых людей и таких красивых райских голосов, как у Анатолия Шамардина, нет не только у нас на земле, но и там тоже. Теперь Анатолий будет петь в Царствии Небесном вместе с ангелами. Светлая ему память! Мы всегда будем любить его. Жалко, что мы потеряли этого «русского соловья» с греческими корнями, но его песни остались с нами. И давайте почтим его память минутой молчания.

(Присутствующие почтили память Анатолия Шамардина минутой молчания. И в зале установилась такая тишина, в которой ангел пролетел.)

Через какое-то время мы проведем специальный вечер памяти Анатолия Шамардина, и там будем говорить о нем. А сегодня у нас — вечер Союза писателей XXI века. Наш Союз — это небольшая, но очень сильная организация, которую основал поэт Евгений Степанов, объединив вокруг себя талантливых поэтов, писателей, и который и является Президентом этого Союза. (...) Сейчас Евгения Степанова нет в Москве, он совершает турне по Европе и поручил провести этот вечер мне. Но передает всем вам привет из Германии, и из Дании, и из Болгарии!

Сегодня на вечере каждый из нас, по традиции, будет читать 2–3 стихотворения и говорить, кто что считает нужным, у кого что на сердце лежит.

Я прочитаю два своих стихотворения, посвященных Анатолию Шамардину. Одно из них — то, которое я читала на всех наших с ним литературно-музыкальных вечерах. Анатолий Шамардин, до того как прийти на эстраду, окончил иняз и аспирантуру и преподавал в вузах иностранные языки, филологию, стилистику, и в совершенстве знал и родной ему по матери греческий язык, и английский, и немецкий,

и любил читать книги на немецком, и читал на нем и чешского писателя-юмориста Януша Осенко, и китайских философов, и переписку Гёте со своей женой. И печатал свои переводы в моем альманахе «Эолова арфа». Я не знаю, кто ещё из певцов у нас в России читает в подлиннике сочинения Гёте...

Четыре строки про Анатолия Шамардина

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

Присутствующие здесь могут подтвердить, что «Анатолий Шамардин — это просто шарм один». Например, поэтесса Зульфия Алькаева, которая год назад устроила наш с ним вечер в Электростали, в библиотеке. Все библиотекари и все зрители Электростали теперь всё время спрашивают у неё: «Когда к нам опять приедет выступить Анатолий Шамардин? Он нам всем очень понравился!» — Вообще, кто хотя бы один раз видел и слышал его, даже если тридцать и сорок лет назад, запоминает его на всю жизнь и любит его всю жизнь. До того это изумительный певец. Присутствующая здесь поэтесса Татьяна Шведовская тоже может подтвердить это. Я прочитаю еще одно своё стихотворение, посвященное Анатолию Шамардину, с которым нас связывает 25 с лишним лет дружбы и творческого сотрудничества. Мы познакомились с Анатолием в 1988 году, в Москве, в Доме культуры газеты «Известия», на юбилейном вечере нашего друга и учителя поэта Виктора Бокова.

Анатолию Шамардину

А этот мир и многолюден так и тесен.
В нём появился Толя Шамардин.
Мне кроме Толечки никто не интересен.
Мне интересен Толечка один.

Он королевич мой из жизни, не из сказки.
Такой изящный, тонкий колосок.

И у него такие каренькие глазки,
И у него такой красивый голсок.

Я лучше Толи никого и не видала.
Он о любви романсы мне поёт.
Он — идеал, какого нету идеала.
К тому же он не курит и не пьёт.

(Смех и аплодисменты зала.)

А теперь я приглашу сюда поэтессу Галину Богапеко. Она член Союза писателей XXI века, недавно выпустила у Евгения Степанова в «Вест-Консалтинге» свою новую книгу стихов.

Галина БОГАПЕКО:

— Последний раз мы с Толей Шамардиным виделись на вечере в редакции журнала «Юность» (7 марта 2014 года. — Н. К.). Толя пел там песни из своего репертуара и украсил вечер. Потом мы сфотографировались. И с учетом этого я написала такие стихи, посвящённые ему.

Твой голос, Анатолий Шамардин!

Вот фотография. На ней —
Я и «Божественный Орфей».
Но он со мной, но без меня —
В себе, с улыбкой света дня...
Потом он пел, перебирая струны.
Преклонных лет, он был как будто юным...
Тот вечер был подарком нам от Бога,
Тот вечер в «Юности» — триумфа звука, слога.

И времени прошло совсем немного,
И каждому легла своя дорога —
Одним длиннее, а другим короче...
Судьбе виднее — протоколы строчит...
Есть миссия у каждого из нас,
Её мы завершаем в точный час...

Чу, песни слышны — это канты!
Все в честь твою, «святой бельканто»!
А ты под деревом присел,
Ты всё, что можно, в этой жизни спел...
И сердце, что вмещало целый мир,
По части ежечасно раздарил.

Я со слезами лезу в Интернет,
Ищу и нахожу там твой портрет,
И о тебе страницы я листаю,
К стыду, я о тебе так мало знаю.
И ссылки с записями слушаю часами...
А ты поёшь, твой голос, Толя, с нами —
Твой голос, Анатолий Шамардин! —
На ветках распускается жасмин,
И засветила лампа Алладин,
И ты, «святой бельканто», не один.

Нина КРАСНОВА:

— Спасибо, Галя! Очень трогательные стихи. Толя был бы очень тронут твоими стихами. Теперь я приглашаю к микрофону Зульфию Алькаеву.

Зульфия у нас — многожанровая творческая личность. Она пишет и прекрасные стихи, и статьи, и эссе, то есть подтверждает правильность афоризма «талантливый человек талантлив во многом».

Зульфия АЛЬКАЕВА:

— Я про Анатолия Шамардина хочу сказать. Он был у нас в Электростали всего один раз, год назад, вместе с Ниной Красновой, выступал с ней в библиотеке, но этот вечер запомнили все, кто был там, запомнили, я думаю, на всю жизнь. Они потом говорили всем, кто не попал на это чудесное мероприятие: «Как же много вы потеряли!» — и рассказывали им про этот вечер, и желали, чтобы он повторился. Кто приобрёл тогда диски Анатолия, теперь будут слушать их. Как сказала Галина Богалеко в своих стихах, он действительно был юным! Это не каждому удастся — остаться (в свои 76 лет) юным и сохранить свой голос, какой-то такой чистый, как из детства, и самому остаться таким чистым душой. Это редкий дар вообще. Анатолий всем нам запомнит-

ся, как... не знаю даже, как сказать... как светлое солнышко такое! Мы будем слушать его песни еще и еще. И здесь, на этом вечере, мы, может быть, включим и послушаем его замечательную песню про бело пла-тьице, на стихи Нины Красновой, эта песня — просто шедевр такой...

Нина КРАСНОВА:

— Зуля, ты тогда подарила ему свою книгу стихов. Она лежала у него дома среди книг, которые он читал в последнее время. Он читал ее, листал...

Зульфия АЛЬКАЕВА:

— ...и может быть, написал бы песню... Я прочитаю стихотворение «Маркер». Оно не посвящено Анатолию, но согласуется с тем настроением, с которым мы говорим о нём здесь.

Маркер

Маркер памяти метит щербинку на старой скамейке,
Вахту сонную, туфли и рванный пакет,
Одинаковый смех тоже числится в этом ремейке,
Будто не распакованный, так и засохший багет.

Память глупая любит нестройное, ей идеала,
Как корзине со спамом, не нужно для черного дня.
Этой кошке гулящей достаточно край одеяла
Да смешок одинаковый знать, где порвалась струна.

(Потом Зульфия прочитала стихотворение про поезд.)

* * *

С настроем домой поезд трогается с перрона,
Но до дома ему не добраться.
Ходит поезд, ищет пристанища,
А бежать ему не положено.
Ходит поезд, пыхтит о какой-то родине,
Об отчем доме справляется на каждой станции,
Пассажира цепляет за полы пальто,
Просит с собою взять, а пассажир отвечает ему

С виноватой улыбкою:

«Ты извини, дорогой, чемодан у меня тяжелый...»

(А потом она прочитала еще два стихотворения: («философское») «Ночь целует утро, / Утро целует ночь...» и («тревожное») «В царстве кривом».)

Нина КРАСНОВА:

— Спасибо, Зуля. У тебя свой язык, свой стиль, совершенно свое художественное видение.

Потом выступила поэтесса Раиса БЫСТРОВА, член Союза писателей Москвы, она сказала несколько очень тёплых слов об Анатолии Шамардине и прочитала пасхальные стихи с запахом куличей, с яичками и со свечами, с колокольными звонами, с церковной службой и крестным ходом «Любовью дышит радуга цветная...», а также стихи про Дрезден «Дрезден, мы встретимся скоро с тобой».

Нина КРАСНОВА:

— У Раисы Быстровой вышла новая книга — «Музыка любви». Поздравляем Раису с новой книгой!

У нас здесь сегодня звучит не только тема «Анатолий Шамардин», но и тема «Германия». Анатолий Шамардин когда-то жил и выступал в Германии, немецкая пресса называла его «русским соловьем» и «волшебником из Москвы». В Германии живет поэтесса Тамара Жирмунская со своей семьей, и некоторые другие наши поэты, в том члены Союза писателей XXI века. И Женя Степанов сейчас как раз в Германии, откуда прислал нам свой привет, который я вам передала.

Чем еще наш Союз писателей XXI века отличается от других союзов, кроме того, что он небольшой, но сильный? Тем, что у него есть свои печатные издания, каких нет ни у какого другого Союза. Я уже сказала про журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум-АРТ», про газеты «Литературные известия» и «Поэтоград»...

(Кстати сказать, Анатолий Шамардин с удовольствием читал эти издания. И там после смерти песнопевца Евгений Степанов напечатал в «Детях Ра» (в № 7–2014) цикл моих стихов «Поминальные свечи

Анатолию Шамардину», а в «Поэтограде» (в № 35–2014) — моё стихотворение «Утрата, или Плач по новопреставленному певцу и композитору Анатолию Шамардину», а в «Литературных известиях» — мой репортаж о Гостиной СП XXI в. 6 мая 2014 года, т.е. о вечере, который превратился в первый вечер памяти Анатолия Шамардина. — Н. К. 27.01.2015.)

(...)

А сейчас перед вами выступит член Союза писателей XXI века Людмила Саницкая. Пожалуйста, Людмила.

Людмила САНИЦКАЯ:

— Я прочту маленькое стихотворение о поэзии.

(Людмила Саницкая прочитала стихотворение «Песчинка, спугнутая ветром...», в котором сказала, что поэзия — это «духовный заповедник... на сквозняке земного бытия», и что «жизнь... есть удача» и «счастливый случай», о чем мы иногда забываем... Потом она прочитала стихотворение «Боже правый, кому это нужно...» — писать стихи... обо всём, что живёт в твоей душе и уносится куда-то на стандартном листе бумаги формата А-4.)

Нина КРАСНОВА:

— А сейчас мы попросим сюда выйти Дарью Корнилову, она дочь известного поэта Владимира Корнилова, и сама тоже замечательная поэтесса, очень смелая и дерзкая, в чем вы сейчас убедитесь. (...)

(Дарья Корнилова прочитала стихи, посвященные Герману Гецевичу, о том, как она похоронила отца и мужа и плакала о них, но потом встретила Германа, которому она мила, и воспряла душой.)

Часто, речам твоим внимая,
Чувствую, что тебе мила.
Вспоминаю 6 мая,
Когда книжку папину принесла.

Редко бывают веселыми вдовы.
Не чаяла встретить судьбу я тогда.
Ведь после смерти Володи и Левы
Не годилась я никуда...

(Прочитала она и еще два стихотворения, о Германии и о Гёте, и о том, что у каждого человека судьба написана на роду или на лбу и что «Часто оказывают имена и прозвища / Влияние на жизнь и судьбу».)

Нина КРАСНОВА:

— Теперь мне хотелось бы предоставить слово поэтессе Татьяне Шведовской. Татьяна — автор журнала «Юность», автор нескольких книг стихов. Стихи у неё такие трепетные, трогательные и очень необычные.

А сын — Феликс — у неё писатель и буддийский монах. А другой сын — Олег — художник. А муж у неё — учёный. Вся семья у них у них творческая, интеллектуальная.

Татьяна ШВЕДОВСКАЯ:

— Ой, Ниночка, спасибо за такие слова! Я не готовилась читать стихи, я прочитаю те, какие помню.

Мне хотелось бы сказать о Толе Шамардине, потому что он для меня и для всей моей семьи очень много значит. Когда мы с ним познакомились, на посиделках в «Юности», где была и Нина Краснова, на литературных чтениях, Толя пел там песни на стихи Нины, и я была просто очарована им, и его мелодиями, и его голосом! Толя пел таким высоким красивейшим бельканто... так никто не поёт, как он! И каждая встреча с ним была праздником! Потому что Толя был очень жизнерадостный, и всё, что он пел, это дарило мне и всем радость жизни, она расцветивалась такими красками, что после этого очень много дней я жила этим, и у меня восстанавливались силы, и вообще всё казалось таким чудесным в жизни... Последний раз мы виделись с ним... я даже никогда не думала, что это будет последний раз... это такое большое горе... Последний раз мы виделись с Толей, во-первых, на «Территории Солнца», в кафе-ресторане, где он пел весь вечер, и, слава Богу, мы с мужем записали тогда всё это на видео... а во-вторых, мы потом виделись на ярмарке нон-фикшен, в ЦДХ, в Центральном Доме художника... Все вечера, которые проходили без Толи, не были такими интересными, как с ним, а когда был он и была Нина, то всё было и смотрелось по-другому... Очень тяжело, что его больше нет. Тем более, что он такой человек, который знает много языков, такой начитанный, такой пишущий, интересный, и вообще — необыкновенный! и очень

интересный внешне, он всегда одевался с таким шармом... как он пел, и как он танцевал, двигался, глаза у него всегда (были) сияющие! Когда он входил в «Юность», такой приветливый, такой радостный, сразу как-то всё там менялось, он всех зажигал своей радостью... Я не могу поверить, что Толи нет, что он ушёл от нас. Но поскольку я знаю... это произошло в пасхальные дни, на Красную горку... Мы совершенно не ожидали этого. Кстати, говорят, что кто уходит в пасхальные дни, тот святой, того любит Бог.

Я прочитаю стихотворение про Пасху, которое помню.

АЛТАРЬ

Открыт алтарь во дни пасхальные,
И в храме свечи зажжены,
И убран ларь, куда сложили тайны,
И окна все освещены.
(...)

Я очень жалею, что не взяла какие-то другие свои стихи. Но я с удовольствием слушаю выступления участников вечера, мне настолько всё это созвучно, настолько приятно слышать. Спасибо, спасибо Ниночке!

Нина КРАСНОВА:

— Анатолий Шамардин очень любил Татьяну Шведовскую и всю её семью. И как хорошо, Таня, что ты и твой муж смогли записать на видео весь концерт Толи на «Территории Солнца». Последний большой сольный концерт Толи был на «Территории Солнца», в декабре 2013 года. Это очень символично для Толи, солнечный человек и певец пел на «Территории Солнца». А потом он выступал в ЦДХ, на вечере Феликса Шведовского. И спасибо тебе, Таня, что ты и этот вечер записала на видео! ...В ЦДХ казённая аппаратура не работала, и Толя пел без аппаратуры, без музыкального сопровождения, просто под свою гитару, живьём. Он всегда поёт только живьем, а не под фанеру, и может петь в большом и даже шумном, как в ЦДХ, зале, даже и без микрофона. Причем живьём он поёт точно так же, как на своих дисках, на студийных записях. Я помню, он пришёл в один ресторан, показал администраторам свою кассету, сказал: «Вот я здесь пою», — и вклю-

чил миниатюрный магнитофон. Администраторы сказали: «Это не вы поёте! И вообще — на фотопортрете, на кассете, молодой красавец, а вы старый и некрасивый...» — Тогда Толя открыл рот и запел, причем точно так же чудесно, как на кассете, молодым, звонким голосом... И тогда администраторы пораскрывали свои рты... Он же певец той выучки, той вокальной школы, когда все певцы у нас в России, и в оркестре Утесова, где Толя работал в 70-е годы, пели живыми голосами, живьём, тогда не было ни фонограмм, ни каких-то ещё хитрых технических приспособлений, ничего этого не было. Анатолий выходил на сцену, не дрыгался, не прыгал, не кувыркался, а просто стоял неподвижно и слегка открывал рот, и оттуда лились божественные звуки его голоса. И он покорял все залы. Так же он записывал свои пластинки на фирме «Мелодия». Приходил туда с малым составом оркестра Утесова, вставал у микрофона, и пел, без всяких дублей. А не так, как сейчас певцы записывают свои альбомы, делают сто дублей: если кто не попадёт в ноту, операторы подтянут ему голос, если у голоса нет вибрации, операторы сделают вибрацию. А раньше певцы были высочайшими профессионалами. И Анатолий Шамардин — как раз такой.

А теперь сюда, к микрофону, по списку выходит Ольга Михайлова. Она у нас новенькая. Я познакомилась с ней на фейсбуке. Она такая отзывчивая, умная девушка и пишет очень интересные комментарии на фейсбуке. А кроме того она, оказывается, пишет стихи.

Ольга МИХАЙЛОВА:

— Здравствуйте! Я первый раз — на вечере Союза писателей XXI века. И мне очень приятно оказаться здесь. Я здесь то ли отдыхаю, то ли черпаю впечатления для своих новых произведений. Спасибо большое!

(Ольга Михайлова читает свое стихотворение «Богата звездными скоплениями ночь, // И Южный Крест над горизонтом отдыхает...».)

Нина КРАСНОВА:

— Спасибо, Оленька! Это твой дебют в ЦДЛ. Поздравляю тебя с твоим дебютом! А теперь к микрофону идёт Леонид Резник!

Леонид РЕЗНИК:

— Добрый вечер! Приятно попасть в такую компанию, на такой ве-

чер. Здесь такая хорошая аура! Замечательный вечер! Я являюсь членом Союза писателей России, а членом Союза писателей XXI века стал недавно. И Евгений Степанов пригласил меня сюда. Я не был знаком с Анатолием Шамардиным, но восхищён его искусством. И хочу спеть песню, которую когда-то посвятил своему отцу, который ушёл в мир иной достаточно молодым. Песня называется «Не покидай меня».

(Леонид Резник поет под гитару свою песню «Не покидай меня», где эта строка идёт рефреном через все куплеты.)

Нина КРАСНОВА:

— Спасибо, Леонид... А сейчас давайте послушаем ещё одну песню Анатолия Шамардина, которая всем очень нравится...

(Голоса из зала: «Сон под пятницу»!)

«Сон под пятницу», на мои стихи. Нежная хороводная песня. Она когда-то приснилась Анатолию Шамардину во сне: девушки на зеленом лугу водят хоровод и поют хороводную песню, мелодию, которой Анатолий запомнил во сне и, когда проснулся, записал на магнитофон.

(Нина Краснова нажимает на кнопки плеера, куда вставила диск с песнями Анатолия Шамардина, но оттуда полились крутые частушки Нины Красновой в исполнении Анатолия Шамардина. «Ой, частушки! Ну пусть будут частушки. Значит, так захотел Анатолий Шамардин, его душа, присутствующая здесь».) Нина Краснова взяла в руки микрофон и стала подпевать Анатолию Шамардину, как всегда делала это на вечерах, когда выступала с Анатолием. Кто-то из мужчин около двери пускается в пляс.)

КРУТЫЕ ЧАСТУШКИ

Частушки Нины Красновой
Мелодия Анатолия Шамардина

От меня ушёл Илья.
Я тоскую, слёзы лья,
И гадаю, слёзы лья:
Где, в какой дыре Илья?

По Рязани шел индиец,
Он, наверно, был нудиец,
Шёл индиец парком, садом,
Шёл, сверкая голым задом.

На краю деревни хата,
В хате баба в три обхвата.
Ох, толста же эта баба,
Даже толще баобаба.

Ой, да-да, да-да, да-да,
Я годами молода,
Но живу скромней бабушь,
Ни с кем не сплю и не люблюсь.

(И т. д. Всего 12 частушек, в числе которых — еще более крутые, чем эти. Смех в зале.)

Вот это Анатолий Шамардин поет крутые частушки, но каким нежным, божественным голосом он их поёт, с плавным распевом, на свой мотив, как лирические песни. А теперь — «Сон под пятницу».

(Звучит песня Анатолия Шамардина «Сон под пятницу» на стихи Нины Красновой, в исполнении Анатолия Шамардина. Нина Краснова подпевает Анатолию Шамардину. Кто-то из зрителей около дверей начинает танцевать и кружиться под эту песню.)

СОН ПОД ПЯТНИЦУ

Музыка Анатолия Шамардина
Стихи Нины Красновой

Мне приснился сон под пятницу:
Я надела белу платьциу
С вышивкой по рукавам,
И пошла на вечер к Вам.

Я пойду на вечер в пятницу,
Вместо брюк надену платьциу
С вышивкой по рукавам,
Чтобы стать милее Вам.

(Аплодисменты!)

(...)

Сергей ЗЕНКЕВИЧ:

— В мае родилось много поэтов. Булат Окуджава, в мае ему было бы 90 лет, Иосиф Бродский родился в мае.

Я прочитаю знаменитое стихотворение Михаила Зенкевича «Махайробусы» — о саблезубых тиграх, которые жили более 10 тысяч лет назад и наводили на всех ужас. Это стихотворение включено в хрестоматию. Оно до сих пор сохраняет свою энергию.

(Сергей Зенкевич читает стихотворение Михаила Зенкевича наизусть. Потом читает свое стихотворение о зиме, о «холоде мёртвой руки» — реки, одетой в ледяной рукав...)

(...)

Нина КРАСНОВА:

— (...) У нас тут группа от Литинститута пришла, из семинара поэта Сергея Арутюнова, Клементина Ширшова и Григорий Горнов. И сам Сергей Арутюнов. Мы ждали их. (...)

Нина КРАСНОВА:

— ...Я тоже училась в Литинституте, только не у Сергея Арутюнова, а у Евгения Долматовского.

(Григорий Горнов выходит к микрофону. Долго не может начать читать свои стихи, чересчур волнуется и стесняется.)

Не волнуйтесь, Григорий, тут все свои. Вы первый раз выступаете в ЦДЛе?

Григорий ГОРНОВ:

— Да.

(Григорий Горнов читает свои стихи.)

Прости меня. За этот год и тот...

(...)

У песнопевца твое кольцо

Ты спишь без лица,

Ты спишь без кольца.

(...)

Все вещи, все тени в моем доме

Положены между тобой и миром...

Мы (...), не предназначенные никому.

(...)

Клементина ШИРШОВА:

— Добрый вечер.

(Читает свои стихи.)

...Голос родной и тихий...

Заперта надежно входная дверь.

Не откроет её никто.

И окно мое никому теперь,

Заколочено и темно.

Хорошо мне здесь,

Я сижу одна

И давно не хочу гостей...

(Потом она читает триптих о жене своего возлюбленного, которая умерла.)

ТРИПТИХ

1.

Ты хоронишь ее, я рядом стою смотрю.

Где бы только взять силы вынести эту муку?

Вспоминаешь, как жили, как вёл её к алтарю.

Я сжимаю твою холодную злую руку. (...)

2.

Незримое присутствие во сне...

Она стоит в углу и молча смотрит... (...)

3.

Я буду смотреть на вас... (...)

Нина КРАСНОВА:

— (...) Поэт Сергей Арутюнов! Член СП XXI века! И ещё какого-то Союза?

Сергей АРУТЮНОВ:

— Нет, хватит одного этого. Этот — самый лучший Союз. Я прочитала последнее, что написалось. У нас тоже недавно, в марте, товарищ погиб, на Чистых прудах. Пошёл по льду и — раз — провалился в прорубь, и утонул, у самого берега. Хороший был товарищ. У него при себе не было документов. И его полгода опознавали.

(Сергей Арутюнов читает несколько своих стихотворений, одно из них про лёд и реку.)

* * *

...Ни дворняг, ни воров,
Только скрип чердаков опустелых...
...Только мутные блики на стенах...
Вот где Троя моя, где от солнца еще холодней...
(...)

* * *

До упора бродить в этом смертном аду
Поклоняться дивану, кувшину, окну...

Я слезами твой путь окроплю.
Я Господь, мне угодна последняя тварь,
И горячий сентябрь, и трескучий январь
Я найду тебя там, где ты вспомнишь меня...

* * *

...Мне холодно в родном краю,
Протопленном с такой натугой.
Мне холодно в краю родном
Без мыслей, чувств, надежд, желаний...

Что делать мне?..

* * *

Грусть по весне...
От Заречья до самых Раменок...
Звездопадные огоньки...
(...)

Нина КРАСНОВА:

— (...) Теперь слово Михаилу Николаеву! Михаил Николаев — член Союза писателей XXI века. У Михаила недавно вышло две книги. Одна из них у меня есть. Очень оригинальная, с философским юмором.

Михаил НИКОЛАЕВ:

— В связи с печалью, с которой начался наш вечер, я прочитаю стихотворение «Созывал гостей, никто не шёл...»

(Михаил Николаев прочитал стихотворение о том, что он «Созывал гостей», а никто не шёл», потому что «Кто тяжёл, кто хвор...», а кто мёртв, и пока ещё «Никого... не воскресили» из тех, кто мёртв. А потом еще и о том, что всё в жизни предрешиено и «Чему уж быть, того не миновать».)

Прочитал он также стихи о «киммерийских сумерках Волошина». И, чтобы не сосредотачиваться только на печали, стихотворение повеселее, о грехах «Мотыльками порхают стихи...».)

Мотыльками порхают стихи.
И вовеки, Святой угодник,
Отпусти мне мои грехи,
Но попозже, потом, не сегодня.

В завершение вечера выступил Михаил РЯБЫХ. Он прочитал несколько стихотворений, в одном из которых есть такие строки, посвященные Лермонтову: «Поручик Лермонтов с Кавказа // Скакал на Демоне верхом...». Да, в год Лошади надо на ком-то скакать, и если не на Лошади, то на Демоне? Но Бог знает, куда он тебя занесет.

Нина КРАСНОВА:

— Сейчас нам пора заканчивать наш вечер. Кто не успел выступить, выступит в следующий раз.

(Голоса из зала: «Мы хотим послушать еще хотя бы одну песню Анатолия Шамардина!», «Мы хотим Шамардина! Шамардина!»)

Сейчас Анатолий Шамардин споет вам весёлую итальянскую песню «Красивая девушка», тарантеллу («Куано мама»). Послушайте, как прекрасно он поёт её, как красиво произносит слова... Душа его сейчас здесь, с нами. И этой песней он передаёт привет всем девушкам и дамам, присутствующим в зале. Он считал, что все девушки и женщины красивые.

(Когда Анатолий допел песню, на диске, в зале раздались восторженные голоса: «Браво!»)

Я желаю всем вам творческого вдохновения, творческих удач. И желаю, чтобы ваши родные, близкие, дорогие люди были живы и здоровы, здоровы и живы...

На память об Анатолии Шамардине вы можете приобрести диски с его голосом. По 100 рублей.

(Под следующую, уже не итальянскую, а японскую песню «Муки любви» в исполнении Анатолия Шамардина зрители раскупили все его диски, которые были на прилавке, и с песнями на иностранном, и с песнями на русском языке. Анатолий Шамардин был, пусть и виртуальным, но участником вечера Союза писателей XXI века, звёздём программы. И душа его, витавшая в зале, была рада этому и всем, кто пришёл на вечер.)

21–22 мая 2014 г., 3:15

(Обработка стенограммы, с диктофона)

«Поэтоград» № 23, 2014

«Независимая газета», Экслибрис, 2014

НЕКРОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

об Анатолии Шамардине в периодической печати:

Греческий культурный центр «Лица эллинизма». Клуб Ремиосини. «Ушёл Анатолий Шамардин» («...прощай, русский соловей»). 27 апреля 2014 г. (добавлено 29 апреля 2014 г.).

«Московский комсомолец», 5 мая 2014 г. Сергей Бычков. «Где ты, бельканто?».

«Литературная газета», № 18 (6461), 7–13 мая 2014 г. «Утрата», с. 5.

Газета «Слово», № 9 (870), 16–22 мая 2014 г. Нина Краснова. Статья «Ушёл Анатолий Шамардин». Стихи Нины Красновой памяти Анатолия Шамардина, с. 9.

«Независимая газета», Ex libris, 22 мая 2014 г. «Бог взял песнопевца в рай», с. 3.

«Независимая газета», Ex libris, 26 июня 2014 г. Николай Фонарёв (газетный псевдоним Нины Красновой). «Под песни Анатолия Шамардина» (прошёл вечер Союза писателей XXI века).

«Литературные известия», 2014 г. Николай Фонарёв (газетный псевдоним Нины Красновой). «Вечер Союза писателей XXI века прошёл под песни Анатолия Шамардина» (репортаж).

Газета «Поэтоград», № 35 (136) 2014 г. Нина Краснова. «Поминальные свечи» (стихотворение «Утрата, или Плач по новопреставленному певцу и композитору Анатолию Шамардину»), с. 3.

Журнал «Юность», № 6–2014 г. Игорь Михайлов. «Орфей спускается в царство теней».

Журнал «Дети Ра», № 7 (117) 2014 г. Нина Краснова. «Поминальные свечи Анатолию Шамардину» (стихи), с.31–46.

И т. д.

РУССКОЕ БЕЛЬКАНТО АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

(Интервью Нины Красновой с Анатолием Шамардиным, 2002 г.)

Певец и композитор Анатолий Шамардин, солист оркестра Леонида Утесова, родился в Ставропольском крае в 1938 году. Живет в Москве. Участвовал в первом Всемирном фестивале молодежи и студентов 1957 года. Имеет высшее филологическое и музыкальное образование. Окончил Ленинградскую аспирантуру, преподавал иностранные языки в вузах. Работал в Росконцерте.

Выступал с сольными программами в Германии и Греции. Исполнитель песен народов мира, русских народных песен и романсов, а также своих собственных на стихи известных поэтов — Виктора Бокова, Новеллы Матвеевой, Николая Старшинова, Алима Кешокова, Андрея Вознесенского, Нины Красновой*. Его песни входили в репертуар известных певцов — Ольги Воронец, Ивана Суржикова, Екатерины Шавриной, квартета «Аккорд» и т. д. Он является автором серьезных статей и юмористических рассказов, печатался в журналах «Огонек», «Юность», «Вокруг света», «Наша улица». Поэтесса Нина Краснова, Принцесса поэзии «МК», написала о нем:

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

* Со временем к ним добавились песни на стихи Владимира Кострова, Сергея Мнацаканяна, Виктора Широкова, Валерия Дударева. — *Прим. Н. К. 27.02.2015.*

Нина Краснова: — Анатолий! Когда я услышала тебя первый раз в жизни, в 1984 году, на юбилейном вечере Виктора Бокова, в Центральном Доме литераторов, приехав туда из Рязани по приглашению самого виновника торжества, я помню, ты произвёл на меня очень сильное впечатление своим сладкозвучным, нежным, благородным, легко и свободно льющимся и в то же время словно воздушным, летя-

щим и каким-то беспредельным голосом, своим не просто красивым, но каким-то особенным тенором, с непривычными оттенками, вибрациями, обертонами и звуковой подачей. Ты скромно стоял на сцене, играл на гитаре и пел песню на стихи Бокова «Вишенья, орешенья». Она воспринималась мной, как серенада царевича своей царевне:

Вишенья, орешенья,
Яблони цвели.
Мы с тобою рядышком
По тропинке шли.

Анатолий Шамардин: — Да, я действительно участвовал в том вечере Виктора Бокова. Там еще участвовали Андрей Вознесенский, Людмила Зыкина, Екатерина Семенкина, Ольга Лепешинская, Александр Бобров...

Нина Краснова: — Помню, я тогда подумала: всех, кто выступает на вечере, я знаю, кого-то или о ком-то слышала, кого-то или о ком-то читала... кого-то боготворила... а почему я не знаю такого певца — Анатолия Шамардина?

Анатолий Шамардин: — Меня многие и сейчас не знают.

Нина Краснова: — К своему несчастью, как мне кажется. ...А когда я спустя годы (в сентябре 1993 г. — Н.К. 2009 г.) услышала твою, которую ты подарил мне, демонстрационную кассету с твоим репертуаром, с песнями народов мира на итальянском, греческом, немецком, японском языках, русскими народными песнями и романсами и авторскими песнями на стихи разных поэтов, я обомлела. У меня в голове не укладывалось, почему, по какому закону подлости такой певец, мирового класса, мирового уровня, который мог бы быть кумиром публики, как Муслим Магомаев, оказался в тени... и его мало кто знает. Какая жестокая несправедливость Судьбы! Какая коварная усмешка Фортуны. В каком темном мешке столько лет прятали такого певца от миллионов слушателей, от своих потенциальных почитателей, которые должны были бы ломиться на его концерты и носить его на руках и наперебой просить у него автографы и рвать с него волосочки себе на память.

Анатолий Шамардин: — Я с детства недооценивал сам себя. Мне не хватало уверенности в себе, чтобы куда-то пробиться и занять свое место под солнцем. А «судьба играет человеком».

Нина Краснова: — Мало кто из творческих людей доволен своей судьбой. В том числе и из наших «звезд». Все чем-нибудь да недовольны. Такова природа человека...

Анатолий Шамардин: — Я не хочу сказать, что я недоволен своей судьбой. Наоборот, я считаю, что она сложилась у меня не самым худшим образом. Как говорится, могло бы быть и хуже. В этом смысле мне повезло, и я — счастливый человек, несмотря на все превратности судьбы, которые мне пришлось пережить. У меня нет широкой известности. Но и в этом есть свои плюсы. Во-первых, мне в отличие от наших «звезд» не надо держать охрану, не надо надевать решетки на окна своей квартиры, чтобы оградить себя от поклонников или от грабителей и других преступников. Я могу свободно гулять по улицам, в толпе людей, и в каком угодно — то есть не парадном — виде, чего не могут позволить себе наши «звезды». Во-вторых, я не боюсь надоесть своим слушателям, потому что они не так уж часто слышат меня в концертах и по радио. Чрезмерная известность, чрезмерная раскрутка певца, композитора или даже какой-то одной его песни может привести к эффекту, который я назвал бы «эффект полонеза Огинского»: когда даже любимая всеми мелодия настолько запеваётся и заигрывается, что теряет свою первозданную свежесть и прелесть... и перестает восприниматься слушателями, становится пустым звуком или начинает надоедать всем и даже раздражать некоторых. В этом смысле недораскрутка лучше перераскрутки и узкая известность лучше широкой. В-третьих, я совершенно не амбициозный человек. И я не испытываю моральных страданий и мук оттого, что кто-то меня не знает. У меня есть свой круг почитателей, которые меня знают, и слава Богу. И совсем не обязательно, чтобы тебя знали все пять миллиардов землян.

Нина Краснова: — У нас даже певцов с мировой славой не все знают — допустим, Клаудио Виллу... Так что любая слава и любая известность какого-то певца или композитора и вообще кого бы то ни было — понятие относительное.

Анатолий Шамардин: — Я абсолютно согласен с тобой, Нина.

Нина Краснова: — Анатолий! Когда ты выступаешь по радио, в открытом эфире, то многие слушатели задают такие вопросы: почему мы не знали такого великолепного певца раньше, с таким красивым,

не похожим ни на чей другой голосом и своим собственным, таким разнообразным репертуаром? Почему мы только сейчас, первый раз в жизни слышим его? Такое чудо! А потом уже, стоит тебе выступить раз-другой, эти слушатели начинают знать тебя и ждать, когда ты опять появишься в эфире. Причем слушатели запоминают тебя с первого раза. Фамилию-то с первого раза могут и не запомнить, но твой голос уже никогда не забудут, если услышали хоть один раз.

Анатолий Шамардин: — Я получаю от слушателей очень много писем с приятными для меня словами и комплиментами в мой адрес, хотя сейчас, в наше время, вообще-то мало кто кому пишет письма. А когда я выступаю по радио в открытом эфире, то получаю массу устных откликов по телефону и на пейджер... И мне кажется, пусть лучше слушатели говорят: почему мы не знали такого певца? мы хотим слушать его еще и еще! Чем: а, мы знаем этого певца! да кто же его не знает? он надоел всем хуже рекламы «Клинского» пива и тампаксов; когда мы слышим его, мы затыкаем уши и выключаем радио; у нас от него портится настроение и ухудшается самочувствие.

Нина Краснова: — От твоих песен и твоего голоса у многих слушателей улучшается не только настроение, самочувствие, но и состояние здоровья. Я помню, когда ты выступал в открытом эфире на радиостанции «Москва и москвичи», один пенсионер, участник Великой Отечественной войны, лежачий больной, сказал: «Я много лет не поднимался с постели, но вот сейчас послушал восхитительное пение Анатолия Шамардина и поднялся. И уже не лежу, а сижу на кровати». Твой голос обладает целебными свойствами, хорошо действует на многих людей.

Анатолий Шамардин: — Мне хотелось бы так думать. ...Помню, на одном из своих концертов в Германии я пел русские народные песни и романсы, и после концерта ко мне подошли муж и жена и предложили выступить в онкологическом центре, в Германии, для их больного родственника и его друзей по несчастью, за двести километров от того места, где я выступал. Они посчитали и были глубоко убеждены, что мой голос поможет больным вернуть свои силы и здоровье, окажет на них положительное влияние. И мы с гитаристом — с Андреем Лебедевым — поехали туда, и я исполнял там лирические песни.

Нина Краснова: — Какие (не современные, а вообще) певцы тебе нравятся? Кому из них ты, может быть, подражал в раннем возрасте? Кого из них считаешь своими учителями? Кто из них оказал на тебя самое большое влияние?

Анатолий Шамардин: — Почему-то мне всегда, с самого детства и с самой юности нравились «голосовые» певцы, то есть певцы с голосами, и не просто с голосами, а с красивыми голосами. Особенно тенора.

Нина Краснова: — То есть певцы примерно твоего плана?

Анатолий Шамардин: — Да, может быть, потому, что я сам тенор. Человеку свойственно обращать внимание на себе подобных. И я до сих пор люблю именно таких певцов. Сергей Лемешев, Георгий Виноградов, Глеб Романов, Михаил Александрович, Вадим Козин, Эмиль Горовец, Рашид Бейбутов, из иностранных — Марио Ланца, Карло Бутти... Я подражал им на ранних порах, слушая их пластинки на патефоне и на проигрывателе, учился у них петь, и считаю их своими учителями.

Нина Краснова: — Певцы с красивыми голосами вообще — большая редкость?

Анатолий Шамардин: — Да. Особенно сейчас. Особенно у нас на эстраде. В эпоху рыночных отношений. Раньше таким певцам у нас мешали пробиться к слушателям разные худсоветы, которые требовали от них советского репертуара, а сейчас им мешают пробиться другие структуры, которые требуют от них баснословных денег за раскрутку, за рекламу.

Но надо сказать, что раньше, в 50-е, 60-е, 70-е годы, по радио и телевидению все же звучали в основном певцы с красивыми голосами, хотя и с советским репертуаром. А не просто такие, которые обладали вокальной техникой. Это само собой разумеется, что профессиональный певец обязан обладать вокальной техникой... на то он и профессиональный певец. Он обязан правильно брать ноты, верха и низа, обязан владеть своим ремеслом, обязан хорошо петь. В этом нет ничего особенного. И, надо сказать, я в своей практике (а практика у меня богатая, я много лет работал в разных филармониях России) почти не встречал певца, который бы плохо пел и плохо держался на сцене. Все певцы

были со специальным музыкальным образованием, кто окончил консерваторию, кто музыкальное училище... все хорошо пели и хорошо держались на сцене. Но я всегда отдавал предпочтение... певцам не просто с высокой вокальной техникой или с какими-то особыми актерскими данными или с каким-то особым репертуаром, а певцам с красивыми голосами...

Для меня важен в первую очередь сам голос певца, его тембральная окраска, а не актерские данные певца и не его внешность, и даже не тексты его песен. От красивого голоса исходит светлая положительная энергетика, которая оказывает на слушателя соответствующее психотерапевтическое влияние... Именно такими голосами обладали названные мной певцы. Сергей Лемешев, Георгий Виноградов, Глеб Романов... К ним можно добавить иностранных певиц Эллу Фитцджеральд, Марию Каллас... Или нашу Викторию Иванову... У Виктории Ивановой — изумительный, серебряный, проникающий в самую глубину души голос... Причем все песни, все романсы, которые она поет, написаны на красивые стихи. Сочетание красивого голоса с красивой поэзией — это исключительная редкость. ...У Анны Герман — тоже очень красивый, я бы сказал, божественный голос... У всех этих певцов и певиц не просто красивые, а божественные голоса. И таких голосов, естественно, не может быть сотни тысяч, миллионы миллионов... Можно обучить певца вокальному мастерству, в какой-нибудь консерватории, но ни в одной консерватории нельзя дать ему красивый голос, если его нет. Он дается от природы, как талант. Он или есть или его нет. Его можно потерять, его можно развить, но приобрести, если его нет от природы, нельзя.

Нина Краснова: — Существует талант и полуталант, или, талантливость и «полуталантливость», говоря словечком Розанова, который сказал об одной женщине, что она немного пишет, немного поет, немного рисует, и всё это как бы и неплохо, но — банально, а значит серо, и всё это есть — «полуталантливость».

Анатолий Шамардин: — Полуталантливость — бывает страшнее полной бесталанности. Потому что бесталанность чаще всего сразу видно невооруженным глазом. А полуталантливость можно не рассмотреть и долгое время принимать за талантливость, за подлинный талант. Причем человек-полуталант, например, тот же певец, со своей

полуталантливостью иногда — путем агрессивного маркетинга и рекламы — добивается намного большего успеха и популярности, чем подлинный талант.

Нина Краснова: — Правда, ему приходится тратить очень много лишних сил, чтобы пустить всем пыль в глаза и выдать себя за звезду. Приходится прибегать к разным внешним эффектам, к сногшибательным нарядам, к дорогостоящей косметике, к богатой, ультрасовременной аппаратуре, к светотехнике, к подтанцовкам и подпевкам, к акробатическим трюкам... Чтобы произвести впечатление на зрителей и слушателей, ошеломить их, ему приходится не только петь, но и кувыркаться и ходить на голове, и устраивать целое шоу, и задействовать в своем концерте человек пятьдесят, а то и сто, вместе с подтанцовщиками и подпевщиками, с операторами, визажистами, стилистами, костюмерами, режиссерами. Да еще подключить к этому все средства массовой информации, газеты, радио и теле. А без этого он будет неинтересен публике.

Анатолий Шамардин: — Сейчас и таланты равняются на полуталанты, боятся отстать от них. А раньше было как? Как пели певцы? Они выходили на сцену, где, кроме рояля, больше ничего не было, стояли на голой сцене, перед залом, один на один с публикой, почти по стойке «смирно», не делали никаких лишних движений, не дергались, не прыгали, просто открывали рот и пели. И всё. Причем даже без микрофона. И — покоряли публику.

Нина Краснова: — Одним из таких певцов и твоих главных косвенных учителей был и Михаил Александрович, который дожил почти до девяноста лет и умер совсем недавно, последний из могикан?

Анатолий Шамардин: — Михаил Александрович обладал феноменально красивым голосом и оказывал на слушателей магическое воздействие. Он пел русские классические песни и романсы, арии из опер и неаполитанские песни. Не одни только русские и не одни только неаполитанские. Причем он был вундеркиндом. И причем самым исключительным из всех, какие были за всю историю человечества. Вообще-то в музыкальном мире очень много вундеркиндов. Но в основном — среди скрипачей, пианистов, композиторов, а среди певцов — их не так уж и много. Например, ни Энрико Карузо, ни Бенья-

мино Джильи, ни Марио Ланца, ни другие выдающиеся певцы не были вундеркиндами, то есть они не пели, например, с восьми лет, — то есть пели в детстве, как все дети, но не лучше других детей. И нет среди певцов ни одного вундеркинда, который и во взрослом возрасте представлял бы из себя такое же замечательное явление, как в детстве. Вундеркиндом в чистом виде был Робертино Лоретти. Мальчик, который обладал божественно красивым, редчайшим голосом и в десять лет покорила весь мир. Но этот божественно красивый голос был у него только до пятнадцати лет, до мутации, а после мутации он у него пропал, изменился, что и должно было произойти, не мог же Робертино всю жизнь петь голосом мальчика, голосом ребенка, у него появился другой голос, мужской, лирический баритон, но уже не такой красивый, как раньше, не красивее, чем у других певцов. И Робертино из исключительного певца превратился в такого, каких много. Единственный во всем мире певец, который обладал божественно красивым голосом и в детстве, и в отрочестве, и в юности, и в зрелости, и во все периоды своей жизни и сохранил его и свой талант до глубокой старости, до девяноста лет, это Михаил Александрович: у него после мутации голос превратился в тенор, но не испортился, а остался таким же божественно красивым и редкостным, как и до мутации, хотя и стал совсем другим, мужским. — Феноменальное и единственное такое явление, равных которому нет в мире... Он был певцом широкого профиля. Но, правда, совсем не пел советских песен гражданского звучания, а — только песни о любви. И, наверное, поэтому впал в немилость у советских чиновников и вначале 70-х годов стал испытывать большие трудности с организацией своих сольных концертов. Тридцать лет назад Михаил Александрович уехал из Советского Союза в Германию. И все радиозаписи с его голосом были у нас изъяты из фондов радио и размагничены, то есть стёрты и уничтожены, по указанию высоких инстанций, и пропали для истории и для любителей высокого искусства. И сейчас мало кто у нас знает и помнит такого певца, только люди преклонных лет и музыкальные специалисты... К сожалению, россияне лишены удовольствия слышать Михаила Александровича. Его голос и его песни в записях есть только у коллекционеров, в их частных коллекциях, на старых пластинках и магнитофонных пленках...

Нина Краснова: — Два года назад ты выступал в Фонде культуры

на вечере, посвященном Михаилу Александровичу. Пел песни из его репертуара, из кинофильма «Уличные серенады» и другие. И восхитил всех, кто присутствовал на вечере... и Александру Пахмутову, и разных заслуженных работников культуры, и журналистов, сотрудников популярных газет и радиокомпаний...

Анатолий Шамардин: — На вечере были гости из Германии, друзья Михаила Александровича. Они сделали запись вечера на видеопленку и увезли ее в Германию и подарили виновнику торжества, чтобы он мог порадоваться тому, что у него в России есть свои большие почитатели, ученики и преемники. После этого вечера меня пригласили выступить на «Эхо Москвы». И я выступал там целых полтора часа. Получил много откликов от радиослушателей.

Нина Краснова: — У тебя, как и у Михаила Александровича, весь репертуар состоит из песен о любви.

Анатолий Шамардин: — Я считаю, что такие песни полезны для здоровья, и для здоровья певца, и для здоровья слушателей, а значит для страны в целом. Они делают людей добрее, романтичнее, чувственнее, и в этом смысле они выполняют как бы «гражданскую роль». И Александрович со своими песнями о любви был более гражданственным певцом, чем многие из тех, которые считались таковыми и получали за это звания заслуженных артистов. К тому же он их пел красивейшим голосом, что особенно важно. У нас сейчас нет певцов с такими голосами.

Нина Краснова: — Зато много певцов совсем без голосов... Таких, которые иногда и сами признаются в этом и говорят о себе: да мы не певцы, мы просто исполнители. Однако они выступают на большой сцене и занимают место настоящих певцов, с голосами, и некоторые даже считаются великими исполнителями.

Анатолий Шамардин: — Про таких исполнителей, как правило, говорят, что они поют душой.

Нина Краснова: — Как будто наличие красивого голоса у певца исключает наличие у него души и как будто певец с голосом не может петь и душой, а не только глоткой.

Анатолий Шамардин: — Вообще-то... на самом деле... безголосых певцов не бывает и быть не может. Безголосый — это глухонемой. У каждого певца есть хоть какой-то голос. Просто далеко не у каждого он красивый, а тем более божественный, с красивым тембром. Бывают певцы, которые хорошо владеют вокальной техникой, а сам голос у них не вокальный. Он у них, например, как гудок, в песне Яна Френкеля: «Подпевает электричке ткацкой фабрики гудок...» Если голос как гудок — это не значит, что он плохой. Гудок — он и есть гудок. Он — функционален. Но о нем нельзя сказать: ах, какой очаровательный гудок.

Нина Краснова: — А какие еще типы голосов бывают, по твоей классификации?

Анатолий Шамардин: — Голоса бывают гнусавые... Голоса бывают писклявые. Голоса бывают еще какие-то там надтреснутые... И бывают такие голоса, о которых очень хорошо, всего несколькими словами, всего одной фразой из нескольких слов, сказал Николай Васильевич Гоголь. Он сказал от лица одного героя: голос у меня небольшой, но противности необычайной.

Нина Краснова: — Очень много у нас таких голосов, «небольших, но противности необычайной».

Анатолий Шамардин: — И есть просто банальные голоса, никакие. И если все время афишировать и давать слушателям слушать вот такие голоса — скажем, не то чтобы плохие, но — банальные, тогда красивый голос не будет восприниматься как красивый. Потому что у слушателей перепрограммируется сознание, изменится вкус, и тогда всё хорошее будет восприниматься как нехорошее, по сравнению с тем, что афишируется и пропагандируется, а божественное вообще не будет восприниматься... и будет казаться чем-то устаревшим, немодным, несовременным и никому не нужным и плохим, и про банальное будут говорить: это чудо! а про божественное: это ерунда!

Нина Краснова: — Многие молодые люди, новой генерации, уже перестали воспринимать красивые голоса. Слушают певцов с нулевыми данными, которые поют под фонограмму, цумба-цумба, и именно их считают настоящими певцами, а настоящих за певцов не считают и слушать их не хотят.

Анатолий Шамардин: — Причем сейчас развелось много «звезд», которые сами пишут и музыку, и тексты песен... так сказать, на все руки от скуки. А тексты — не поймешь о чем. И слушатели на концертах сидят, ничего не понимают, но делают вид, что всё понимают, и аплодируют исполнителю. И нет среди них того мальчика, который, как в сказке Андерсена, сказал бы, что король-то голый. Я помню, в одной музыкальной телепередаче один слушатель слушал-слушал глубокомысленные тексты одной «универсальной» новоявленной «звезды» и поднялся с места и сказал окружающим: «Я вот сижу здесь, доцент с филологическим образованием. И неужели я один здесь сижу такой дурак тупой, что я один ничего не понимаю, а все всё понимают, о чем идет речь в этой песне?»

Нина Краснова: — Анатолий, ты живешь в Москве. А где ты родился?

Анатолий Шамардин: — Я живу в Москве уже больше тридцати лет. А родился я на Ставрополье, на Северном Кавказе. В селе Ольгино. Это, кстати сказать, недалеко от того места, где родился и Михаил Сергеевич Горбачев. Но через полгода мои родители переехали в село Хасаут, которое находится по соседству с Ольгином. Хасаут — это такое греческое село, затерянное в горах и в лесу. Там жили греки, русские, казаки, украинцы. И там я жил до четырнадцати лет. Там формировался. Отец у меня — русский, казак. А мама — гречанка. Ее предки — понтийские греки, выходцы из Трапезунда, которые когда-то, несколько веков назад, поселились в Причерноморье, в Сухуми, на Северном Кавказе, переселились туда из Греции. Так что я русский грек. Ничего музыкального у нас в селе не было, в смысле — музыкальной школы или училища. Но была своеобразная музыкальная культура со своим мелосом, со своим фольклором, в котором переплелись греческие, русские и украинские интонации, и всё это — вместе — постоянно звучало в виде песен, с многоголосьем. У нас в селе все пели. А лучше всех пела моя тетя, Ирина, жена маминого брата, казачка, она очень хорошо пела русские песни, как никто. И оказала на меня сильное влияние. Благодаря ей я с детства узнал и полюбил русские песни.

Нина Краснова: — Анатолий, ты поешь с самого детства? Ты, можно сказать, вундеркинд, как Робертино Лоретти?

Анатолий Шамардин: — Моя мама говорила мне, что я с самого детства, с самых малых лет очень любил петь. Самые разные песни. И когда мне было три или четыре годика, меня даже хотели утащить чужие люди, потому что я очень хорошо пел... Один раз я сидел на бревнышках, в каком-то городишке, в Тернаузе или еще где-то, где мои родители какое-то время снимали квартиру... И пел песню Исаака Дунаевского из кинофильма «Дети капитана Гранта» — «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер»:

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет!

И какие-то дядя с тетей, муж с женой, цыгане или не цыгане, услышали меня и хотели утащить. Поманили конфетками и увели с собой. И мама не могла меня найти. Другие люди наши соседи, ей помогли. Догнали «цыган», отняли меня у них и вернули маме.

Нина Краснова: — Жалко, что тебя не услышал тогда какой-нибудь импрессарио. Может быть, он раскрутил бы тебя и сделал из тебя русского Робертино Лоретти...

Анатолий Шамардин: — Импрессариев в Тернаузе и в Хасауте не было. Они через эти точки земного шара не проезжали.

Нина Краснова: — Тем не менее, я знаю, что многие радиослушатели называют тебя русским Робертино Лоретти. И говорят, и по радио, и в письмах, что если бы Робертино не сорвал перед мутацией голос, он сейчас пел бы как ты, что ты — это как бы взрослый Робертино, каким он был бы сейчас, если бы не перенапряг свой голос...

Анатолий Шамардин: — Не скажу, что мне неприятно и не лестно такое мнение моих радиослушателей обо мне...

Нина Краснова: — Тебя называют и русским Марио Ланца... И кем тебя только не называют... Ведущие «Эха Москвы» дали в эфир песню в твоём исполнении на иностранном языке и спросили у радиослушателей: угадайте, кто это поет? Ответы на пейджер пришли такие: это поет Карел Гот, Клаудио Вилла, Марио Ланца, Элвис Пресли, Хулио

Эглесиас... И только один ответ оказался правильным: Анатолий Шамардин...

Анатолий Шамардин: — Когда тебя не все узнают по радио, но зато путают и сравнивают тебя не с какими-то плохими, а с самыми лучшими мировыми певцами, ставят в один ряд с ними, это, по-моему, не обидно, а даже наоборот...

Нина Краснова: — Ты и на музыкальных инструментах с детства играешь? На каких?

Анатолий Шамардин: — В деревне у нас не было никаких музыкальных инструментов. Когда я в 14 лет переехал с родителями из Хаусаута в город Черкесск, я первый раз в жизни увидел там на сцене пианино. И спросил у ребят: что это за черный ящик стоит на сцене? Мне сказали, что это не ящик, а пианино. Потом я научился играть на нем. Сам. Никто меня не учил.

Мой дядя когда-то играл на скрипке. Он знал ноты и научил меня играть — примитивно — по нотам, на мандолине, дал мне первые навыки в музыкальной грамоте. И таким образом я освоил мандолину, а потом и балалайку, и семиструнную гитару... Всё в детстве.

Нина Краснова: — И ты с детства мечтал стать певцом и музыкантом?

Анатолий Шамардин: — Нет. Я с детства любил петь и любил играть на мандолине, на гитаре, на балалайке и так далее. Но у меня тогда не было мысли посвятить себя искусству. Потому что в моем кругу не было таких людей, таких авторитетов, которые оценили бы меня и сказали бы мне: ой, как хорошо ты поешь, какой красивый у тебя голос, ой, как хорошо ты играешь на мандолине... тебе надо учиться в музыкальном училище, в консерватории... Никто не подсказал мне, по какому пути я должен идти. А сам я себя недооценивал как певца и музыканта. И поэтому я поступил в иняз, в пединститут. И стал учиться в инязе, сначала в Пятигорске, потом в городе Горьком. В обоих институтах, и там, и там, было много музыкальных людей, были свои самодеятельные оркестры, и я занимался в этих оркестрах и участвовал в самодеятельных концертах и таким образом был связан с музыкой. В Горьком я посещал консерваторию, слушал со стороны, как люди поют. А кроме того я собирал пластинки с записями известных

певцов с красивыми голосами, слушал их, учился у них, они были моими главными учителями. Особенно мне нравились итальянские певцы, которые владели искусством настоящего бельканто, всемирно известные тенора с божественными голосами — Клаудио Вилла, Тито Скипо... Я подражал им, интуитивно, на слух, и таким образом развивал сам себя, свои вокальные данные.

Нина Краснова: — А в инязе ты учился на каком факультете?

Анатолий Шамардин: — На факультете немецкого и английского языка. А после института я какое-то время преподавал в вузах эти языки, лексикологию, стилистику, историю языка, сложнейшие дисциплины. И продолжал заниматься музыкой. И стал сочинять свои песни на стихи разных поэтов. Прочитаю сборник какого-нибудь поэта, понравится мне там какое-нибудь стихотворение, и я пытаюсь выразить свое музыкальное восприятие этого стихотворения и начинаю напевать стихотворение на свой мотив и записывать это на магнитофон, тогда как раз начали появляться магнитофоны, и смотрю: у меня получается песня, которую я сам же и пою. И в конце концов я приехал в Москву и поступил в оркестр Леонида Утесова, с легкой руки выдающегося певца Николая Никитского.

Нина Краснова: — Но до этого ты успел поработать в Ленинградской филармонии? Ты, насколько мне известно, попал туда с легкой руки Эдуарда Хиля?

Анатолий Шамардин: — Да. Я окончил в Ленинграде аспирантуру. И должен был поехать по распределению, по направлению в Кострому, преподавать там в пединституте иностранные языки. А вместо этого пошел работать в Ленинградскую филармонию... Как это получилось? Я написал для Эдуарда Хиля песню, под его голос и под его манеру исполнения, и пришел к нему на концерт. И после концерта сказал ему: «Эдуард Анатольевич, я написал для вас песню». И напел ее ему:

Ну, конечно, море синее
И волна всегда крута...

Он спросил у меня: «А где вы поете?» Я сказал: «Да я нигде не пою... Я просто преподаю иностранные языки в вузах и пробую писать песни...» Он посоветовал мне прийти в Ленинградскую филармонию и показаться там директору и администрации. И сказал: «Только вы —

главное — поменьше говорите и даже лучше совсем ничего не говорите и не рассуждайте... Зайдите туда, расчехлите гитару, открывайте рот и... сразу начинайте петь...». А то они могут вас выпроводить и не успеют выслушать. Вы заходите и сразу (без лишних слов) начинайте петь!». Я так и поступил. Зашел в кабинет к директору, расчехлил гитару и сразу запел, какую-то итальянскую песню... Спел. Смотрю, директор... фамилия у него была Гинзбург... посмотрел на меня... так... удивленно и сказал мне: «А вы знаете, очень даже неплохо (очень даже неплохо вы спели итальянскую песню, и вообще вы очень даже неплохо поете)! У нас уже есть одна певица с французской фамилией. Ирэн Бенуа. Она тоже поет иностранные песни. А вы будете у нас второй. Мы вам быстренько ставку сделаем и отправим вас на гастроли, как говорится, в путь!..» И мне сделали приличную по тем временам ставку — восемь рублей за выступление. И сразу отправили меня на гастроли. И я там начал осваивать амплуа артиста. Начал выходить на сцену и петь. Я пел иностранные песни — благо, что на меня никто не давил и не заставлял петь советские песни гражданского звучания, для которых у меня голос не подходит. Я пел свои авторские песни и иностранные, итальянские, греческие, Микиса Теодоракиса, всякие там сиртаки. Это тогда очень хорошо воспринималось слушателями, зрителями. Да и сейчас тоже.

Нина Краснова: — А уже после Ленинградской филармонии ты попал в оркестр к Леониду Утёсову?

Анатолий Шамардин: — Да. В Ленинградской филармонии я приобрел какой-то опыт артиста, по этой части, и поехал в Москву. И поступил работать в оркестр Леонида Осиповича Утёсова. В 1971 году. Оркестр был большой. Участников там было много. И певцы, и фокусники, и акробаты, и конферансье, и ведущие концертов... А программа каждого концерта была выстроена так, что там должны были звучать только русские песни, в том числе гражданского содержания, военно-патриотические, типа:

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой,
Ехал мимо Варшавы,

Ехал мимо Орла,
Там, где русская слава
Все тропинки прошла...

...Я со своим иностранным репертуаром не очень вписывался в эту программу. И поэтому худсовет поначалу отнесся ко мне без восторга...

Нина Краснова: — А Утёсов как отнесся к тебе?

Анатолий Шамардин: — Утёсов прослушал меня и взял меня под свое крыло и защитил от худсовета. Он так выразительно посмотрел на меня и на мой нестандартный, нерусский нос. И сказал с легкой шуткой: «Ну как он может петь русские песни с таким носом?» И сказал дирижеру Владимиру Старостину: «Володя, возьми Толю в оркестр в порядке исключения. Пусть он поет песни народов мира и свои авторские песни». И я стал выступать с оркестром Утёсова. Я пел песни народов мира и свои авторские песни. А аккомпанировал мне малый состав оркестра, музыканты самого высшего класса и выдающийся пианист Леонид Чижик, он играл на рояле.

Нина Краснова: — А кто еще из известных артистов работал тогда, в 1971 году, в оркестре Утёсова?

Анатолий Шамардин: — Геннадий Хазанов... Он был ведущим концерта. Читал «Кулинарный техникум», с которым потом прославился на весь Советский Союз.

Еще в оркестре Утёсова работала прекрасная певица Джильда Мажекайте, литовка по национальности. У нее был низкий прекрасный голос, альт. И сама она была очень привлекательная, эффектная, броская. Она была очень популярна в то время. Но потом постепенно спилась, к сожалению. И я не знаю, где она сейчас, что с ней. Она любила выпить. А это дело никого до хорошего не доводит... И муж у нее пил... Его звали Боря. Он у нее чуть ли не в Большом театре танцевал, а потом тоже спился. Помню, я поехал с коллективом артистов от Московской областной филармонии (уже после Утёсова) на Украину. Мы выступали где-то. В коллективе была Джильда Мажекайте со своим Борей. И он — немножко в поддатом виде — танцевал с балериной 7-й вальс Шопена, носил, носил ее на руках по сцене и... уронил, прямо на пол, и сам упал на нее. Зрители захохотали, думали, что это такой

специальный комический номер, комический трюк... А маленький мальчик лет шести, который сидел у рампы, дернул свою маму за юбку и говорит: «Ма, глян, дядька пьяный...». А он услышал это, подошел к мальчику и говорит: «Кто пьяный? Я пьяный? Сам ты пьяный!». Много было смешных случаев, когда я работал на эстраде.

Нина Краснова: — Расскажи смешной эпизод про костюм Бедроса Киркорова...

Анатолий Шамардин: — Когда меня взяли в оркестр Утесова, мне сказали, что я должен выходить на сцену и выступать перед публикой в приличном костюме... Но я был тогда такой бедный, что у меня не было приличного костюма. У меня ничего не было. Ни московской прописки, ни квартиры, ни костюма. Я получал зарплату 110 рублей в месяц, еле сводил концы с концами... Я сказал: «У меня вообще никакого костюма нет». Мне сказали: «Тогда знаете что? Тогда вы наденьте костюм одного нашего певца, который работал у нас до вас... У нас до вас работал хороший певец — Бедрос Киркоров... — Это значит — отец Филиппа Киркорова, то есть отец будущей звезды эстрады. — Вон у нас остался его костюм. Наденьте его и будете в нем выступать...». А костюм этот был размеров на пять больше моего размера, ну не на пять, а все же намного больше... Он был мне сильно велик... Я надел его и утонул в нем и стал похож на клоуна и на Пьеро: рукава длинные, штанины длинные, плечи не мои... пиджак на мне висит, брюки висят... Я же был тогда очень-очень тонкий и худой, я и сейчас не толстый, а тогда вообще был как соломинка для коктейля. В таком прикиде я и вышел выступать первый раз с оркестром Утесова... И произвел на зрителей трогательное впечатление, и они долго мне аплодировали. Так состоялся мой дебют с оркестром Утесова. А потом я заказал себе в ателье и концертные брюки, и пиджак, и рубашку белую... по фигуре. И выступал уже в подходящем артисту наряде.

Нина Краснова: — А тебе приходилось когда-нибудь петь песни о партии? В советское время все певцы должны были петь так называемые песни гражданского звучания, и почти все певцы это делали. Без этого было нельзя.

Анатолий Шамардин: — Когда я еще учился в институте, в Пятигорске, и заканчивал первый курс, мне пришлось участвовать в гран-

диозном мероприятии, или, как сейчас сказали бы — в грандиозном шоу, посвященном 400-летию «добровольного вхождения народов Северного Кавказа (в том числе Карачаево-Черкессии) в состав России». Эта дата отмечалась с помпой. В Москве собрали со всего Северного Кавказа восемьдесят музыкально одаренных, поющих молодых людей с красивыми голосами, совсем молодых ребят, из школ и вузов, и организовали хор, получилось что-то вроде ансамбля песни и пляски Александрова, что-то вроде музыкальной сборной Кавказа. Представь себе — восемьдесят солистов с великолепными голосами. И я попал в эту сборную. А возглавлял ее композитор Вано Мурадели. Но сначала нас собрали в Кисловодске, прислали нам из Москвы симфонический оркестр, дали великолепных хормейстеров, дирижера и целых полгода готовили нас для концертов в Москве. И на это время всех, и меня в том числе, даже освободили от занятий в школах и вузах. Когда все было готово, нас привезли в Москву, и мы выступали в театре Станиславского и Немировича-Данченко, и в Колонном зале, и на других сценах. Мы пели разные песни, в том числе кантату, которую написали известные композиторы из Нальчика — об истории отношений народов Кавказа и России:

Давно это было, при Грозном Иване...

И еще мы пели песню о партии, которую специально к этому торжеству написал Вано Мурадели. Тогда обязательно нужно было петь песни о партии... Песня была сложная, для ее исполнения нужен был солист с высоченным голосом, который мог бы взять верхнее си. И солистом назначили меня. И я пел:

Партия — наша сила,
Партия — наша слава!
Тебе, родная партия,
Адыги шлют саля-я-ааам!

Нина Краснова: — Это была единственная в твоей жизни песня о партии, которую ты пел в концерте?

Анатолий Шамардин: — Да. И она произвела на всех потрясающее впечатление. Меня нарядили в черкеску, дали мне саблю. И я в этой черкеске и с саблей на боку как закатил на высоких нотах: «Тебе, родная партия, адыги шлют саля-я-я-аам!» Что после этого бы-ы-ло! Такие

аплодисменты, такие овации! Ваню Мурадели выбежал на сцену и закричал в экстазе, выпучив глаза: «Да здравствует наша Коммунистическая партия и лично Никита Сергеевич Хрущев!» А потом на сцену выпустили танцевальную группу, которая состояла из черкесов, карачаевцев, кабардинцев, абадзинцев, ногойцев, адыгов. Очень сильная группа! Ну представь себе, как могут танцевать собранные вместе черкесы, карачаевцы, кабардинцы, абадзинцы, ногойцы, адыги... Это было что-то невероятное! Что-то такое темпераментное, зажигательное — это у них в крови. И я стоял на их фоне — в черкеске, с саблей на боку. У меня даже фотография такая сохранилась. Мне тогда было всего восемнадцать лет. ...Пение в этом хоре, на шесть голосов, где все голоса звучат как органы, было для меня очень хорошей школой и очень много дало мне для моего музыкального развития. Нас научили петь с листа, прямо по нотам. Я очень легко научился этому. И это потом пригодилось мне. И все это потом повлияло на мое решение уйти работать на эстраду. Но больше я никогда не пел песен о партии.

Нина Краснова: — После оркестра Утесова тебе пришлось работать в разных филармониях России...

Анатолий Шамардин: — Да, в разных филармониях мне пришлось работать...

Нина Краснова: — А почему ты ушел из оркестра Утёсова? Тебе захотелось самостоятельности, творческой свободы и независимости?

Анатолий Шамардин: — После меня в оркестр Утёсова пришел Сергей Захаров. Он тоже оттуда ушел. Недолго там проработал. Я не знаю, почему он ушел. Может быть, потому же, почему ушел и я. А я ушел — потому, что мне действительно захотелось творческой свободы и самостоятельности. Мне хотелось выступать в сольных концертах, а в оркестре я должен был выступать только «номером», в общей программе. Мне разрешалось спеть две-три песни, но не больше, а мне хотелось петь больше. Я хорошо проходил на публике. Спую одну песню, публика требует еще, в зале аплодисменты. Спую вторую, ухожу за кулисы, публика требует еще, не успокаивается, в зале — овации. А я не имею права петь больше трех песен. Меня это не устраивало. К тому же у меня не было ни квартиры, ни прописки, и не было перспективы получить всё это через оркестр. Да и зарплата была чисто

символическая. И я стал работать в разных филармониях страны от Росконцерта, ездить с концертными программами по разным городам, гастролировать. Я по своему складу — вольная птица, и люблю быть вольной птицей. Но, конечно, мне пригодилась школа, которую я прошел в оркестре Утесова.

Нина Краснова: — А с Николаем Никитским ты как познакомился?

Анатолий Шамардин: — Я познакомился с ним благодаря Иосифу Раскину. А с Иосифом Раскиным я познакомился случайно, на улице, в переходе метро. Он продавал там книги на лотке, и делал это очень талантливо, как настоящий коробейник, зазывая к себе прохожих и рекламируя свой «товар»: «Товарищи прохожие! Подходите сюда! Берите книги! У меня самые интересные книги во всей Москве!» Я купил у него какую-то книгу, и мы с ним разговорились. И потом он свел меня с Николаем Никитским. Это тогда был очень известный и очень популярный у нас в стране певец. Сейчас его не многие помнят. А тогда он был суперизвестный и суперпопулярный. Он пел такие песни, как «Рио де Жанейро», «Се си бон», «Пчелка», песню Жана Татляна «Осенний свет» («Осенний свет. К чему слова? Осенним светом полна голова») и многие другие, в том числе танго и старинные и современные романсы. Гениальный был певец. Под его песни танцевала вся страна. Я пришел к Николаю Никитскому домой, с гитарой. Спел ему несколько песен. Он был в неопишемом восторге от всего этого. И рекомендовал меня в оркестр Леонида Утесова, самому Леониду Осиповичу и сказал ему: «Берите его! Это ценный певец! Это — верняк!»

Нина Краснова: — Тебя оценил и такой певец, как Георгий Виноградов.

Анатолий Шамардин: — Да, один из моих кумиров. Я познакомился с ним в 1970 году. Он тогда преподавал класс вокала в эстрадно-цирковом училище, на ВДНХ. Я приехал к нему туда и сказал, что хотел бы учиться у него, и спел ему одну из песен его репертуара, «В городском саду играет духовой оркестр», на стихи Фатьянова. Георгий Павлович Виноградов послушал меня и сказал: «Молодой человек, вам не надо учиться петь, вам надо петь. Вы уже поете. Вы — уже готовый певец. Вам надо выступать на эстраде». Но я тогда не думал сам про себя так. И до сих пор считаю, что мне не помешало бы по-

учиться в классе вокала у такого мастера (кстати сказать, у него учился Геннадий Каменный).

Нина Краснова: — Что ты мог бы сказать о публике, которая приходила и приходит на концерты артистов и на твои концерты?

Анатолий Шамардин: — Плохой публики не бывает — вот что я могу сказать. Бывают плохие артисты, а плохой публики не бывает. Я понял это с годами.

Публика — самый лучший худсовет, именно она и должна играть роль худсовета. Прием публикой артиста — это и есть истинная госприемка. Я писал об этом когда-то в одной из своих статей, которая была напечатана во владимирской газете «Призыв». Если артист выходит на сцену и выступает, публика должна реагировать на него так — как в поэме Грибоедова:

Кричали женщины «ура!»
И в воздух чепчики бросали!

Хороший артист не может не вызывать восторга у публики, и наоборот — не может плохой артист вызвать восторг и восхищение. Если, конечно, он не привел с собой клакеров, фанатов, которые создают ему искусственный успех с аплодисментами и вводят публику в раж и заводят ее, и она, поддаваясь стадному чувству, вместе с клакерами и фанатами начинает безумствовать, особенно если подвыпьет.

Нина Краснова: — А современная публика чем-то отличается от публики, допустим, 60-х — 70-х годов?

Анатолий Шамардин: — Раньше публика не была избалована и запутана обилием музыкальной информации, обилием эстрадных имен. Была более наивна и более непосредственна. И воспринимала артистов не по их раскрученности и разрекламированности, а на подсознательном уровне. Она могла прийти в зал на концерт совсем неизвестного артиста и принять его лучше, чем самого известного. Только потому, что он ей понравился. Она больше доверяла своему собственному вкусу и собственному мнению, а не тому, который ей навязывают средства массовой информации. Сейчас полные залы собрать труднее, чем раньше. Публика, как правило, рассуждает так: «Если мы не знаем такого артиста — не видим его по телевизору, не слышим каждый день по радио, он там не выступает, его туда не приглашают, его имени нет

в обойме известных, значит он плохой, и мы не пойдем на него...». А раньше люди были более любопытны и более самостоятельны в этом плане, они шли на концерты неизвестных певцов и открывали их для самих себя. И любили их не меньше, чем известных. И для них было событием, если к ним в город приезжал артист из Москвы, даже пусть и незначительный. Они валом валили на его концерт, заполняли все места в зале, чтобы послушать его и составить о нем свое собственное мнение.

Нина Краснова: — Есть люди, которые слышали тебя когда-то, много лет назад, на концерте, всего один раз в жизни, но помнят тебя всю жизнь. Рязанская писательница Алла Нечаева недавно услышала тебя по Рязанскому радио, где мы с тобой выступали, и сказала мне: «Я этого певца слышала в Костроме двадцать пять лет назад. И запомнила на всю жизнь. У него такой необыкновенный голос — услышишь один раз и уже не забудешь никогда и не спутаешь ни с каким другим».

Анатолий Шамардин: — Мне часто это говорят совсем незнакомые люди, особенно когда я выступаю по радио в открытом эфире... И мне это приятно.

Нина Краснова: — А в каких филармониях ты работал? Просто назови, перечисли их...

Анатолий Шамардин: — Я работал в Ивановской филармонии, в Смоленской, в Брянской, во Владимирской, от Росконцерта... Выступал везде, где мог. И в разных городах, в больших концертных залах, и в разных селах, в колхозах и совхозах, в красных уголках, на фермах. Проверил себя в на разных аудиториях. И я скажу, что публика — везде одинакова. Она умеет отличить хорошее от плохого. Как человек умеет отличить, допустим, черную икру от кабачковой. Ему не надо для этого какого-то особого образования, ученой степени, не надо быть профессором пищевых продуктов: если ему дать черную икру и кабачковую, он без всяких специальных знаний разберется и скажет: черная лучше, вкуснее и полезнее. Так и зритель умеет отличить хороший голос от плохого. По тому удовольствию, которое он получает от хорошего, чистого, льющегося голоса, переливающегося разными красивыми оттенками, по той положительной, светлой энергетике, которая исходит от него. От плохого голоса, к тому же прокуренного и пропитого, какая

может идти энергетика? — только отрицательная, больная, вредная... И зритель не может не почувствовать всего этого. И для меня мнение публики всегда было важнее, чем мнение худсоветов...

Нина Краснова: — К сожалению, судьба артиста всегда зависела не от публики, а от худсоветов.

Анатолий Шамардин: — В том-то и дело, в том и беда. От худсовета зависели и сольные концерты, сольные отделения, дадут тебе их или не дадут, и ставка, то есть твоя зарплата, повысят тебе ее или не повысят.

Нина Краснова: — У тебя всегда были противоречия между отношением к тебе публики и между отношением к тебе худсоветов?

Анатолий Шамардин: — Да. Публика всегда принимала меня на «ура». А худсоветы не хотели давать мне сольных концертов и повысить ставку за выступление. Очень трудно было добиться этого. Только в 1978 году я добился высокой ставки, самой высокой, выше которой не было, — 18 рублей за выступление. Сейчас она, конечно, кажется смехотворной, а тогда это считалось — ах! Такая ставка была, например, у Аллы Пугачевой.

Нина Краснова: — И как ты, при своем непробивном характере, добился этого?

Анатолий Шамардин: — Я решил устроить свой сольный концерт в каком-нибудь большом зале, и пригласить туда влиятельных людей из министерства культуры РСФСР. Чтобы они посмотрели, как меня принимает публика. Я договорился в Москве с театрализованным залом «Мэлза» — огро-о-мный зал на восемьсот мест. Оттуда раньше транслировались телепередачи. Это около метро «Электrozаводская»... В зале должно было проходить какое-то собрание завода, рабочих всех цехов с персоналом. И я упросил дирекцию завода дать мне возможность в перерыве между прениями выступить в этом зале с сольным концертом. И пригласил в качестве аккомпаниаторов выдающихся музыкантов... гитариста Сергея Орехова, который очень любил выступать со мной, и одного шикарного баяниста, басиста. И в качестве зрителей пригласил нескольких человек из министерства культуры. Ведущим концерта был режиссер Центрального телевидения Ваграм Кеворков (режиссер фильмов-многосериек «Мальчик со шпагой», «Та

сторона, где ветер» и других). И когда товарищи из министерства культуры увидели, после первой же моей песни, как реагирует на меня зал, в котором не было ни одного пустого, свободного места, и когда увидели, как после концерта публика буквально стояла на ушах и не хотела отпускать меня и орала «Браво! Бис!», они сказали мне: «У вас прекрасный голос, вы прекрасен поете. Поэтому ни о чем не беспокойтесь, приходите в министерство культуры, и мы решим ваш вопрос со ставкой». И таким образом я получил эту ставку, которая никому не давалась сразу. Человек должен был добиваться ее постепенно, в течение десятка лет, повышать по рублю из года в год. Хотя не ахти какая это была оплата труда. Сколько у нас было выдающихся певцов, а ставки у всех были в общем-то маленькие. А мы считали, что большие. Так мы были воспитаны... по-советски... Считалось неудобно зарабатывать много денег... И далеко не всем разрешалось их зарабатывать. Только некоторым. Им, например, разрешалось делать в день по три-четыре концерта. И тогда они могли хорошо заработать, но, конечно, по советским понятиям и меркам — хорошо. За счет интенсификации своего труда, вкалывая как стахановцы.

Нина Краснова: — Вообще, если певец обладает уникальным голосом, ему нужно создавать особые условия для жизни и работы. Если певец способен собирать большие залы и «держат», к примеру, Колонный зал, а чиновники не дают ему делать этого, и милостиво позволяют выступать на птицефермах и свинофермах, на молокозаводах, на чулочных фабриках, в красных уголках, потому что у него, видите ли, официальный статус не тот, это очень несправедливо.

Анатолий Шамардин: — В советское время большую роль в судьбе артистов играли разные звания — заслуженный артист РСФСР или СССР или какой-нибудь автономной республики, народный артист...

Нина Краснова: — Если у тебя есть эти звания, значит ты — на коне, у тебя высокий профессиональный статус, особое уважение чиновников, особое положение в обществе, привилегии разного рода, особые условия существования, тебе в твое распоряжение предоставляются лучшие залы страны, Колонный зал, зал Дворца съездов, тебе разрешается много выступать, тебя приглашают на радио и телевидение... Ты становишься звездой. У тебя есть всё — имя, официальное признание,

популярность, слава, деньги и косвенная власть, благодаря которой ты можешь «претворять в жизнь» какие-то планы и проекты. А если у тебя нет звания — у тебя нет ничего, и ты едешь выступать по колхозам и совхозам.

Анатолий Шамардин: — А чтобы получать звания, надо было не просто иметь хороший голос, но и иметь в своем репертуаре и петь песни гражданского звучания, наподобие песни Ваню Мурадели «Тебе, родная партия, адыги шлют салям».

Нина Краснова: — А у тебя в репертуаре таких песен не было, кроме этой одной, которую ты спел всего один раз... в восемнадцать лет, когда учился в инязе.

Анатолий Шамардин: — В советское время почти каждый артист мечтал получить какое-нибудь звание. Но сейчас я отказался бы от любого звания. Потому что кому только их не надавали и кто только их не имеет. Звания обесценились. У нас количество заслуженных и народных артистов, образно говоря, уже превышает количество незаслуженных и превышает количество зрителей, слушателей. А этого не должно быть. Если, например, в маленьком городишке, всего пятьдесят тысяч жителей, то там нельзя открывать сто пятьдесят тысяч и даже сто пятьдесят парикмахерских. Для парикмахеров и брадобреев не хватит бород и голов. И, например, не может такого быть, чтобы, даже в большом городе, в Москве, вдруг объявилось сто тысяч юных скрипачей, которые играют на уровне Давида Ойстраха. Даже если бы это случилось, то следовало бы придумать какой-нибудь такой ход, чтобы сделать отбор среди них, отбор лучших из лучших. Скажем, считать самыми лучшими тех, кто не только играет на скрипке, как Давид Ойстрах, но еще и цыганочку танцует, с выходом, и на мандолине играет...

Нина Краснова: — К счастью, природа сама производит естественный отбор и регулирует сама себя, и поэтому Российская земля, как и любая другая, не может рождать «Платонов и быстрых разумом Невтонов» в неограниченном количестве, сто «штук» на один квадратный метр.

Анатолий Шамардин: — Природа мудра, и поэтому в реальной жизни подлинные таланты и гении рождаются редко (тем более в одной какой-то сфере). И поэтому надо особенно сильно ценить их,

и если уж кого раскручивать, то в первую очередь их. А у нас часто вместо талантов начинают раскручивать и объявлять звездами банальную серость, а таланты остаются без внимания, за кадром, вне поля зрения потенциальных поклонников. И в музыке, и в литературе.

Нина Краснова: — И на небосводе искусства вместо настоящих звезд начинают блистать искусственные звезды. И именно их все и начинают считать и называть настоящими звездами, хотя на самом деле они никакие не звезды.

Анатолий Шамардин: — В связи с этим я расскажу анекдот про трех попугаев. Продавец продает трех попугаев. Один попугай у него стоит сто рублей, потому что он на двух языках говорит. Второй попугай стоит двести рублей, потому что он на трех языках умеет разговаривать. А третий стоит тысячу долларов. Покупатель удивляется и спрашивает у продавца: «А почему этот попугай стоит тысячу долларов? Он у вас что — на тридцати языках разговаривает?» А продавец отвечает: «Да нет, он вообще говорить не умеет. Но эти двое называют его шефом». Что значит — у него есть статус.

Нина Краснова: — Если у нас кого-то из певцов или певиц называют по телевизору или в газете звездой, то все и считают, что это звезда. Даже если звезда не умеет петь.

Анатолий Шамардин: — А есть такие певцы... Они вроде и умеют петь. И вроде и поют правильно, и вроде и нотки и верха правильно берут, и голоса у них поставленные. Но сами голоса — выхолощенные, банальные, неинтересные, не своеобразные, словом — никакие. Или, допустим, гнусавые. И обыватель смотрит на таких певцов и думает: ага, как они поют, так и я могу петь. И начинает восхищаться ими, потому что они поют почти так же, как он, а он считает, что он поет хорошо. И он аплодирует им и начинает их любить, только потому, что они — как он. А они — поют на уровне самодеятельности. А он начинает считать, что это есть настоящее искусство. И отворачивается от настоящего искусства. Вот в чем опасность, небезобидность и вредность так называемого массового искусства, массовой культуры.

Нина Краснова: — В любом деле нужен высокий профессионализм.

Анатолий Шамардин: — И Божий дар. Изначальный Божий дар.

У певца Божий дар — это красивый голос и абсолютный слух. Такой, как, например, у Виктории Ивановой, у Эллы Фицджеральд, у Элвиса Пресли... Без Божьего дара, без красивого голоса и без чистой интонации не может быть красивого пения. Общество должно бы ввести табу на некрасивое и непрофессиональное пение на профессиональной сцене, на эстраде.

Нина Краснова: — А как ты относишься к караоке?

Анатолий Шамардин: — В руках самодеятельного певца — караоке вредная вещь. Потому что такой «певец», дорвавшись до караоке, начинает воображать, что он поет не хуже настоящего певца, и не желает слушать настоящих певцов, а хочет петь только сам: мол, мы сами с усами. И тогда настоящие, профессиональные певцы в это время становятся никому не нужны. Караоке как бы размывает грань между искусством и неискусством. В Японии все помешаны на караоке. Нет такого японца, который не пел бы под него. И поэтому профессиональные певцы там становятся всё более ненужными и всё менее востребованными.

Нина Краснова: — Чем, по твоему мнению, новые звезды российской эстрады отличаются от звезд советского времени?

Анатолий Шамардин: — В советское время певцам было пробиться в звезды не легче, чем сейчас, но все же в звезды пробивались настоящие певцы, обладающие прекрасными голосами, хорошим слухом и высоким профессионализмом, то есть мастерством. И радиослушатели тогда кого заказывали в концертах по заявкам? Георгия Виноградова, Владимира Нечаева... Позже — Иосифа Кобзона, Муслима Магомаева, Валерия Ободзинского, Евгения Мартынова... А сейчас? Те певцы, которые сейчас ходят в звездах (не все, конечно, но многие из них), раньше нипочем не попали бы в звезды, у них этот номер не прошел бы, и нипочем они не попали бы не только на большую сцену, например, в зал «России», но даже на сцену районного Дома культуры.

И если раньше и были певцы без «голосов», их было немного, всего несколько человек, такие, как Майя Кристалинская или Марк Бернес, то про них сами же конферансье говорили (делали такую оговорку), что вот, они без голосов, но зато с душой, они поют не голосом, а душой. (Хотя, конечно же, одно не должно исключать другого.) Сейчас

развелось много таких звезд, по сравнению с которыми Майя Кристалинская и Марк Бернес кажутся чуть ли не оперными певцами.

Нина Краснова: — Недавно я услышала юмор про футболиста: он играет не головой, не ногами, а сердцем. То же самое можно сказать и про певцов, которые поют душой.

Анатолий Шамардин: — Как будто нельзя петь и душой и голосом и выражать свою душу голосом. Для чего, собственно, и существует пение...

Марк Бернес сам говорил про себя, что у него нет ни вокального голоса, ни слуха. Он не мог голосом точно в нотку попасть. И специально для него, чтобы он правильнее улавливал мотивчик исполняемой им песни, один инструмент в ансамбле играл этот мотивчик в унисон. Но Марк Бернес обладал артистизмом и обаянием, и в тембре и в окраске голоса у него было что-то приятное. Луи Армстронг тоже был без голоса. У него хрипота в голосе была. Как и у Высоцкого. Но хрипота хрипоте рознь. Есть красивая, приятная хрипота, с кайфом. У Луи Армстронга была как раз такая. И у Высоцкого... Наличие таких голосов и таких певцов оправдано, когда их немного, среди тысячи один — для разнообразия.

Нина Краснова: — Собственно, Марк Бернес был не певец, а актер кино. Он в фильмах играл роль героев, которые в свободное время поют песни в компании своих друзей. А потом вышел с этими песнями на эстраду и стал петь их на эстраде. И все стали считать его певцом, хотя на самом деле он был не певец, а поющий актер, каких много в мире кино, и в фильмах он ведь играл не певцов, а людей других профессий, матросов, солдат, которые и поют не как певцы, а как простые люди, как почти каждый человек может петь, если у него есть хоть какие-то минимальные данные для этого, и даже если нет никаких данных.

Анатолий Шамардин: — Поющим актером был и Андрей Миронов... Но он не может стать эталоном как певец.

Нина Краснова: — Или Николай Рыбников, который пел в фильмах «Высота» и «Весна на Заречной улице». Он прекрасно там пел, с душой, приятным голосом, но не как певец, а как простой советский человек, которого он играл: в одном фильме он играл монтажника-высотника, а в другом — рабочего завода, металлурга.

Анатолий Шамардин: — Высоцкий тоже был поющим актером, да еще и автором своих песен, то есть бардом. Зрители полюбили этих актеров с их актерским пением и стали предпочитать их профессиональным певцам. Потому что любили самих актеров.

Нина Краснова: — Не кажется ли тебе, что безголосое пение стало у нас распространяться и входить в моду отчасти или даже во многом именно благодаря поющим актёрам? Люди стали слушать их и думать: а, вот как надо петь...

Анатолий Шамардин: — Одно дело — когда безголос актер, он компенсирует отсутствие у себя настоящего певческого голоса своим артистизмом и имиджем актера, обаянием своей личности, он заслужил право выступать перед своими зрителями в любом амплуа, потому что он актер и интересен публике в любом качестве, а другое дело, когда безголос профессиональный певец, то есть по сути — профессионально непригодный человек. Как если бы хромой «балерон». Безголосые певцы у нас почти вытеснили голосовых и стали эталонами певцов. И расплодили массу себе подобных певцов. Потому что, глядя на безголосых певцов, каждый человек думает: и я так могу петь. И многие начинают не только петь так, но и лезут на эстраду, потому что думают: а чем мы хуже всех этих певцов? Мы, пожалуй, даже и получше их, что и на самом деле бывает так. Зрители у нас часто поют лучше профессиональных певцов. А должно быть наоборот. Профессиональные певцы должны петь хоть немножко лучше своих зрителей.

Нина Краснова: — Что, по твоему мнению, нужно плохому певцу с плохим голосом, чтобы произвести хорошее впечатление на своих зрителей, слушателей?

Анатолий Шамардин: — Ему нужно быть не просто плохим, а очень плохим, суперплохим. Но с хорошей технической оснащённостью и с хорошим декорациями. И выступать как бы дурачась, играя на публику, что и делают сейчас многие так называемые певцы. Тогда он вызовет у зрителей некоторое удивление, которое может заставить их смеяться и таким образом перерастет в восхищение. Представьте себе, если на сцену выйдет балерина... но не тоненькая, а толстая-толстая, в которой весу килограммов девяносто... этакая толстушка. И начнет прыгать и бегать по сцене так, словно она легкая пушинка... и делать

всякие неуклюжие движения. Она вызовет у зрителей ажиотаж и заставит их смеяться и даже начнет всем нравиться. Как, допустим, кардебалет Ирины Отиевой, состоящий из толстушек. Виктор Ерофеев в одной телевизионной передаче сказал про одну очень раскрученную безголосую певицу, которая выступала в наряде королевы, с карликом, который держался за ее юбки, и которая изо всех сил старалась понравиться зрителям: «Это так плохо, что даже хорошо».

Нина Краснова: — Чтобы заниматься каким-то видом искусства, у человека должны быть для этого определенные данные...

Анатолий Шамардин: — Конечно. И они не должны быть нулевые. Нам трудно представить себе, чтобы, например, у классической балерины был вес девяносто килограммов или чтобы у нее была некрасивая фигура, кривые ноги и еще горб на спине и чтобы с такими данными она танцевала в балете, «Лебединое озеро», «Жизель», «Ромео и Джульетта» и так далее. С такими данными никто не возьмет ее в балет даже по благу. Как бы сильно она ни хотела танцевать и как бы ни рвалась на сцену. И если, например, певица Ирина Отиева использует во время своих выступлений кардебалет, состоящий из толстушек, то ведь это для юмора, для смеха, их специально таких подбирали для такого кардебалета, и они очень колоритны и пластичны и прекрасно выполняют свои номера. А певиц с нулевыми данными у нас на эстраде сколько угодно. Без красивых голосов, без красивых тембров и даже без слуха.

Нина Краснова: — А кто такое, по-твоему, бездарный человек?

Анатолий Шамардин: — Бездарный человек — это тот, кто занимается не своим делом. Я вообще-то думаю, что от природы нет бездарных людей, то есть не одаренных Божьим даром. Есть люди, которые занимаются не своим делом, потому что они не нашли себя и ищут себя не там, где следует. Каждый человек в чем-нибудь талантлив и одарен. Но не каждый знает и понимает, в чем именно. Допустим, какая-то девушка потенциально талантлива в спорте, из нее может получиться хорошая ядрометательница, спортсменка, чемпионка мира по ядрометанию. А она лезет, допустим, на эстраду, хочет стать певицей. Или она потенциально талантлива в кулинарном деле и может стать перво-классной поварихой. А она лезет в певицы. Все хотят попасть на сцену, быть звездами эстрады. И при этом некоторые, не обладая ни голосом,

ни слухом, обладают колоссальной хваткой, упорством и колоссальным трудолюбием. И добиваются своего, выходят в звезды эстрады. Возникает эффект трудолюбивой бездарности.

Нина Краснова: — Анатолий, в каком году вышла твоя первая пластинка?

Анатолий Шамардин: — 1973 году. (В 1974-м вообще-то. — *Н.К. 27.01.2015.*) Это была гибкая долгоиграющая пластинка. Она вышла в фирме «Мелодия», в очень популярном тогда журнале «Крутозор». Выпустить ее мне помогла Людмила Эрнестовна Кренкель (как я узнал позже, жена поэта Евгения Львовича Храмова). И еще мне помог в этом поэт и бард Борис Вахнюк, с которым мы тогда подружились и дружим до сих пор (Борис Вахнюк умер несколько лет назад. *Н. К.*). Я записал на пластинку несколько своих песен. Аккомпанировал мне ансамбль под управлением Вячеслава Мещерина...

Нина Краснова: — Если певец в то время выпускал долгоиграющую пластинку, он становился известным на всю страну, на весь Советский Союз. И мог собирать большие залы зрителей.

Анатолий Шамардин: — Не то что сейчас, когда пластинку, вернее компакт-диск или компакт-кассету (пластинки уже не в моде) может выпустить практически каждый, кому не лень, каждый, у кого есть деньги на это. Есть у тебя деньги? — Пожалуйста, записывайся в дорогостоящих студиях и выпускай музыкальный альбом. Есть у тебя деньги? (Лишние тысячи или сотни тысяч долларов?) — раскручивай сам себя по радио и по телевидению, чтобы тебя все знали. А если у тебя нет денег, то будь ты хоть какой талантливый, хоть со звездой во лбу, ты не сможешь ни записаться в студии, ни выпустить альбом, ни сделать видеоклип, ни попасть на телевидение... Ты не можешь выйти к широким слушателям, и тебя никто не будет знать, что ты есть на свете и что ты такой талантливый. Ты обречен на безвестность.

Нина Краснова: — Но сказать, что певцы, которые имеют деньги, выпускают себе компакт-диски и компакт-касеты и не слезают с экранов телевизоров, обречены на известность и в конечном счете на бессмертие, тоже нельзя. Их развелось так много, что слушатели все равно не запоминают их всех. И стоит им исчезнуть на месяц, как их забудут даже те, кто знает. Не таких забывали.

Анатолий Шамардин: — У нас сейчас избыток певцов, особенно певцов в кавычках. А этот избыток приводит к тому, что у слушателей возникает пресыщение ими и пропадает интерес вообще ко всем певцам. Тем более, что многие слушатели сами поют лучше и профессиональнее их.

Нина Краснова: — В Германии, в Штутгарте, ты выступал в самых лучших залах. И в зале, где до тебя выступали Лючиано Павароти, Плачидо Доминго и Пако де Люсия. Ты имел там потрясающий успех. Немецкая публика была от тебя в полном восторге. Немецкие газеты называли тебя: «Волшебник из Москвы», «Русский соловей»... Причем ты пел там без микрофона?

Анатолий Шамардин: — Да. И в афишах так и было написано: впервые в Европе эстрадный певец поет без микрофона. Я пел без микрофона. Под гитару. Сам играл на ней, а подыгрывал мне владимирский гитарист Андрей Лебедев, виртуозный музыкант, которого я взял с собой в Германию за компанию. Я выходил на сцену и пел два часа, без микрофона и без фонограммы, живым звуком. Немецкая публика особенно ценит живой звук и не признает никаких искусственных подспорий. Чтобы понравиться такой публике, надо петь не просто хорошо, и даже не очень хорошо, а сверххорошо, божественно, и надо обладать таким голосом, чтобы он трогал и покорял всех. После первого же концерта меня пригласили на телевидение. И я сорок минут пел там и отвечал на вопросы корреспондента. Андрей Лебедев аккомпанировал мне. Меня с моим гитаристом приняли там великолепно. Одарили самыми высокими комплиментами. И после этого мне самому удивительно было, что в своей стране я не востребован какими-то чиновниками и телевидением, что там ко мне не проявляют интереса средства массовой информации. Мне было обидно и неудобно за свою страну. А потом еще немецкое телевидение заплатило мне и гитаристу гонорар, о котором мы даже и не мечтали и даже и не заикались, о котором у нас даже речи не было. Нам просто прислали его по тому адресу, по которому мы жили, на дом к нашему менеджеру. Тыщу двести марок! За то, что мы выступили на телевидении сорок минут. Мы обалдели. А у нас в стране надо самому платить деньги за то, чтобы тебя показали по телевизору, и сколько денег! больше, чем волос у тебя на голове!

Нина Краснова: — А где публика лучше? В Германии, в Европе или у нас?

Анатолий Шамардин: — Публика в общем везде одинакова. И наша ничуть не хуже, чем, например, немецкая. Я повторяю: плохой публики не бывает. У нас очень хорошие слушатели. Просто выйти на них трудно, если тебе не дают концертов... Я понял одну вещь: для того, чтобы певца похоронить, совсем не обязательно его преследовать каким-то людям из органов и подвергать каким-то гонениям, совсем не надо ничего этого делать, надо просто не замечать его и замалчивать, не давать ему концертов, не писать и не говорить о нем... И тогда публика просто не будет знать, что есть такой певец, что он существует на свете, и он будет не востребован этой публикой, потому что просто не сможет прийти к ней. Так у меня было в советское время, когда я выступал не там, где мог бы выступать, не на тех площадках, а в каких-то красных уголках, на молокозаводах и на птицефермах, вместо того, чтобы петь в больших, престижных залах... Да и сейчас тоже всё это так. Почти ничего для меня не изменилось.

Нина Краснова: — А правда, что в советское время некоторые певцы давали взятки высокопоставленным чиновникам, чтобы получить солидное отделение в концерте или работу в хорошем месте или, так сказать, продвижение по службе?

Анатолий Шамардин: — Правда, но я тогда был такой наивный, что не догадывался об этом. Один такой чиновник даже намекал мне, что он может помочь мне с работой (а следовательно и с пропиской) в Москве, если я дам ему определенную сумму. Но я только теперь, спустя почти двадцать пять лет, понял, что он намекал мне на это... Я тогда хотел зацепиться за Москву, обосноваться здесь, болтался без квартиры, без постоянной прописки и без работы. Сильно бедствовал. И решил устроиться в ресторан «Москва», петь. Думаю: поработаю там пока, временно, работать-то где-то надо, жить-то на что-то надо, пока я найду что-то другое, получше. Прихожу я в так называемый МОМА — в Московский отдел музыкальных ансамблей. К директору... Фамилия у него была такая — Гераус, царство ему небесное. Прихожу я к нему и говорю так смиренно: «Меня согласны взять на работу в замечательном ресторане, петь...» Он спрашивает: «В каком ресто-

ране?» — «В ресторане «Москва», — отвечаю. — Музыканты меня там любят... Они согласны работать со мной. Разрешите мне работать там, назначьте мне какой-нибудь оклад, минимальный... чтобы мне было на что жить. Ребята не возражают». Он посмотрел на меня и сказал: «Ну-у... вы знаете... я бы с удовольствием. Пожалуйста. Вы можете там работать. Но понимаете... Вы вот сейчас выйдете из моего кабинета, а все скажут: «Он Гераусу шестьсот рублей дал, чтобы Гераус разрешил ему работать в ресторане «Москва». Я: «Да нет! Почему? Никто так не подумает...» А он: «Ну как же? Все обязательно скажут, якобы ты мне шестьсот рублей дал...» Это он, значит, культурно намекал мне, сколько я должен ему дать. Он несколько раз это повторил. А я, дурак, ничего не понял. Знай твердил: «Да что вы! Да никто ничего не подумает... Да я никакую взятку вам давать не собираюсь. У меня и денег-то нет». Я такой стеснительный был — боялся, что сам Гераус и подумает, будто я хочу ему взятку дать. А он, оказывается, только этого и ждал. А я этого не понял тогда. До меня это только теперь дошло, как до жирафа на трети сутки... Теперь-то у нас никакая взятка за взятку не считается, а считается чем-то другим, компенсацией за труд, благодарением. А тогда это считалось взяткой. И, оказывается, многие советские певцы, которые чего-то добились и сумели сделать себе карьеру, они, оказывается, давно, тогда еще смекнули: а почему бы не заплатить человеку за то, что он поможет тебе, талантливому певцу, обойти кое-какие препятствия на твоём пути, подводные рифы и выйти к своим слушателям и сделает тебя состоятельным артистом? И давали взятки, кому надо. А я глуповат был.

А один очень известный и очень талантливый певец и композитор, который уже умер, сказал мне когда-то в редакции Всесоюзного радио про персонал этого радио: «Толя, здесь всех надо прикармливать. Тогда они будут часто приглашать тебя на радио и крутить и популяризировать с утра до ночи. Всех надо прикармливать». Таким образом он открыл мне секрет успеха многих певцов, которые прикармливали всех на радио и поэтому часто звучали в эфире. Но чтобы прикармливать кого-то, надо иметь деньги. А у меня их в то время не было. Я вечно жил в бедности, с самого детства. И я не привык давать кому-то какие-то взятки. Я был воспитан по-советски в этом смысле. Не понимал, что моральный кодекс строителей коммунизма существует только для масс, он лжив, а для «избранных» существует совсем другой кодекс.

Писатель-сатирик Варлен Стронгин сказал мне про одну очень известную и в свое время очень любимую всеми народную певицу, обладающую красивейшим голосом: «Она в течение нескольких лет тратила все свои зарплаты на свою собственную раскрутку, чтобы регулярно звучать по радио... А иначе она была бы такой же неизвестной, «как сто тысяч других в России», даже и со своим незаурядным талантом».

Нина Краснова: — Директор МОМА не разрешил тебе работать в ресторане «Москва»? Но все же ты работал там?

Анатолий Шамардин: — Работал, в 1977 году. Нелегально. Я пел там песни из своего репертуара. Туда любил приходиться Владимир Солоухин с писателями. Специально, чтобы послушать меня. Садился за стол, ужинал. И слушал, как я пою. И заказывал мне русские романсы. И я пел их ему. Особенно он любил романсы «Гори, гори, моя звезда» и «Я встретил вас...» и песню на стихи Есенина «Клён ты мой опавший». (С Солоухиным я когда-то познакомился во Владимире, в гостях у писателя Сергея Никитина, когда работал во Владимирской филармонии.) Еще в ресторан заходил Полад Бюль-Бюль-оглы. Заходили наши космонавты. Они просили меня спеть какие-то определенные песни. В числе других, например, песни Евгения Мартынова на стихи Андрея Дементьева «Я тебя своей Аленушкой зову», «Над землей летели лебеди»... Я тогда пел его песни. Они подходили мне по голосу. У нас с ним у обоих были тенора. (Мы с Евгением Мартыновым были в хороших приятельских отношениях, встречались на концертах и еще кое-где. Он был очень симпатичный, располагающий к себе человек и невероятно талантливый.) Много людей приходило в ресторан. Отдохнуть душой. Они любили не только слушать меня, но и танцевать под мои песни в стиле танго, «Всё та же тихая аллея», и так далее. Рестораны тогда, при всеобщей вроде бы бедности, были чудовищно дешевыми. На двадцать рублей любой человек мог и наестся, и напиться. Целой компанией. При средней зарплате в сто рублей. А сейчас в каком-нибудь «Макдональдсе» один пирожок может стоить сто рублей. Гостиницы (а мне приходилось жить в них, так как больше нигде было) тогда тоже были дешевые. Номер люкс, шикарный номер люкс, стоил 3 рубля 50 копеек. Правда, в гостиницах почти всегда не было мест. А сейчас мест там полно. Но номера такие дорогие, что мало кто может позволить себе жить там.

Я проработал в ресторане «Москва» около года. Потом меня несколько раз вызывали к себе органы и хотели выселить из Москвы за сто первый километр как бродягу. Но не выслали. Только запретили работать в этом ресторане. И я устроился в другой.

Нина Краснова: — В 1982 году в фирме «Мелодия» вышла твоя первая (не гибкая) долгоиграющая пластинка «Гитары любви». Как это получилось?

Анатолий Шамардин: — Я собрал все свои песни на стихи известных поэтов, Виктора Бокова и других, выбрал самые лучшие из них, добавил к ним новые. И показал их в фирме «Мелодия» музыкальному редактору Борису Тихомирову, спел их ему. Аккомпанировал мне Сергей Орехов. Они редактору понравились. И голос мой ему понравился. Я спел и песни народов мира — немецкие, итальянские, тирольские. И одну его песню на стихи Есенина «Звездочка». И он предложил мне записать пластинку. И она вышла. И очень быстро разошлась. Ее три раза переиздавали огромными 100-тысячными тиражами. И она все три раза очень быстро расхищалась и стала фонографической редкостью.

Нина Краснова: — Анатолий, ты много лет проработал на эстраде, имея высшее филологическое образование, но не имея специального музыкального образования. И у тебя из-за этого возникали разные дополнительные сложности на твоём музыкальном поприще?

Анатолий Шамардин: — Да. Очень много разных сложностей возникало у меня из-за этого.

Я уже много-много лет работал на эстраде, в разных филармониях страны. У меня был аттестат артиста высшей категории, у меня была самая высшая ставка... 18 рублей за выступление. Ну, можешь себе представить? Такая ставка была в то время у Аллы Пугачевой. У меня был очень богатый и разнообразный репертуар, я пел и русские песни и романсы, и свои авторские песни, и песни народов мира, я играл на фортепьяно, на гитаре, на балалайке, на мандолине... А формально... специального музыкального образования и специального диплома с корочками у меня не было. И из-за этого у меня были трудности, например, с организацией сольных концертов и, так сказать, вообще с продвижением по своей линии. И чиновники везде говорили мне, что мне нужны «корочки». Помню, Виктор Боков (еще перед тем, как мне

повысили ставку) привел меня к министру культуры Юрию Серафимовичу Мелентьеву, похлопотать за меня. Познакомил меня с ним, сказал ему: «Вот Толя Шамардин — прекрасный певец, а ставка у него маленькая, нельзя ли повысить ему ставку? у него великолепный голос... хотите, он вам споет?» А тот говорит: «Не надо!» — И спрашивает: «А что он заканчивал (какое музыкальное училище или музыкальный вуз)?» А Боков ему: «Да он ничего не заканчивал, но у него великолепный голос, и он великолепно поет...». А тот: «Да не-е-е, я спрашиваю, он заканчивал что-нибудь? образование-то у него какое?». А Боков ему: «Вы меня не поняли. Я говорю: Толя очень хорошо поет, у него прекрасный, редчайший голос... У него нет музыкального образования, он просто х о р о ш о поет. Без всякого образования. Оно ему не нужно. Ему нужна ставка». А тот: «Не-е-е. Ну как же без образования... Вон у нас даже Зыкина и то недавно училище Ипполитова-Иванова закончила, заочно, только недавно получила диплом. Всю жизнь без диплома пела... Обязательно нужен диплом. Как же без него? Нужны корочки...».

Нина Краснова: — И в конце концов ты получил специальное музыкальное образование и корочки?

Анатолий Шамардин: — Спустя несколько лет после этой встречи с министром культуры, уже почти пятнадцать лет проработав на эстраде, я получил рекомендацию в училище имени Октябрьской революции, сразу на третий курс. Я был там переростком. Учился вместе со своим сыном Олегом, мы сидели с ним, можно сказать, на одной «парте». Я и учился, и одновременно работал во Владимирской филармонии. Концертов у меня было мало. Потому что мои администраторы не давали мне концертов. Почему? А чтобы я меньше зарабатывал. У меня не было нужного статуса (ни музыкального образования, ни звания заслуженного артиста), и мне (как и большинству певцов) нельзя было, не разрешалось много выступать и таким образом зарабатывать много денег. Зрители меня любили и ждали. А я не мог выступать перед ними. И очень страдал от этого в моральном плане. И очень бедствовал в материальном плане. И жил впроголодь, как и в студенческие годы, когда стакан кефира с булкой — был для меня и завтраком, и обедом, и ужином, моей нормой питания на каждый день, моим рационом.

Нина Краснова: — Для таких певцов, как ты, с таким уникальным голосом, с таким уникальным талантом, нужны особые условия, в которых ты мог бы лучше работать и проявлять свой талант... А тенора — вообще нежные создания, тепличные, оранжерейные растения. Им, как никому, нужны особые условия.

Анатолий Шамардин: — У меня никогда не было особых условий. У меня вообще никаких условий не было. Даже не было своих четырех стен. И я жил то в общежитии, в комнате с соседями, то в гостинице, то снимал углы. И сейчас всё углы снимаю.

Нина Краснова: — Итак, ты окончил училище имени Октябрьской революции?

Анатолий Шамардин: — Сейчас оно называется колледжем имени Альфреда Шнитке. Я окончил его в 1987 году. Вместе со своим сыном. Я учился на вокальном отделении, а он — на инструментальном. Из него получился очень хороший музыкант, клавишник. Он аккомпанировал мне на экзаменах и в концертах. И еще из него получился очень хороший аранжировщик. Он помог мне сделать аранжировки многих моих песен. Он на редкость талантливый парень, в музыке, в ее теории и практике, и в языках и в компьютерной технике.

Нина Краснова: — Когда ты получил корочки диплома о музыкальном образовании, тебе стало легче жить и работать?

Анатолий Шамардин: — Когда я получил корочки, они стали не нужны. Как и все эти звания заслуженных артистов, которые стали каким-то дурным тоном. Потому что их развелось слишком много. Заслуженных артистов не должно быть больше, чем не заслуженных, и больше, чем зрителей.

Нина Краснова: — В период перестройки у тебя появилась возможность ездить с концертами за рубеж, в Европу? Ты был в Греции, в Германии, жил там.

Анатолий Шамардин: — Да. Когда открылся «железный занавес», я стал ездить на гастроли за рубеж. А до этого никак не мог. Не только я, а вообще почти никто не мог.

Нина Краснова: — Но ты ездил туда не от какой-то организации или фирмы и не от Москонцерта, то есть не по официальной линии, а по линии частной лавочки, по частному приглашению своих друзей, да?

Анатолий Шамардин: — Да. И сам организовывал себе там концерты. С помощью своих немецких друзей, которых я нашел там.

Нина Краснова: — Когда ты приехал в Германию первый раз?

Анатолий Шамардин: — В 1990 году. Я брал туда с собой владимирского гитариста Андрея Лебедева. Мы жили в Баварии, в маленьком городке под Штутгартом, у моего импресарио, которого звали Дитрих. Прямо у него дома, в комнатах для гостей, а дом у него четырехэтажный. Дитрих — владелец музыкального магазинчика, музыкальный специалист высокого класса, большой любитель красивого пения, чистого пения, живого звука, не зависящего ни от какой аппаратуры. Он и помогал мне организовывать концерты. Мы выступали там не перед русской, а перед немецкой публикой. Я сам вел свои концерты, на немецком языке, который знаю в совершенстве, не хуже русского языка, и на котором мыслю так же, как на русском, и на котором говорю без акцента... (А на русском я говорю со ставропольским и северокавказским «акцентом».) Я пел песни народов мира, в том числе и немецкие, и, конечно, русские песни и романсы и пересказывал их краткое содержание... Вспоминаю смешной эпизод, связанный с этим. Зрители присылали мне из зала записки. Очень много записок с благодарными словами в мой адрес, с восклицательными знаками. И в одной из них был такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, где вы так хорошо научились говорить на русском языке?»

Нина Краснова: — А немцам было приятно, что ты поешь немецкие песни?

Анатолий Шамардин: — Конечно. Но им интереснее было слушать в моем исполнении русские песни и романсы. И они просили меня петь русское. Я пел «В низенькой светелке огонек горит», «Перевоз Дуня держала», «Однозвучно гремит колокольчик», «Степь да степь кругом», «Милая, ты услышь меня», «Мой костер в тумане светит», «Ночь светла», «Вечерний звон», «Улетела пташечка», «Только раз бывает в жизни встреча»... И свои авторские песни на стихи разных поэтов. Меня принимали очень хорошо.

Нина Краснова: — Ты выступал в Германии только в немецких аудиториях?

Анатолий Шамардин: — Не только в немецких. Я выступал там еще в греческих клубах, в итальянских и югославских клубах. Только в русских аудиториях не выступал. И не общался с русской диаспорой. У меня не было выхода на нее и цели такой не было.

Нина Краснова: — В чем минус таких гастролей?

Анатолий Шамардин: — В том, что они коротки. Не успеешь приехать в Германию, внедриться в немецкую среду и развернуться там, как уже пора уезжать. Там нельзя было жить долго, больше одного-двух-трех месяцев. Виза не позволяла, и нельзя было бесконечно продлять ее. Но я успевал сделать много концертов в Германии даже за короткий срок. Чтобы жить в Германии долго, надо иметь хотя бы вид на жительство или двойное гражданство. Я мог бы сделать себе греческий паспорт, поскольку я грек по матери, и разъезжать по миру, по всей Европе, без всяких виз и выступать где хочу, в разных странах. Но пока не сделал. Лениюсь. Как представляю себе, что надо заниматься этой волокитой, проходить через бюрократические препоны, так и желание пропадает. И вообще мне больше хочется петь для наших, а не для зарубежных слушателей.

Нина Краснова: — Когда ты был в Германии последний раз?

Анатолий Шамардин: — В 1995 году. Я жил там целых полгода. И все это время у меня были там концерты. А в России у меня их практически нет. Очень мало. То есть благотворительных-то может быть сколько угодно, хоть в день по несколько, меня все время куда-то приглашают выступать, но платных концертов очень мало, да и какие есть, все за символическую цену.

Нина Краснова: — В Германии у тебя был свой импресарио, или менеджер, такой твой почитатель, который помогал тебе устраивать платные концерты. А в России у тебя никакого менеджера нет.

Анатолий Шамардин: — ...И найти его чрезвычайно трудно. Мне как-то попался в газете рецепт, в котором говорилось, как приготовить жаркое из тигра. Для этого надо — первое: поймать тигра. Так вот, найти менеджера, администратора, который помогал бы тебе устраивать

концерты, найти заинтересованных людей, которые популяризировали бы тебя, говорили и писали о тебе, что вот есть такой певец, очень трудно. Это труднее, чем поймать тигра. Правда, я не собираюсь делать жаркое из своего менеджера, если он вдруг объявится. Недавно я выступал по «Эху Москвы», в прямом эфире, целых полтора часа. Мне на пейджер пришло столько хороших отзывов о моем «концерте»... Это дорогого стоит. Я знаю, что я нужен своим слушателям. И очень люблю их и готов петь для них с утра до ночи.

Нина Краснова: — Сейчас мало кто кому пишет письма. И радиослушатели сейчас мало кому пишут. Но тебе, я знаю, после каждой твоей передачи по радио приходит очень много писем...

Анатолий Шамардин: — Меня это очень радует. Благодаря моим выступлениям на радио у меня расширяется круг моих слушателей и почитателей. Их у меня не единицы, а тысячи. И среди них люди всех поколений. И когда какие-то фирмы говорят мне, что мое искусство не коммерческое, то есть не имеющее спроса, это не так. И я сужу об этом, например, по отзывам своих радиослушателей.

Нина Краснова: — Во время твоих выступлений по радио слушатели всегда спрашивают: где можно купить твои диски и кассеты? И когда выйдут твои новые альбомы?

Анатолий Шамардин: — Что им ответишь на это? Мои диски и кассеты можно купить только во время моих благотворительных выступлений где-нибудь. А в магазинах и киосках они не продаются. Там продается только продукция больших фирм, которые выпускают ее большими тиражами. Но эти фирмы выпускают только раскрученных певцов из шоу-бизнеса. Я в эту обойму не вхожу. Я вообще ни в какие обоймы не вхожу. Я в искусстве одиночка, и был, и есть, я сам по себе.

И что получается? Раньше тебе нельзя было пробиться к своим широким слушателям, потому что этому мешали всякие худсоветы. А сейчас вроде бы можно пробиться к ним, потому что никаких худсоветов больше нет, но для этого нужны огромные деньги, баснословные, астрономические суммы: скажем, чтобы выпустить свой альбом хорошим тиражом и чтобы сделать клип и попасть на телевидение и чтобы звучать по радио каждый день. То есть нужны спонсоры. Но спонсоры

у нас в своем большинстве не разбираются в искусстве, как и в литературе, и спонсируют в основном совсем не тех, кто этого заслуживает.

Нина Краснова: — В 1996 году у тебя вышла компакт-кассета «Время нежности». На одной стороне кассеты — песни на итальянском, греческом, немецком, японском языках в твоём исполнении, а на другой — песни на русском языке, в том числе народные и твои авторские на стихи Виктора Бокова, Алима Кешокова, Владимира Карпеко, Нины Красновой... Эта кассета тут же стала раритетом.

Анатолий Шамардин: — Я выпустил ее за свой счет, небольшим тиражом, две тысячи экземпляров. Я вложил в нее две свои старые машины, иномарки, которые привез из Германии. То есть продал эти машины, чтобы сделать студийные записи восемнадцати песен и выпустить компакт-кассету. Большую часть тиража пораздавал, пораздарил своим друзьям-приятелям, знакомым и совсем не знакомым людям, своим слушателям, почитателям, а меньшую реализовал на благотворительных концертах, по символической, доступной для людей цене. Получил какую-то выручку, не кучей, а так, крохами, но не получил никакого навару и даже не вернул себе свои затраты, чтобы иметь возможность сделать студийные записи новых песен и выпустить новую кассету. В киосках и магазинах моя кассета не продавалась, а это все равно, что ее нет. Чтобы люди тебя знали, твои кассеты должны выходить не мизерными, а 100-тысячными тиражами, как раньше пластинки, и продаваться в магазинах и в киосках, на всех углах.

Нина Краснова: — В 2001 году вышел твой первый лазерный диск «Золотые россыпи романа». И одноименная компакт-кассета. В очень престижной, почетной серии, в одном ряду с Сергеем Лемешевым, Иваном Козловским, Петром Лещенко, Михаилом Александровичем, Георгием Виноградовым, Вадимом Козиним, Аллой Баяновой, Изабеллой Юрьевой...

Анатолий Шамардин: — Это произошло после того, как я выступил в Фонде культуры на вечере, посвященном Михаилу Александровичу. Там я познакомился с известнейшим музыкальным коллекционером, знатоком и специалистом песенного искусства, заслуженным деятелем культуры России Валерием Сафошкиным. У него в коллекции есть записи самых известных наших певцов. И есть все мои пла-

стинки и магнитофонные записи. Он оказался моим давним поклонником. И подал мне идею выпустить в свет русские песни и романсы в моем исполнении, по принципу «шипящая хроника». Он просмотрел все мои имеющиеся у него старые записи, попросил меня принести ему и другие записи, имеющиеся у меня, студийные и рабочие, пусть и технически несовершенные. И сам же помог мне осуществить свою прекрасную идею, через фирму «Восход», которая выступила как бы в роли моего спонсора. Она выпустила мой музыкальный альбом «Золотые россыпи романса», большим тиражом, который пошел на всю Москву и на всю страну через магазины и киоски. Я, конечно, очень благодарен Валерию Сафошкину. Без него я не смог бы выпустить этот альбом, да еще в такой золотой серии, да еще в такой фирме, в которую очень трудно и практически нельзя пробиться «некоммерческому», нераскрученному певцу. Я не получил никакого гонорара за свои «Золотые россыпи...», ни копейки, но по крайней мере они вышли не за мой счет, а за счет фирмы, и на этом спасибо. А кроме того я получил моральное удовлетворение. Правда, мне хотелось бы переделать некоторые свои записи, сделать их на хорошей аппаратуре, с лучшим качеством, с хорошим музыкальным сопровождением, с хорошим звуковым уровнем... Может быть, когда-нибудь я их и переделаю. Когда-нибудь.

Нина Краснова: — А о чем ты мечтаешь сейчас? Я имею в виду твои творческие планы?

Анатолий Шамардин: — Сейчас я мечтаю выпустить музыкальный альбом «Золотые шлягеры народов мира», а также музыкальный альбом «Русское ретро» (в основном песни в стиле танго), лазерный диск и компакт-кассету. Материалы для этого у меня есть. И я надеюсь, что какая-нибудь фирма заинтересуются моими проектами и поможет мне осуществить их... А еще я мечтаю выпустить музыкальный альбом со своими песнями на стихи разных поэтов. А еще — с песнями на стихи Нины Красновой, который будет называться «Сон под пятницу». В свое время я сочинил пятнадцать песен на ее стихи. Недавно еще одну, «Селезень и уточка». И хочу добавить к ним ее частушки, очень смешные, веселые. И сейчас делаю студийные записи этих частушек, с гитарами, с мандолиной, с наложением трех голосов, причем всеми тремя голосами буду петь я один, и первым, и вторым, и тре-

тым. У меня есть эксклюзивный вариант этого альбома. Но я хочу его усовершенствовать.

Нина Краснова: — Анатолий, где тебе приходилось выступать в последние годы, в последнее время? Где твои почитатели могли услышать или увидеть тебя, встретиться с тобой?

Анатолий Шамардин: — Мне приходилось выступать в ЦДЛ, в ЦДРИ, в Комитете Мира и Согласия, в Политехническом музее, в Фонде культуры, в Колонном зале, в художественной галерее «На Каширке» на выставке молодого художника Александра Трифонова, на вечерах журнала «Наша улица», на вечерах альманаха «Истоки», где (в журнале и в альманахе) я время от времени печатаюсь, на посиделках в редакции журнала «Юность», на праздниках прессы на ВДНХ от «Московского комсомольца», в Доме журналистов от «Русского Парнаса»... и так далее. А кроме того — по радиостанции «Москва и москвичи» (которой больше нет), по «Народному радио» (которого больше нет), по «Авторадио», по «Маяку», по «Садко», по «Надежде», по «Подмосковью», по «Эху Москвы», по Российскому радио...

Нина Краснова: — Как ты думаешь — хорошо быть известным?

Анатолий Шамардин: — Я думаю — очень хорошо быть не очень известным. По крайней мере у нас в стране. Потому что если ты очень известный, люди начинают думать, что ты богатый. И кто-нибудь обязательно захочет тебя ограбить. Не везет в этом смысле у нас многим известным людям: поэту Андрею Дементьеву, например. Не так давно он уехал из дома в другую страну, по своим делам, на две недели. Этим воспользовались грабители, влезли к нему в квартиру и ограбили его, унесли из квартиры все ценности, попортили все книги, разорвали и помяли их. Когда корреспонденты потом спросили его: что вы можете сказать по этому поводу? Он ответил своими же стихами: «Никогда, никогда ни о чем не жалейте», обращая свои строки и к самому себе и ко всем. Я никогда ни о чем не жалею. И не жалею, что я не известный и не богатый. «Богатые тоже плачут», как мы знаем по фильму «Богатые тоже плачут», и не только по фильму. Очень хорошо сказал Андрей Дементьев о богатых и известных людях: «Не жалейте, что вам не досталось их бед».

Нина Краснова: — Первая твоя долгоиграющая пластинка вышла

с предисловием Людмилы Зыкиной. Тебя оценили многие известные люди. Виктор Боков... Новелла Матвеева и многие другие.

Анатолий Шамардин: — Виктор Астафьев очень любил мои песни и мое пение. Он сказал когда-то, послушав меня: «Это не какая-то дребезжати́на, которую нам приходится слушать по радио и телевидению каждый день». Владимир Солоухин говорил о цикле моих песен на стихи Нины Красновой: «Песни эти вроде бы простенькие, а какие приятные...» Особенно ему нравилась песня «Сон под пятницу» и романс «Если хотите». Моим большим почитателем был Николай Старшинов... Он был счастлив, когда я сделал студийную запись своей песни на его стихи «Лодочка». И перед смертью он просил свою жену крутить ему на магнитофоне эту песню...

Нина Краснова: — Анатолий свои авторские песни на стихи разных поэтов, в том числе и песни от женского лица, ты поешь сам, потому что, как сказала Людмила Зыкина, а также Александра Стрельченко, и как говорит Виктор Боков, никто не споет их лучше тебя самого?

Анатолий Шамардин: — Да, свои песни я пою в основном сам. Я пробовал давать их разным певцам и певицам. Но они не могут спеть их. Мои песни для них сложны, при всей своей кажущейся простоте. Сложны и по мелодии, и по ритмическому рисунку.

Нина Краснова: — Но некоторые известные певцы пели некоторые твои песни...

Анатолий Шамардин: — Мои песни пела Ольга Воронец. Кстати сказать, певица с изумительным и редчайшим по красоте голосом. Я ставлю ее на одно из первых мест среди певиц такого рода, то есть народного плана. По сравнению с ее голосом даже и хорошие голоса некоторых певиц кажутся тем самым «гудком» ткацкой фабрики, который подпеваает электричке. Ольга Воронец пела, например, мою песню на стихи Виктора Бокова «Я люблю снега» и записала ее на пластинку. Екатерина Шаврина пела мои шуточные песни «Не бойтесь, не бойтесь» и «Зря судачили соседки». Она делала это очень по-своему. Одна из них сохранилась у меня на пластинке. Иван Суржиков тоже пел мои песни. К сожалению, потом уехал жить в Германию и недавно умер там. Последний раз мы виделись с ним и его женой и его дочками на творче-

ском вечере Виктора Бокова в ЦДРИ, несколько лет назад. Кроме того мои песни пел квартет «Аккорд», очень популярный в свое время. Особенно часто он исполнял мою песню «Мамино танго» на стихи Крутецкого. Я написал ее, кажется, в 1973 году. Посвятил участникам Великой Отечественной войны. Она — в любимом мною стиле танго и в стиле Клавдии Шульженко. Однажды я набрался нахальства и позвонил ей по телефону и прямо по телефону спел ей эту песню. Она проявила к ней большой интерес. И подпела мне. И хотела взять ее в свой репертуар. Мы должны были встретиться с нею, но, к сожалению, не успели. Потому что она вскоре умерла. Так мы и не встретились. Но песню она одобрила. И ее потом лет восемнадцать пел в своих концертах квартет «Аккорд» и даже записал на телевидении, но ее там зарубили. И пробить эту песню куда-то еще, например, на радио, было чрезвычайно трудно. Этому мешали всякие худсоветы... комиссии... Я показывал ее худсовету на Всесоюзном радио, на Качалова. К ней очень хорошо отнесся наш выдающийся старейший композитор Михаил Иорданский. А вот Шаинский ее забраковал. Она шла на «ура» в любой аудитории. А он ее забраковал. Чуть было не получилось так и с моими песнями на стихи Виктора Бокова. Я показал их на худсовете. Принес туда клавир, спел несколько песен. Там сидело много композиторов. Они (большинство из них) сказали: это все не то. И чуть было не забраковали их. Но тут мне повезло. Когда я начал петь песню «Вишенья, орешенья»:

Вишенья, орешенья,
Яблони цвели.
Мы с тобою рядышком
По тропинке шли... —

открылась дверь, и в кабинет вошел Владимир Федосеев, который тогда был руководителем оркестра народных инструментов. Он послушал ее до конца и воскликнул: «Чудная песня! Я берусь записать ее со своим оркестром!». Я спел «Луговую рань»:

Луговая рань.
Луговая тишь.
Луговая тень.
Это ты стоишь. —

Он воскликнул: «И эта песня чудная!.. И эту я берусь записать!». И я тогда записал с ним обе эти песни, с малым составом оркестра,

на пластинку, причем без всякого дубля, сразу начисто, взял микрофон и спел. И они вошли в золотой фонд Всесоюзного радио.

Нина Краснова: — А как ты познакомился с Виктором Боковым? И когда?

Анатолий Шамардин: — Я познакомился с ним в конце 60-х годов. В 1969-м. Я тогда жил в городе Шадринске, преподавал там в институте немецкий язык. Мне попался сборник стихов Виктора Бокова. На одно из его стихотворений я написал песню «Луговая рань». Приехал из Шадринска в Москву, позвонил Бокову по телефону. И прямо по телефону спел ему эту песню. Он внимательно прослушал ее. Сказал: «Годится». И с этой песни началась моя дружба с Боковым, наше сотрудничество с ним и начался новый этап в моем творчестве, я стал осваивать пласт песен народного характера.

Нина Краснова: — Ты потом много выступал с Боковым, ездил вместе с ним по стране...

Анатолий Шамардин: — Много, много, много мы ездили с ним по России и выступали. По линии бюро пропаганды художественной литературы. Он читал свои стихи, я пел свои песни на его стихи. И в Москве я выступал на его вечерах. И все его окружение меня узнало, и все его почитатели стали и моими почитателями.

Нина Краснова: — У тебя есть песни и на стихи других известных поэтов...

Анатолий Шамардин: — У меня есть песни на стихи Новеллы Матвеевой. Я познакомился с ней так. Пришел прямо к ней домой, с гитарой в руках, и, помня совет Эдуарда Хилля не говорить лишних слов, а открывать рот и петь, я сразу, с порога, как когда-то в Ленинградской филармонии, открыл рот и запел под гитару! Но не иностранную песню, а песню Новеллы Матвеевой «Развеселые цыгане по Молдавии гуляли». Она была в восторге. И ее муж поэт Иван Киуру, который тогда был жив, тоже. И мы сразу же подружились. И потом я написал много песен на стихи Новеллы Матвеевой — «Было тихо», «Лягушонок Евстигней» и другие, и на стихи Ивана Киуру — «Лебедь», «Маленький Потап» и другие.

У меня есть и песни на стихи Алима Кешокова — «Серебряный

ручей», который я включил в свой музыкальный альбом «Время нежности», и другие. Алим Кешоков был не только поэтом, но и председателем Литфонда СССР, влиятельной фигурой, и главное — очень хорошим человеком, он очень многим писателям помог в жизни не только морально, но и материально, и помогал мне устраивать концерты у него на родине, в Нальчике, в Кабардино-Балкарии. Я дружил с ним и всей его семьей до самой его смерти, ездил к нему в Переделкино, навещал его. В последние годы он был довольно одинок как поэт. Пока он занимал свой пост в Литфонде, около него вилось много всякой публики. А после перестройки, когда он оставил этот пост, всех как ветром сдуло и унесло в разные стороны, он был очень быстро забыт литературной общественностью, и никто не вспоминал его. И в газетах даже не появилось некролога о его смерти. Такова жизнь, таковы люди.

Я писал песни на стихи разных поэтов. В последние годы создал целый цикл — пятнадцать — песен на стихи Принцессы поэзии «Московского комсомольца» Нины Красновой, целый букет. Правда, одну, «Вечер в клубе», сочинил раньше, когда Нина жила еще в Рязани. А остальные — уже когда она переехала в Москву. Я счастлив, что успел показать их Сергею Орехову, и они понравились ему, и он очень охотно, записывал их со мной в студии, несмотря на то, что вообще-то не любил записываться в студиях и его было трудно вытащить туда. И теперь, с его аккомпанементом, эти песни особенно ценны.

Нина Краснова: — Анатолий, многие твои песни на стихи поэтов написаны от женского лица. И ты поешь женские песни мужским голосом, тенором. Но публика воспринимает это так же хорошо, как если бы их пела певица, женским голосом. Ты умеешь перевоплотиться в героиню песни и выразить ее состояние души и ее чувства лучше любой певицы. Некоторые из них пробуют это сделать, а у них не получается. Правильно сказал Виктор Боков, что никто не споет твои песни лучше тебя самого.

Анатолий Шамардин: — Песни от женского лица может спеть не хуже и даже лучше иной певицы только тенор. Бывает тенор, близкий к сопрано. У меня он как раз такой. Джилльда Мажекайте, которая работала в оркестре Утесова, и у которой у самой был очень низкий голос, близкий к баритону, в шутку называла меня «колоратурное сопрано» и даже дразнила меня: «Ну где там наше колоратурное сопрано?»

Нина Краснова: — Но у тебя такой тенор, который в некоторых песнях становится баритоном. Как, например, в греческих песнях... А в некоторых песнях он у тебя в одних местах, на высоких нотах, теноровый, а в некоторых местах, на низких нотах, баритональный. Я таких голосов не встречала.

Анатолий Шамардин: — Такие голоса просто очень редки. Но бывают такие тенора, которые могут быть баритонами, и такие баритоны, которые могут петь тенорами.

Нина Краснова: — Ты очень хорошо умеешь подражать Людмиле Зыкиной, Леониду Утесову и другим певцам.

Анатолий Шамардин: — Это мое баловство, дурачество, которое я могу позволить себе иногда в компании друзей, особенно за праздничным столом, чтобы повеселить всех. А вообще-то я люблю петь своим нормальным голосом.

Нина Краснова: — Ты считаешь, что певец должен уметь подражать другим певцам?

Анатолий Шамардин: — Конечно. Подражая другим, он сам учится петь, нарабатывает свое мастерство. Но, конечно, подражать надо в первую очередь мастерам своего дела, у которых есть чему поучиться. А иначе можно испортить себя.

Нина Краснова: — У тебя такое искусство пения, которым сейчас мало кто владеет из эстрадных певцов... Оно утрачено... и недоступно новым певцам.

Анатолий Шамардин: — У меня были хорошие учителя, в том числе и косвенные. И мое искусство пения идет от них. Я у них этому учился.

Нина Краснова: — Соловьята и скворчата учатся петь у самых лучших соловьев и скворцов. Сейчас перевелись курские соловьи (то ли их всех переловили и поели за границей, на западе, когда они улетали туда зимовать, то ли сами по себе выродились). И сейчас новым соловьям не у кого учиться. И они стали петь хуже. Может быть, и у нас в эстраде случилось что-то подобное. Ушли из жизни или уехали за границу многие хорошие певцы, мастера своего дела. И новым певцам стало не у кого учиться...

Анатолий Шамардин: — Но на западе сейчас в эстраде тоже засилье безголосых певцов. Даже в Италии. Как будто там, в Италии-то (!), на родине бельканто, молодым певцам не у кого поучиться петь! У них там были Карло Бути, Беньямино Джильи, Тито Руфо, Марио Ланца... Жалко, что и там настоящих певцов, мирового класса, задвинули на задний план, а на передний вышли безголосые, и они стали образцами для подражания и предметами поклонения. Тот же Челентано, современный кумир публики. Он поющий актёр, а не певец. Когда я узнал, что в 1969 году на конкурсе певцов первое место занял не Клаудио Вилла, певец с божественным, обольстительным голосом редчайшей красоты, а совершенно безголосый Адриано Челентано, я был не просто удивлён — я испытал шок... Челентано затмил... кого?! — Клаудио Виллу! Это конец света. Я понимаю, чем Челентано нравится публике. Тем, что он как бы человек из толпы, такой же, как все. Он выражает психологию толпы. Он поет простенькие мотивчики, которые может спеть каждый прохожий. Это считается признаком демократичности «искусства» Челентано. Но нельзя же сравнить его ни с Карло Бутти, ни с Клаудио Вилла, ни с Беньямино Джильи, ни с Марио Ланца, ни с Франко Корелли, был в Италии такой певец с божественным голосом, там много было певцов с божественными голосами. И как могут сами итальянцы восхищаться таким посредственным певцом, когда у них есть выдающиеся мастера, и не замечать этих выдающихся. Я даже разочаровался в итальянцах, которые возвели на пьедестал того, кто этого не заслуживает. Итальянцы разучились понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Хуже Челентано только Тото Кутуньо.

Нина Краснова: — А почему народ в целом как бы перестал ценить голосовых певцов и предпочитает им безголосых?

Анатолий Шамардин: — А потому что народу навязывают, насаждают этих плохих певцов, а хороших как бы прячут от них. И народу не с кем сравнивать плохого певца, только с таким же плохим. И не с чем сравнить некрасивое пение, а только с таким же некрасивым.

Нина Краснова: — А с чем бы ты мог сравнить пение рядового певца или певицы, которых возносят за то, что они более менее правильно поют, и за это им хотят воздать особый почет?

Анатолий Шамардин: — Я сравнил бы пение такого певца или такой певицы с работой рядовой водительницы троллейбуса. Если симпатичная девушка работает водительницей троллейбуса и водит троллейбус так, что ни разу не наехала на столб и ни разу никого не задавила... Это хорошо. Но в этом нет ничего уникального, так и должно быть. И этого недостаточно, чтобы, например, дать ей Нобелевскую премию.

Нина Краснова: — А с чем бы ты мог сравнить талант и уникальность каждого таланта?

Анатолий Шамардин: — С красотой красивой девушки, которая если есть, то есть, а если ее нет, то ее нет. И если девушка родилась некрасивой, горбатой, кривоногой и хромой, с длинным носом, то как ты ее ни одевай, во что ее ни ряди, она останется такой, какая есть. И если ты назовешь ее королевой красоты, она все равно ею не станет.

Нина Краснова: — Анатолий, ты, можно сказать, универсальный певец, широкого профиля. А есть певцы узкого профиля. Которые, например, поют только народные песни, и ничего другого уже не воспринимают и знать не хотят, ни эстрадные песни, ни тем более иностранные, на иностранных языках. Или есть певцы, которые поют только эстрадные песни, в том числе иногда и иностранные, а народные терпеть не могут. А ты поешь всё! В том числе и иностранные песни.

Анатолий Шамардин: — У нас раньше, в советское время, в 60–70-х годах был такой певец — Эмиль Горовец, прекрасный тенор. Он пел иностранные эстрадные песни, что тогда в общем-то не приветствовалось.

Нина Краснова: - Но он пел их на русском языке. Я помню. «Лалели», то есть «Тюльпаны»:

Ла лели, ла лели,
Вот слово придумать сумели.

В школе-интернате, где я училась, ребята в радиорубке все время заводили эту песню во время школьных перемен, и мы с подружками танцевали под эту песню или просто стояли у стеночки и слушали ее.

Анатолий Шамардин: — А до Эмиля Горовца у нас был певец Глеб Романов. Он тоже пел иностранные песни.

Нина Краснова: — А кого из них ты знал лично?

Анатолий Шамардин: — Глеба Романова я боготворил на расстоянии. А с Эмилем Горовцом виделся и разговаривал однажды. Но я был такой робкий, такой стеснительный и застенчивый, что не мог выразить ему свой восторг, который он вызывал во мне своими песнями. Мне очень нравился его красивый голос, его тембр. Я записывал на магнитофон его песни, магнитофон был на батарейках, я везде таскал с собой этот музыкальный ящичек, даже брал его с собой на речку, приходил туда, ставил его на берегу рядом с собой, включал и наслаждался прекрасным пением Эмиля Горовца. Кроме того я бывал на его концертах.

Нина Краснова: — А как ты познакомился с Эмилем Горовцом?

Анатолий Шамардин: — Я познакомился с ним случайно, в Москве, на Садовой-Кудринской улице, около музыкального комиссионного магазина, где тусовались разные музыканты. Он уже собрался уезжать из нашей страны в Америку и хотел кому-то продать свою аппаратуру, чтобы не везти ее с собой. Мы стояли (случайно оказались) с ним рядом, и он спросил у меня, кому бы продать аппаратуру. И мы разговорились с ним. Но я был такой стеснительный, что даже тогда не сказал ему, как я люблю его голос и его пение. И сейчас очень жалею об этом.

Нина Краснова: — Чтобы петь песни на иностранных языках, певцу обязательно знать эти языки или не обязательно?

Анатолий Шамардин: — В общем-то любой профессиональный певец может спеть любую иностранную песню, даже если не знает языка, на котором она написана. Это не трудно... Но все же лучше, если ты знаешь тот язык, на котором поешь, если ты владеешь им, как своим родным. В этом смысле для меня образец — певица Катарина Валенте. Она была наполовину испанка, наполовину немка, на четверть француженка... И знала все языки, на которых пела. И если пела на французском, то в это время была француженкой, если пела на немецком, то в это время была немкой, а если пела на испанском, то в это время была испанкой...

Нина Краснова: — Тебя в свое время оценили такие выдающиеся дирижеры эстрадных оркестров, как Олег Лундстрем и Эдди Рознер...

еще до того, как это сделал Леонид Утесов. Они приглашали тебя работать в свои оркестры...

Анатолий Шамардин: — Когда мне было 20 лет или 21 год, я приехал к своей тете в Киев, погостить. А в Киеве в это время выступал с гастрольями оркестр Эдди Рознера, тогда самого популярного эстрадного оркестра в нашей стране. Я пришел к Эдди Рознеру и, что называется, показал ему себя. Спел песни из своего репертуара, русские и иностранные. Он проявил ко мне искренний интерес и хотел взять меня в свой оркестр. Но я тогда учился в инязе и не решился бросить свой институт. Я помню, Эдди Рознер свободно говорил на немецком языке, и я разговаривал с ним не только по-русски, но и по-немецки. Кстати, вторым дирижером и аранжировщиком в оркестре Эдди Рознера тогда был замечательный музыкант, композитор Алексей Мажуков, с которым я до сих пор поддерживаю отношения (Алексей Мажуков умер лет десять назад. — *Н. К.* 27.01.2015.).

Через год я познакомился с Олегом Лундстремом. И тоже вызвал у него большой интерес. И он тоже предложил мне работать у него в оркестре. Сказал, что я мог бы там петь. Но я тогда заканчивал уже 4-й курс иняза. И подумал, что мне надо сначала закончить институт... и как-то не подумал о том, что я мог бы закончить его и заочно. Если бы я раньше ушел на эстраду, не в 30, а в 20 лет, и поработал в таких оркестрах, у Эдди Рознера или у Олега Лундстрема, я бы набрался опыта, я прошел бы хорошую школу... И моя творческая судьба сложилась бы иначе. Но что теперь говорить об этом? Как говорится, каждый сам делает свою судьбу, и у каждого своя планида.

Нина Краснова: — Когда прекрасному певцу не дают пробиться к слушателям, затирают и зажимают его, то таким образом обижают не только этого певца, но и слушателей. Их лишают радости слушать красивый голос, красивое пение. Им навязывают совсем других — часто плохих — певцов с дурными голосами и не понимают, что таким образом не только портят у них вкус, но и лишают их радости слышать прекрасного певца, отнимают у них эту радость, у большого, широкого круга людей.

Анатолий Шамардин: — Голос действует на подсознание. И когда люди слушают плохих певцов, которых им навязывают средства мас-

совой информации, то они постепенно привыкают к ним, и у них перепрограммируется сознание, и они перестают воспринимать хороших певцов как хороших. И этим певцам требуются определенные усилия, чтобы достучаться до их сердец.

Нина Краснова: — Расскажи, пожалуйста, какой-нибудь показательный случай из своей артистической практики.

Анатолий Шамардин: — Был такой случай... Я приехал в Саратов в составе большого коллектива артистов. Он назывался «Брянские петухи». Мы выступали в Доме офицеров, на праздник 9 Мая. А кто-то перепутал афиши и повесил на двери Дома офицеров не ту, какую следовало повесить, и в этой не той афише был объявлен «эстрадный концерт», и люди пришли на эстрадный концерт. В зале собралось много подвыпившей, в основном молодежной, публики, которая ждала развлекательной программы. И когда ведущий выпустил на сцену первым номером певицу с филармоническим голосом и с камерным репертуаром и она тоненько-тоненько запела, затянула песню Алябьева «Соловей мой, соловей...», с душой, с чувством, с коленцами, с трепетными переливами, публика в зале затопала ногами, стала свистеть, выкрикивать в адрес певицы обидные, похабные слова и орать: «Кончай бодягу! Кончай бодягу!» Певица была вынуждена уйти со сцены. Ведущий выпустил другого артиста, с оперными ариями... Его тоже освистали. И третьего, и четвертого... Концерт был на грани срыва. У меня появился какой-то хулиганский азарт. Я говорю ведущему: «Витя, я хочу, чтобы меня тоже освистали. Выпусти меня на сцену». Я выхожу на середину сцены, и прошу музыкантов убрать микрофоны и уйти за кулисы, а осветителя прошу направить на меня красный свет. И как бы для смеха начинаю своим тенором петь народную песню «Однозвучно гремит колокольчик». Акапелла. В зале воцарилась тишина. Я спел один куплет. Полная тишина. Пьяные не кричат. Я пою второй куплет и тихонько даю знак музыкантам, чтобы они принесли мне микрофон и тихонько подыграли. Мне тихоньку ставят микрофон и тихонько начинают подыгрывать на своих инструментах в ритме басановы. Я пою песню дальше, в ритме басановы. И когда песня кончается, зал устраивает мне овации. А зал огромный, на тысячу мест. Я тогда молод был. И голос у меня тогда звучал... как колокольчик. И от него, наверное, очень хорошая и сильная энергетика шла в зал, и она переборола плохую энергетика зала.

Нина Краснова: — Тебя очень ценил танцор Владимир Шубарин. Когда ты выступал на вечере памяти гитариста Сергея Орехова в Политехническом музее, Шубарин представил тебя своему кругу друзей и сказал: «Это единственный в Москве певец, у которого такой полётный голос!»

Анатолий Шамардин: — Владимир Шубарин последние годы жил за границей, но умер в Москве, недавно. Это был великолепный танцор, самый лучший из всех наших танцоров, и, кстати сказать, великолепный музыкант, который (об этом мало кто знает) сам сочинял песни и сам пел их. Да как! Он был удивительно музыкален и обладал колоссальным музыкальным чутьем и талантом. Кстати, он первый сказал мне когда-то, что от моего голоса идет хорошая положительная энергетика.

Нина Краснова: — Анатолий, что должен делать певец, чтобы не потерять свой голос, чтобы сохранять его как можно дольше?

Анатолий Шамардин: — Прежде всего он должен вести здоровый образ жизни, особенно это касается теноров, у которых очень нежное устройство гортани и связок. Он ни в коем случае не должен пить и курить. Тогда и сохранит свой голос до глубокой старости, как Иван Козловский, как Михаил Александрович.

Нина Краснова: — Ты сам не пьешь и не куришь. И когда ты поешь песню «Я не пью и не курю», на стихи Нины Красновой, от женского лица лирической героини, то ты вполне можешь сказать и от своего собственного лица: я не пью и не курю...

Анатолий Шамардин: — Совершенно верно. Клавдия Шульженко пела: «Давай закурим, товарищ мой», Марк Бернес пел: «Закурю-ка, что ли, папироску я», другие певцы пели: «Налей, дружок, по чарочке», «Заздравную чашу до края нальем»... Я принципиально не пою таких песен. Я считаю, что в этом есть скрытая пропаганда или реклама нездорового образа жизни. А я бы, наоборот, будь моя воля, ввел бы разнузданную пропаганду здорового образа жизни, без дурных привычек. Чтобы люди не пили и не курили. И умели находить удовольствие в чем-то другом, более полезном.

Нина Краснова: — Может ли певец нравиться всем?

Анатолий Шамардин: — Всем нравиться нельзя. Потому что сколько людей, столько вкусов, а на вкус на цвет товарищей нет. И когда про кого-то говорят: он нравится всем, это неправда. Потому что обязательно в мире есть кто-то, кому он не нравится — даже самый лучший и самый признанный во всем мире певец. Он может элементарно не нравиться не только какому-нибудь далекому от искусства человеку, но и своему же коллеге, который завидует ему. Очень часто коллеги не любят своих коллег как своих конкурентов в мире жестокой конкуренции. Мне в жизни часто приходилось сталкиваться с этим. Только очень талантливый человек, который знает цену сам себе и не боится никакой конкуренции, может искренне восхищаться своим коллегой и радоваться его успехам.

Нина Краснова: — Я знаю, что тобой искренне восхищались и восхищаются многие твои коллеги, и певцы, и музыканты, например, известная в свое время певица Алла Соленкова, или замечательный певец, а позже педагог по классу вокала, профессор Сергей Давидян (оба они давно умерли. — *Н.К. 27.01.2015*), или, например, тебя очень ценит джазист мирового класса Александр Сухих... и многие представители мира музыки, о ком мы говорили и будем говорить в этом интервью и с кем судьба связала тебя каким-то образом... А кроме того тебя очень любят представители смежных областей искусства, поэты, писатели. Виктор Боков считает, что «лучше Толи Шамардина никто не поет». Николай Старшинов считал, что ты поешь даже лучше кумира 60-х –70-х годов Муслима Магомаева... Новелла Матвеева обожает твой голос и твоё пение...

Анатолий Шамардин: — Мне особенно важно мнение обо мне тех людей, с мнением которых я особенно считаюсь.

Нина Краснова: — Твои слушатели говорят и пишут, что ты греческие песни поешь как грек, немецкие — как немец, английские — как англичанин, японские — как японец, итальянские — как итальянец. То есть ты в этом смысле — как Катарина Валенте. А тебе приходилось встречаться с кем-то из зарубежных певцов мирового класса?

Анатолий Шамардин: — Приходилось. С моим кумиром Клаудио Вилла. Много лет назад он приезжал на гастроли в Ленинград, где

я тогда жил и учился в аспирантуре. Я пошел на его концерт. И после концерта познакомился с ним. Я зашел к нему за кулисы. Выразил ему свои чувства, свое отношение к нему, свое преклонение перед ним. Он пригласил меня в свою гримёрную комнату. Я говорил с ним на итальянском языке. И напел ему один куплет песни из его репертуара. Он очень хорошо отозвался о моем голосе. Сказал, что я пою — как настоящий итальянец, и владею стилем бельканто — как далеко не каждый итальянец.

Нина Краснова: — Многие слушатели сравнивают тебя с Клаудио Вилла. А некоторые — с Карелом Готом. То есть все ставят тебя в один ряд с самыми лучшими не только нашими отечественными, но и мировыми певцами.

Анатолий Шамардин: — Да. Поэтому я, будучи от природы человеком не тщеславным и не амбициозным, могу считать себя счастливым и считать, что моя судьба сложилась нормально.

Нина Краснова: — А ты можешь вспомнить и рассказать какой-нибудь особый случай, когда ты испытал на себе любовь твоих слушателей к тебе?

Анатолий Шамардин: — В 1976 году я выступал перед зэками, в одном поселке, где они жили на вольном поселении, во Владимирской или в Ивановской области. Я приехал туда на своем стареньком автомобиле, на «Жигулях». Выступал в местном клубе. Он был переполнен народом. Многих туда не пустили, и они стояли у открытых дверей и на улице и слушали меня, разинув рты. Дело было летом. После концерта я выхожу из клуба, иду к своей машине, а она — вся-вся, сверху донизу, в цветах, в ромашках. Зэки, пока я пел, могли выбить стекла у моей машины, помять бампер, нахулиганить, а они... украсили мою машину ромашками, всю-всю... В знак благодарности мне за мой концерт. И сказали мне: «Молодец, мужик! Хорошо поешь!» Это было так трогательно. Я этого никогда не забуду.

Или был еще такой эпизод в моей практике. Я приехал с группой артистов в Подольск. Выступал там в общем концерте, номером. Спел несколько песен. И после концерта ко мне подходит одна женщина со своим маленьким — лет семи-восьми — сыном и говорит мне: «Мой сын Володя послушал вас и сказал: «Нет такой оценки, которую мож-

но было бы поставить этому певцу за его голос...». Из таких случаев и эпизодов складывается отношение людей ко мне. И их хорошее отношение ко мне для меня значит больше, чем плохое отношение ко мне каких-то худсоветов, на которое я смотрю как на издержки моей профессии.

Нина Краснова: — А это правда, что для того, чтобы народ запомнил какую-то песню и запел ее, она должна звучать по радио и телевидению минимум четыреста раз в год в течение многих лет? А если она прозвучит в год два-три раза или даже десять раз, ее никто не будет знать?

Анатолий Шамардин: — Не секрет, что существует определенная частотность, с которой песня должна звучать в эфире, чтобы люди запомнили ее. Даже чтобы люди запомнили название шампуня «Нивея» или молока «Милая Мила», оно должно мелькать в телерекламе каждый день десятки раз... Всему нужна раскрутка. Само по себе ничто не становится известным и знаменитым и популярным. Ничто и никто.

Нина Краснова: — А мне кажется, что талантливому человеку не нужна слишком уж большая раскрутка, чтобы люди заметили его и запомнили и полюбили. Ему хватит и маленькой раскрутки. Это бездарным и бесталанным нужна большая, потому что они никому не нужны, поэтому спонсоры вынуждены вкладывать в них огромные деньги, сотни тысяч долларов, чтобы насильно навязать их публике, заставить публику хотя бы имя их запомнить, чтобы оно хоть кому-то запало на экран мозга, а потом вложить в них еще миллионы долларов, чтобы заставить публику считать этих бесталанных звездами первой величины. Ты выступишь где-то в Костроме один раз, и тебя публика даже через двадцать пять лет будет помнить, потому что ты талантлив и неповторим. А бесталанные будут каждый день по нескольку раз выступать по радио и по телевизору в течение большого периода времени, а стоит им исчезнуть на месяц по технической причине, и все тут же забудут их, как будто их и не было.

Анатолий Шамардин: — Я тоже считаю, что талантливого человека поддержать легче, чем бесталанного, стоит хоть немного поддержать его и хоть немного помочь ему, и будет толк. А бесталанного сколько ни поддерживай, сколько ему ни помогай, это всё бестолку, он все рав-

но не станет тем, кем ему не дано стать. И поэтому вкладывать деньги в раскрутку бесталанного человека — это всё равно, что сыпать их в худой карман. Хотя Бог его знает, я не спец в шоу-бизнесе.

Нина Краснова: — Анатолий, а ты не пробовал во время своих выступлений по радио, в открытом эфире, бросить клич менеджерам и спонсорам, чтобы они помогли тебе организовать платные концерты и выпустить диск или кассету?

Анатолий Шамардин: — Бросил я как-то такой клич по программе «Москва и москвичи», которую вел Павел Морозов. Я представлял там в открытом эфире свой музыкальный альбом «Время нежности» и общал слушателям, что его можно приобрести в японском ресторане «Саппоро» на проспекте Мира, 14, где я тогда пел иногда по вечерам. И что же? Вечером того же дня, когда я пел в ресторане, на четвертом этаже, японские и прочие иностранные песни, ко мне подошел метрдотель и сказал, что меня спрашивает и ждет внизу посетительница, которая слышала меня по радио. Я подумал: «Вот на ловца и зверь прибежал! Может быть, эта женщина менеджер или спонсор, которая хочет предложить мне свои услуги? Или это, на худой конец, какая-нибудь моя поклонница, которая хочет купить мою компакт-кассету? Может быть, даже оптом?» Я спустился вниз, рассчитывая увидеть приличную даму из бальзаковского романа, из высшего света, милостивую покровительницу. И увидел какую-то немолодую, обтрепанную бомжиху с котомкой за плечами, а рядом с ней молодую бомжиху, точную внешнюю копию этой немолодой, ее дочку, как потом выяснилось. Они сказали: «Ой, Вы знаете, мы услышали Вас по радио и поняли по Вашему голосу, что Вы очень добрый человек. И мы решили прийти к Вам в ресторан, по адресу, который Вы назвали. Мы сами не тутошние, мы приехали в Москву издалека, из Хабаровска... Нас по пути обворовали. Нам не на что жить. И негде ночевать. Мы хотели попроситься к Кобзону, переночевать у него, но нас к нему не пустили. Мы хотели попроситься к Пугачевой, но и к ней нас не пустили. И мы пришли к Вам. Можно нам у Вас переночевать? А еще лучше пожить несколько дней, пока мы не найдем себе пристанище и работу?» Я говорю: «Да у меня негде ночевать. У меня в однокомнатной квартире живут сын с женой и ребенком... У меня у самого угла нет, я снимаю комнату...» Не знаю, поверили они мне или не поверили, но они сказали: «Тогда,

может быть, Вы поможете нам деньгами? Дадите нам на первый случай хотя бы тыщу рублей?» Вот такой казус произошел. Некоторые думают, что все певцы — богатые люди, что у них денег куры не клюют, что если Кобзон и Пугачева обеспеченные, то и Шамардин такой же.

И еще одна смешная история произошла у меня в связи с этим. После того, как я по радио обратился к своим потенциальным спонсорам. Мне позвонила некая дама и сказала, что ей и ее мужу очень понравился мой голос, и что у них есть своя фирма, и они готовы стать моими спонсорами, и пообещала: мы всё-всё для Вас сделаем, и поможем записать Вам песни в хороших студиях, и поможем Вам выпустить новые кассеты... давайте встретимся с Вами и обсудим всё это. Мы договорились встретиться с ней в метро на станции «Сухаревская». Встретились. Она была в поношенном пальто и не произвела на меня впечатления преуспевающей предпринимательницы, этакой «новой русской», но я подумал, что, может быть, она маскируется под небогатую женщину, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Или просто не любит одеваться с шиком, не любит пускать кому-то пыль в глаза, выпендриваться. В Германии все богатые люди одеваются более чем скромно. Наши бедные одеваются намного лучше. Я подарил ей свою кассету. А она и говорит мне: «Вы знаете, случилось несчастье — нашу фирму подожгли, и она сгорела. И нам с мужем нужно время, чтобы восстановить ее и подняться на ноги. Не дадите ли вы мне рубль на метро или жетон, на обратную дорогу?»

Вот такие «спонсоры» у меня объявляются. А другие пока не попадались. Ау, благодетели, где вы?

Нина Краснова: — Анатолий, ты знаешь все языки, на которых поешь. И японский — тоже?

Анатолий Шамардин: — Японского языка я не знаю, за исключением каких-то отдельных слов. Например, «хай», что значит — да. Мне пришлось несколько лет работать в японском ресторане «Саппоро» в Москве. Туда меня пригласил сам президент фирмы «Ниссо Бойки», Ташибана-сан, после того, как услышал меня на одном из концертов в ЦДЛ. И я на слух разучил японские песни и пел их для гостей. А гости «Саппоро» были разные «новые русские», крутые ребята, бандиты, бизнесмены, предприниматели, известные политики, артисты, певцы, дикторы телевидения... Например, Дмитрий Дибров, Евгений Киселев

с канала НТВ, девушки телевидения, которые объявляют погоду, Валерия Новодворская и Константин Боровой, Лев Лещенко, Олег Газманов с сыном, уже не маленьким мальчиком, а взрослым юношей... Со всеми я общался. И все с удовольствием слушали экзотические для России песни в моем исполнении. Японцы думали, что я знаю японский язык, настолько чисто я на нем пел, и подходили ко мне, улыбаясь, и жали мне руки и долго-долго что-то говорили, уверенные в том, что я понимаю их. А я только время от времени кивал головой, как японский болванчик, и говорил: «Хай, хай». А вообще, я считаю, песни народов мира обогащают певца, не в материальном, а в моральном и духовном плане.

Нина Краснова: — Раньше, в советское время, одним из условий успешной карьеры певца было наличие советских гражданских песен в его репертуаре. А сейчас — наличие блатных и матерных.

Анатолий Шамардин: — Я никогда не пел гражданских песен, чтобы снискать этим расположение ко мне официальных лиц, и не пою блатных и матерных, чтобы снискать себе этим расположение каких-нибудь «новых русских» или толпы. Ни гражданские, ни блатные песни мне не по голосу, не по вкусу и не по характеру. Они не в моем стиле. Бывали случаи, когда в японском ресторане подвыпившие крутые ребята заказывали мне блатные песни и обещали хорошо заплатить, если я спою их, а в противном случае побить меня. Но я все равно не пел таких песен. И ни за какие деньги не буду петь то, что не хочу, то, что мне не нравится.

Нина Краснова: — Ты по натуре оптимист? Никогда не жалуешься на судьбу и на жизнь.

Анатолий Шамардин: — Да. И я всегда и всем на вопрос: «Как идут твои дела?» — отвечаю: «Хорошо!» Даже когда они идут у меня плохо. И недавно я вычитал в одной газете, что тибетская медицина основана как раз на этом принципе и считает, что надо всегда говорить себе и людям: «У меня всё хорошо!» — И тогда всё и правда будет хорошо. Ты создашь своими словами светлую, положительную ауру вокруг себя, сквозь которую к тебе не сможет проникнуть извне черная аура. Ты сам себе придашь сил и защитишь сам себя от всего плохого. И ни в коем случае никогда не надо говорить: «У меня всё плохо...». Иначе всё и правда будет плохо. Не зря говорится: «Не говори, что

у тебя всё плохо или что у тебя всё будет плохо, а то накаркаешь это сам себе». Поэтому я надеялся, надеюсь и буду надеяться на лучшее. Чего и всем желаю.

Нина Краснова: — В чем, по твоему мнению, вред бездарных певцов, то есть занимающихся не своим делом?

Анатолий Шамардин: — В том, что они портят вкус у слушателей, приучают их к своему бездарному пению, перепрограммируют их сознание, действуя на их подсознание, и превращают всех слушателей в бездарных слушателей. Которые не могут отличить хорошее от плохого и которым плохое начинает казаться хорошим, а хорошее плохим. Когда-то портной сшил мне штаны. И сшил их неправильно, так, что ширинка располагалась ниже, чем нужно. И эти штаны было невозможно носить. Как в рязанской частушке:

Эх, мать, моя мать,
Как же хрен-то вынимать?

Их можно было надеть только до половины бедер. Конечно, если ввести моду на штаны такого покроя, то они будут казаться криком моды и будут нравиться кому-то... Но все же это не штаны.

Нина Краснова: — Иногда бездарные люди бывают очень трудолюбивы и достигают в какой-то сфере, в том числе и в сфере искусства или науки того, чего хотят.

Анатолий Шамардин: — Бездарный человек иногда компенсирует отсутствие у себя таланта невероятным трудолюбием и усердием. И в результате пробивается из пешек в дамки. Таких очень много и в искусстве, и в науке, поэтому там и возник бездарный электорат, которому нравится все бездарное, а даровитое они не приемлют. У Василия Шукшина есть рассказ «Врезал» как раз на эту тему. Там мужик-недоумок издевается над профессором, талантливейшим человеком, пытается унижить его. А тот взял и врезал ему, чтобы не издевался.

Нина Краснова: — Раскрутка и навязывание серости средствами массовой информации влияет больше всего на наивных молодых людей, у которых еще не сложился свой вкус и которые доверяют средствам массовой информации и всякой рекламе...

Анатолий Шамардин: — Да, и на них это больше всего и рассчитано, и именно на них это влияет особенно сильно, особенно если талантливое замалчивать или представлять как нечто устаревшее, неинтересное и ненужное.

Нина Краснова: — Ты не любишь гражданские песни...

Анатолий Шамардин: — Только в том смысле, в каком у нас принято считать их таковыми. Я считаю, что гражданские песни должны способствовать гражданскому миру, а не наоборот, — если они призывают всех к воинственности и агрессивности, то это антигражданские песни, и вот их-то я и не люблю. Такие песни, после которых человеку хочется схватить палку и ударить кого-нибудь палкой по голове или схватить автомат Калашникова и кого-нибудь убить... Песни о любви я тоже далеко не все люблю. Есть среди них очень пошлые, с пошлыми словами и пошлой музыкой, звучащие в пошлом исполнении. Я люблю такие песни, как, например, «Песнь моя летит с мольбою», — это гениальная серенада Шуберта, слова которой гениально переведены с немецкого языка на русский и одинаково прекрасны и на немецком языке, и на русском.

Нина Краснова: — А как ты считаешь, должны быть певцы с посредственными голосами?

Анатолий Шамардин: — Конечно, должны. Чтобы «оттенять совершенство» своих коллег (как сказал бы Андрей Вознесенский). Но посредственных певцов не должно быть чересчур много. Или они должны быть равномерно рассредоточены по разным точкам страны, не сгучиваясь в одном месте. Тогда они могут очень выразительно прозвучать даже на фоне блестящих певцов. А вообще каждый должен занимать свое место под солнцем. Плачидо Доминго не должен мотаться по колхозам, для этого есть другие певцы, не обязательно плохие, а даже и очень хорошие, но не такие, как Плачидо Доминго, который должен выступать в лучших залах мира. Как говорится, не всем певцам петь в Ла Скала и в Большом театре, и не всем балеринам там танцевать.

Нина Краснова: — Ты назвал своих косвенных учителей — певцов, которые служили для тебя некими образцами, эталонами и у которых ты учился петь. А можешь ты назвать какого-нибудь не косвенно-

го, а конкретного педагога, который чему-то научил тебя? Допустим, в училище имени Шнитке? Кто там обучал тебя вокалу? Не Клаудио Вилла? Не Карел Гоот? Не Мария Каллас? Не Катарина Валенте?

Анатолий Шамардин: — В училище меня обучала вокалу педагог Валерия Алексеевна Пагосова. Правда, я пришел в училище уже в зрелом возрасте, после пятнадцати с лишним лет работы на эстраде, и меня вроде бы уже нечему было учить, я был уже готовый, сложившийся певец, то есть уже ученый в своем деле, а ученого учить — только портить. Но все же она открыла мне кое-какие секреты, приемы и тонкости искусства вокала: как лучше распеваться перед выступлением, как правильно брать дыхание, как разогревать и не надсаживать связки, как беречь голос, какой режим соблюдать. И до сих пор я поддерживаю с ней отношения, перезваниваюсь с ней, советуюсь в чем-то, она что-то подсказывает мне. Певческое дело такое — в нем нет предела совершенствованию. Кстати, она высказала когда-то удивительную и очень ценную мысль о том, что певец, особенно тенор, не должен слишком много увлекаться женским полом и предаваться любовным утехам, проще говоря, он должен как можно меньше заниматься сексом, а перед выступлениями вообще не заниматься этим, чтобы не расплескивать свою энергию и чтобы голос у него звучал лучше, сильнее, наполненнее, звонче, ярче, эмоциональнее, чувственнее и темпераментнее. Она гордится, что я — ее ученик. Есть у нее и еще один ученик, которым она гордится, он учился у нее до меня. Это известнейший ныне певец, солист Большого театра Владимир Редькин.

Нина Краснова: — Тебе приходилось встречаться и еще с одним итальянским певцом — Гуальтиеро Мизиано. Расскажи, пожалуйста, об этом.

Анатолий Шамардин: — Итальянский певец Гуальтиеро Мизиано жил у нас в стране в советское время. Он обладал удивительным голосом и был очень популярен, но при этом был так скромнен, что, наверное, сам не сознавал, какой он певец. Я познакомился с ним в конце 70-х годов, в Кунцево, недалеко от Олимпийской деревни, в ресторане. Он пришел туда перекусить. И я пришел туда поужинать. Я сказал ему, что я его поклонник. Он показал мне пластинку певца Бруно Вентурини со своей аннотацией к ней. Я сказал ему: «Гуальтиеро, я слышал

этого певца, в Ленинграде, в 1970 году. Вы преклоняетесь перед ним. Но перед Вами он — просто начинающий, ничего собой не представляющий и банальный певец с банальным голосом. А у Вас голос редчайший. Такого второго певца, как Вы, даже в Италии не встретишь. Там есть Карло Бутти, Клаудио Вилла... и Вы. К ним же я отношу и Вас». Он страшно удивился. Он не считал себя выдающимся певцом. И не сознавал, какое место он занимает в искусстве. У Мизиано было очень много поклонников в СССР, по всей стране. Тогда у нас не было такого большого наплыва певцов, как теперь. Я многое взял из его репертуара. И с удовольствием пел и пою его песни... У меня есть его записи.

Он был инвалидом, у него не было кистей рук, и что-то такое неблагополучное было с ногами. Но об этом, пожалуй, не надо говорить. При всем этом он был очень жизнелюбивый и оптимистичный, то есть очень сильный и мужественный человек. Сейчас уже мало кто помнит его. Но я помню.

Нина Краснова: — Тебя ценил такой прекрасный певец и композитор, как Евгений Мартынов... Ты был хорошо знаком с ним?

Анатолий Шамардин: — Да. Мы были очень хорошо знакомы с ним. Встречались то на радио, то на каких-нибудь концертах. Вместе сидели в зале и слушали разных певцов, которые пели его песни. Софию Ротару, эстонского певца Яка Йолу. Делились своими впечатлениями о них...

Нина Краснова: — И что ты можешь сказать о Евгении Мартынове?

Анатолий Шамардин: — Он был очень светлый и очень искренний человек. И чрезвычайно талантливый. И не только как композитор, но и как певец, он был настоящий голосовой певец. И хотя считался композитором, по своей профессии, а не певцом, но у нас даже среди очень хороших певцов нет таких, каким был Евгений Мартынов. Он был лирик в высочайшем понимании слова. Я так любил его песни, что пел их в своих концертах. Ему нравилось, как я пою...

Один раз он сказал мне: «Тухманов написал замечательную песню для Софии Ротару. «Я, ты, он, она — вместе целая страна». А я сказал: «А по-моему, эта песня проходная, так себе. Другие у него намного лучше». А он сказал: «Толя, ты ничего не понимаешь. Это песня — паровозик, которая тащит за собой все другие песни, как вагоны, весь состав».

Так я узнал от него, что у певца должны быть песни-паровозики, на которых он может далеко уехать.

Нина Краснова: — Когда в моду стала входить попса, и у него начался как бы спад популярности, он сильно переживал это?

Анатолий Шамардин: — Да. Он был очень раним и очень тяжело переживал, когда на эстраду полезла попса, а его песни стали как бы не в моде, стали отодвигаться на задний план и уже не пользовались у молодежи такой популярностью, как раньше. Он воспринимал это драматически и даже трагически. Хотя разве какая-то попса может конкурировать с песнями Евгения Мартынова и вообще с настоящим искусством? Моды приходят и уходят. А настоящее искусство остается. И если бы он пожил подольше, он бы понял, что никакая попса его не забьет.

Нина Краснова: — А правда, что он выпивал в последние годы?

Анатолий Шамардин: — По-моему, это слухи, которые ничем не подтверждаются или сильно преувеличены. По крайней мере я видел его всегда трезвым. И если человек так много записывается на радио, на телевидении и так много выступает везде, как он, то ему просто некогда пить. И если человек пьет, он не может так прекрасно петь, так свежо и хорошо звучать, так цветуще выглядеть и так много работать, как он.

Нина Краснова: — С кем из певиц советского времени ты поддерживаешь отношения?

Анатолий Шамардин: — Со Светланой Резановой, например, которая когда-то прославилась песнями «Цветочница Анюта» и «Белый танец». Мы иногда перезваниваемся с ней. Я говорю ей: «Послушай меня по радио, я буду выступать там-то во столько-то часов». А она говорит мне: «Послушай меня по радио...» Мы делимся с ней какой-то полезной для артистов информацией. Приглашаем друг друга на концерты. Она была на моем концерте в Комитете Мира и Согласия.

А с некоторыми певицами я не то чтобы поддерживаю отношения, но встречаюсь иногда на каких-то вечерах, и мы приятно общаемся. С Зинаидой Кирилловой, которая раньше часто выступала по радио и которую иногда даже принимали за Людмилу Зыкину. С кем еще? С Маргаритой Суворовой... С ней мы когда-то вместе записали мою

пластинку-миньон с греческими песнями «Текилла» и другими. Я пел, а она подпевала мне вторым голосом. Обычно я сам себе подпеваю всеми голосами, накладываю один голос на другой, а на той пластинке она помогает мне. Из новых певиц я поддерживаю отношения с Еленой Калашниковой, которая поет песни Бокова. Я надеюсь, что когда-нибудь она споет и мои песни, написанные от женского лица, например, на стихи Нины Красновой.

Нина Краснова: — Певцы без голосов, в том числе и барды сейчас вытеснили со сцены настоящих певцов и заполонили собой эстраду, и публика смотрит на них и думает: вот настоящие кумиры! У публики изменился вкус, изменилась ориентация.

Анатолий Шамардин: — Многие современные слушатели обращают внимание на певца не по тому, насколько он талантлив, а по тому, насколько он раскручен, смотрят: ага, раз он раскрученный, значит он хороший, а если не раскрученный, значит — плохой. И идут на концерт, например, какого-нибудь раскрученного барда, и слушают его с удовольствием, даже если у него нет красивого льющегося голоса и даже если он поет не в тон и у него все ноты — идут мимо, и ни одна не попадает куда надо. Но зато вокруг него поднят такой шум, такой ажиотаж... Певцам с настоящими голосами это, по меньшей мере, странно — странно такое внимание публики к этим бардам.

Нина Краснова: — Многие наши барды подражают Высоцкому и думают, что станут такими же, как он: мол, у нас нет голосов, но и у Высоцкого не было голоса, одна хрипота, а он вон какой знаменитый и популярный, вот и мы такими можем стать...

Анатолий Шамардин: — Пример Высоцкого многих вдохновляет. Но примитивно считать, что Высоцкому легко подражать. У него была хрипота, но какая... Можно сказать, фирменная. И нельзя сказать, что у него не было голоса. У него был глубокий бас, данный от природы бас с хрипотой, уникальный на самом деле голос, которым он виртуозно владел. И если такой голос дан от природы, то его очень трудно пропить и прокурить. Тем более басу для его голоса пить и курить не так вредно, как тенору, даже, говорят, что полезно пропустить рюмку-другую, связки от этого удлиняются, и голос становится крепче, круче и гуще. Вообще настоящий большой талант самому в себе очень трудно

погубить, для этого надо очень сильно постараться, и для этого нужно время. Но, правда, богемный образ жизни сокращает обладателю таланта жизнь. И певец, как и поэт, может погубить себя, чисто физически, раньше, чем свой талант, то есть может рано умереть. Высоцкий к сорока годам превратился в старика, в развалину, как, собственно говоря, и Есенин, и умер, не успев лишиться своего таланта и успев много сделать на своем творческом поприще, и в песне, и в театре, и в кино.

Высоцкий был очень артистичен. И у него был не просто особенный голос, который называется «гвардейским», но он был у него поставлен, вот что важно. Если бы он не был у него поставлен и если бы Высоцкий не умел правильно брать дыхание, давать опору голосу, он бы просто сорвал его, напрягая свои связки, работая на рыке и на крике. Это только со стороны казалось, что он бречит на гитаре и поет, как придется. Не-ет. Он очень искусно владел своим голосом. И его хрипота — тоже была искусна. Да и слух у него был отменный. И подражать Высоцкому очень сложно, хотя кому-то кажется, что легко. Джигурда похож на него голосом и манерой исполнения, но все же он — не Высоцкий. И масштаб личности у него не тот. Жалко, что Высоцкий погиб раньше времени. Как говорится, «сгорел на ветру». Но люди такого типа не рассчитаны на долгожитие.

Нина Краснова: — Высоцкий считался опальным бардом. Но был ли он на самом деле таким уж опальным, если ему было позволено выступать по всей стране со своими песнями и все до единой они были записаны и сохранены для современников и потомков (ни одна песня из его репертуара не пропала) и если его никуда за них не выслали и не услали и если ему еще было позволено играть в театре на Таганке самые главные роли и сыграть много таких ролей, и еще позволено было сниматься в кино и сняться в огромном количестве фильмов... И если в сорок лет он был знаменит на всю страну... Если бы он был на самом деле опальным, ему никто не дал бы раскрутиться, его бы тихо заткнули, и всё. А имидж опального барда был ему только на руку и привлекал к нему особое внимание и особые симпатии советских граждан.

Анатолий Шамардин: — Я думаю, что Высоцкий на самом деле не был таким уж опальным. Да и ни одной антисоветской песни у него, если разобраться, не было. А советские были, например, песни

о войне... «Друг, оставь покурить...» Чем это не советская песня-паровозик, которая везет за собой весь состав.

Нина Краснова: — Как говорил Евгений Долматовский: «И Андрей Белый был не такой уж Белый. И Демьян Бедный был не такой уж Бедный...»... Так и про Высоцкого можно сказать, что он не был такой уж опальный, каким считается.

Анатолий Шамардин: — Скорее наоборот, если сравнивать его с другими, не менее талантливыми творческими личностями. И сами наши органы безопасности любили его. И приглашали к себе на закрытые концерты, специально, чтобы послушать этого «опального» и получить удовольствие. И он с удовольствием пел для них. И в Кремль его приглашали, сам Брежнев его приглашал со своими членами правительства, и для них он пел. Они, можно сказать, покровительствовали ему...

Нина Краснова: — ... как царь Николай I со своими придворными — Пушкину. Но, конечно, они и присматривали за ним, по-отечески.

Анатолий Шамардин: — Сам, один, в одиночку, без помощи властей, человек не смог бы себя так раскрутить на всю страну, на весь СССР, как Высоцкий, да еще при своем безалаберном, богомном образе жизни. Ему, конечно, друзья помогали.

Нина Краснова: — Но значит — у него были очень влиятельные друзья.

Анатолий Шамардин: — И слава богу.

Нина Краснова: — А что ты можешь сказать вообще о бардах?

Анатолий Шамардин: — Вообще-то, я не люблю бардов и отношусь к ним скептически. Потому что по большому счету они — и не певцы, и не поэты, и не композиторы, и не музыканты, хотя могут немножко петь, немножко писать стихи, немножко сочинять мотивчики, немножко играть на гитаре. Они дилетанты от искусства, и рядом с настоящими профессионалами смотрятся как члены художественной самодеятельности, но претендуют на роль профессионалов, и на роль певцов, и на роль поэтов, и на роль музыкантов, и на роль композиторов и вообще — кумиров публики. Они занимают на сцене места,

которые должны занимать профессионалы своего дела. И, как правило, барды все безголосы. Из бардов я признаю только Владимира Высоцкого. Он — настоящий артист. И еще я признаю Евгения Бачурина. Он — один из многих — голосовой бард. У него вокальный голос, очень гибкий, со своим тембром и с верхами. Да и сами песни у него с довольно изобретательными, не примитивными мелодиями и не с текстами, похожими на «рыбу», а с настоящей поэзией, не с какими-то ложно глубокомысленными, а глубокими стихами... Булат Окуджава, на мой взгляд, слишком унылый, минорный и однообразный, и от него исходит большая энергетика. Он был заядлый курильщик, то есть человек с большими связками. Какая же еще энергетика могла исходить от него?

Нина Краснова: — Ты мог бы сказать, что бардовская песня — это в основном прибежище полуталантов?

Анатолий Шамардин: — Да. Если бы барды пели свои песни в своих компаниях, дома на кухне или у туристских костров и не лезли все поголовно на сцену, стремясь занять место настоящих профессиональных певцов, тогда пусть бы себе пели, это хорошо. Но они же лезут на сцену и хотят выступать на большой сцене как певцы... и стать кумирами миллионов, как Высоцкий. Не понимают, что Высоцкий — это феномен, особое явление, особый случай.

Нина Краснова: — Мне вообще-то кажется вполне естественным и даже вполне обычным и нормальным делом, если поэт умеет сам петь свои стихи, как песни. Я сама все свои стихи пою и напеваю под какую-то свою музыку, когда сочиняю их, но при этом я не считаю себя певицей и не собираюсь выходить на сцену и петь их как певица. Разве что частушки — для юмора, для оживления публики. И каждый профессиональный поэт должен понимать, что он поэт, а не певец, а если он не профессиональный поэт, тогда ему тем более нечего делать на профессиональной сцене.

Анатолий Шамардин: — Я согласен с тобой.

Нина Краснова: — Анатолий, тебе приходилось общаться с Шифутиным?

Анатолий Шамардин: — Да. В 70-е годы, когда он еще не был из-

вестным певцом, а был только музыкантом и руководителем ансамбля «Лейся, песня». И один раз он сильно выручил меня. Он тогда работал в Тульской филармонии. И я там работал. И по просьбе министерства я должен был пройти переаттестацию и доказать худсовету, что я заслуживаю ставку певца, которую я имел. Для этого я должен был выступить перед худсоветом, спеть несколько песен. Я обратился к Михаилу Шифутинскому и его ребятам с просьбой саккомпанировать мне во время моего «концерта». Они согласились. Я раздал им ноты своих песен, «Гитары любви» и др., с партиями для каждого инструмента, чтобы они могли порепетировать. А они сказали: «Мы не будем репетировать. Будем играть прямо с листа». Поставили перед собой пюпитры, положили на них ноты. Шифутинский сел за рояль, махнул рукой музыкантам, они крикнули барабанщику: «Володя, давай молоти!». И от начала до конца сыграли по нотам мои песни, без всякой предварительной подготовки... И сделали это блестяще! Шифутинский играл на рояле. Я еще отметил про себя и удивился: «Какой великолепный музыкант! Изумительный музыкант!» Худсовет утвердил мою ставку. А потом уже, через несколько лет, Шифутинский уехал в Америку... Стал выступать как певец. В новом качестве. А я знал его еще тогда, когда он не был певцом, а был музыкантом, руководителем ансамбля «Лейся, песня».

Нина Краснова: — А об Эдуарде Хиле ты что можешь сказать? Который когда-то дал тебе хороший совет, как надо добиваться расположения слушателей?

Анатолий Шамардин: — Хиль — настоящий голосовой певец. Профессионал... И человек хороший...

Нина Краснова: — Анатолий, ты не принадлежишь к тем певцам, которые где-то тусуются... и, так сказать, группами входят в эстраду, как поэты, которые группами входят в литературу.

Анатолий Шамардин: — Я певец-одиночка, дикий. Я не числюсь ни в каких обоямах и ни в каких союзах и концертных организациях. И существую отдельно от всех, сам по себе. Я и в Германию, и в Грецию ездил сам по себе. Без помощи Москонцерта или какой-то другой организации. В частном порядке. По линии собственной лавочки. Я люблю быть независимым и самостоятельным. И никому и ничем не обязанным.

Нина Краснова: — Анатолий, тебе некоторое время приходилось работать певцом в ресторанах Москвы, вынужденно, не от хорошей жизни, конечно. И вот что интересно: ты мог бы пристраститься к вину и водке и вообще спиться, как многие певцы и музыканты, которые работали в ресторанах. Но оказался очень сильным человеком, хотя внешне не производишь впечатление такового. Чем ты сам объясняешь то, что ты оказался таким сильным по отношению к спиртному?

Анатолий Шамардин: — Да просто я всю жизнь воспринимал спиртное как нечто невкусное. Водка — горькая, вино — кислое, тьфу... А раз все это для меня не вкусное, то меня к нему никогда не тянуло и не тянет. И оно меня не радует и не веселит, как кого-то, меня радует что-то другое в жизни.

Нина Краснова: — Спиртное приводит человека в состояние опьянения. И некоторым нравится само это состояние.

Анатолий Шамардин: — Мне оно не нравится, как и само спиртное. Я не нахожу в нем ничего хорошего, никакого кайфа. Оно мне даже мешает. Я люблю испытывать все ощущения в их чистом, естественном виде. И я совершенно равнодушен и к вину, и к водке. Как и к папиросам и сигаретам. Я даже никогда не пробовал курить. И мне не приходилось преодолевать себя, чтобы не закурить и не выпить. Мне просто никогда этого не хотелось и не хочется. Мне это всё неинтересно. К тому же для певца всё это и вредно. Не только для певца, но для певца — особенно. Я понаблюдал за певцами и могу сказать, что за всю свою жизнь я не встречал ни одного курящего певца с красивым голосом и ни одной певицы. Если даже голос у певца или певицы от природы был красивым, то потом быстро терял свои красивые качества, если не пропадал совсем, и тому есть немало примеров, которые нет надобности приводить. Их все знают. Стоит человеку неделю покурить, войти во вкус, и голос у него уже не тот. А если курить регулярно в течение многих лет, голос становится плоским и грубым, без обертонов, без нюансов и оттенков, без красивого тембра, голосовые связки становятся больными, а больные связки не могут издавать красивых, а тем более божественных звуков.

Нина Краснова: — Каким должен быть голос певца, кроме того, что красивым?

Анатолий Шамардин: — Он должен быть не просто красивым, а сексуальным, сексуально окрашенным, волнительным, охмурительным, с верхами, с низами и с плотной серединой. И у певца, и у певицы. Такими у мужчин бывают тенора, лирические баритоны, а у женщин — меццо сопрано, грудные голоса, а, например, писклявые женские голоса, да еще выхолощенные, бестембровые, как у Жанны Агузаровой, на мой взгляд, объективно не могут быть такими. Голос не должен резать слух, бить по барабанным перепонкам, оглушать слушателей, он должен как бы охмурять... Такой голос был, например, у Карло Бути. Тенор, переходящий в баритон, с высокими верхами, с низкими низами и плотной серединой, голос, состоящий как бы из трех голосов.

Нина Краснова: — У тебя очень разнообразный голос, при разнообразном же репертуаре. Когда слушаешь твой концерт, возникает ощущение, будто там участвуют разные певцы, а не один. Каждый твой концерт похож на парад разных певцов, парад звезд.

Анатолий Шамардин: — Мне говорили такое. Бывают хорошие певцы, но однообразные... Их нельзя долго слушать. Слушатели могут заскучать или задремать.

Нина Краснова: — А какие из песен о любви ты считаешь самыми охмурительными?

Анатолий Шамардин: — Танго. Я люблю танго. И слушать в исполнении первоклассных певцов, и петь сам. Танго, если кто понимает, — самый охмурительный вид песни, он требует обволакивающего тембра голоса и позволяет певцу показать себя в полном блеске... Я когда-то очень любил заводить пластинку Рашида Бейбутова... Вот кто умел охмурять слушателей своим голосом. А потом на смену таким певцам пришли попсиссты, с грубым проявлением сексуального начала, без всяких нюансов: бум-бум-бум... трах-тарарах!

Нина Краснова: — А у кого из современных певцов самый охмурительный голос? По твоему мнению?

Анатолий Шамардин: — У Хулио Эглесиаса. И не только по моему мнению. У него голос небольшой, но «приятности необычайной», в отличие от голосов необычайной «противности». У него тенорок с баритончиком. Божественного тембра. И в голосе чувствуется сексуальная

окраска, очень благородная. Хулио Эглесиас — бабоукладчик. Так его называют в мире музыкального искусства. Он любую женщину, образно говоря, может уложить своим голосом.

Из наших певцов очень охмурительный голос был и есть у Владимира Трошина. Лирический баритон. С потрясающе красивым тембром. Такой располагающий к себе голос. Интимный голос, даже в песнях не о любви. Я еще в школе с удовольствием слушал его.

Певцам с такими голосами не надо прыгать и бегать по сцене и кувыркаться через голову, чтобы понравиться публике. Они этого и не делают.

Нина Краснова: — Анатолий, а в какой аудитории тебе лучше выступается? В мужской или в женской?

Анатолий Шамардин: — Конечно, в женской. Все тенора любят женскую аудиторию. И я подозреваю, что не только тенора, но и баритоны. Но особенно тенора. Я сужу об этом по себе. Если певец выходит на сцену и видит, что в зале нет дам, то у него всё вдохновение выступать пропадает, и даже голос может сесть и потерять свою полетность или станет постным.

Нина Краснова: — Певец как бы должен соблазнять дам своим голосом, как итальянцы, когда они поют серенады под окнами своих дам сердца, или как весенние соловьи, когда они пытаются покорить соловьих?

Анатолий Шамардин: — Да. Примерно так. Обязательно в зале, где он выступает, должны присутствовать дамы. И он должен как бы охмурять их своим голосом, своим искусством и чувствовать их положительную реакцию. Тогда у него поднимается настроение, и появляется вдохновение, и голос начинает приобретать особую силу воздействия на зал, подобную гипнотическому воздействию. Вообще-то, не на сцене, а в жизни, певцам соблазнять дам, чисто физически, вредно для голоса, особенно тенорам. Певец не должен расходовать свою энергию до концерта, она должна вся выливаться на присутствующих, он не должен выходить на сцену опустошенным, как бурдюк, сексуально разряженным, иначе ему будет не интересно «соблазнять» своих слушательниц, сидящих в зале. У него будет притуплено это желание. Он должен быть наполненным и заряженным. Как правильно говорила

мой музыкальный педагог Валерия Пагосова, певец может держать зал только тогда, когда он держит свой голос в яйцах. На сцену надо выходить с нерастраченной энергией. Тогда голос у тебя будет звучать намного лучше. И тебе самому будет приятнее выступать. Помню, я пел в одном зале песню на стихи Бокова «Луговая рань». В женской аудитории. Песня не шлягерная, но такая светлая и трогательная, и я так впелся в нее и такие рулады выдавал и так вошел в образ героя песни, который любит свою девушку, и с такой искренностью пел, обращаясь к своей героине:

Не грусти, не вянь,
Я тебя люблю. —

Что некоторые девушки, сидящие передо мной, заплакали. Я смотрю, у них по щекам слезы текут. Так же было и с песней на стихи Бокова «Вишенья, орешенья»... Эта песня доводила слушательниц до слёз. Но чтобы песня произвела такое действие, нужна была именно такая аудитория. Например, в мужской я не смог бы спеть ее так, как в женской. Перед мужиками я не смог бы спеть хорошо ни «Луговую рань», ни «Вишенья-орешенья». Например, в какой-нибудь воинской части. Там может хорошо выступить Евгений Винокур, но не я. На меня и на мой голос хорошо влияет именно женская аудитория.

Нина Краснова: — А что еще?

Анатолий Шамардин: — Еще на меня, как и на всякого певца, хорошо влияет не только наличие дам на концерте, но и наполненность зала. Если в зале на восемьсот человек сидят только пять, то у меня сразу пропадает настроение и вдохновение выступать, и падает эмоциональный накал. И я не могу в пустом зале хорошо петь, не могу войти в образ. Конечно, есть мастера, которые могут великолепно петь и в пустом зале, но я не обладаю такой способностью. Это уж лучше сидеть дома, один на один с самим собой и петь самому себе.

Нина Краснова: — Артисты часто чувствуют неудовлетворенность. И причины этой неудовлетворенности могут быть самые разные...

Анатолий Шамардин: — Одной из главных причин может быть сознание того, что он занимает не ту нишу, которую должен занимать. Образно говоря, если человек играет на скрипке как Давид Ойстрах, его нельзя использовать в качестве учителя музыки в детском саду или

в школе для дебилов или в качестве участника концерта художественной самодеятельности. Талант должен соответствовать тому месту, на котором он находится, он должен соответствовать своему пьедесталу. Его нельзя низводить до рядовых людей, ставить на одну доску с ними и уравнивать во всем. Советская система любила всех уравнивать. Допустим, ты гений, а будешь стоять в очереди на квартиру вместе с каким-нибудь слесарем дядей Васей, пьяницей, и он получит квартиру раньше тебя, а ты, пожалуй, и совсем не получишь. Хотя твой вклад в развитие страны и ее культуры не сравнить с вкладом дяди Васи.

Сейчас, когда открыт железный занавес, музыкант может уехать за границу и там найти место, достойное его. Но плохо, когда он вынужден делать это потому, что его не оценили в своей стране.

Нина Краснова: — Анатолий, в советское время неперенным условием успешной карьеры певца, при прочих условиях, было наличие у него в репертуаре песен так называемого гражданского звучания, «Хотят ли русские войны», «Бухенвальдский набат» и т.д. или песен о партии...

Анатолий Шамардин: — Не то чтобы кто-то подлетал к тебе с пистолетом в руке и ставил перед тобой такое условие и требовал от тебя таких песен... этого, естественно, не было, но так получалось, что без песен гражданского звучания певец не мог сделать хорошей карьеры. Как и поэт без гражданских стихов.

Нина Краснова: — Может быть, потому и тебе не удалось (то есть тебе не дали) сделать такой карьеры, что ты не выполнял это негласное условие и не пели песен гражданского звучания, потому что они не подходили под твой характер и под твой голос, были чужды твоей лирической сущности?

Анатолий Шамардин: — Я раньше как-то не задумывался над этим. А теперь думаю, что, да, отсутствие таких песен в моем репертуаре в какой-то степени помешало моей карьере. Но я никогда ничего не делал из карьерных соображений, никогда не подлаживался под политику и советскую систему. Я любил петь только то, что мне нравилось, как птица, которую не заставишь петь то, что ей не хочется. Я не исключаю, что кому-то нравилось петь гражданские песни, и он делал это

искренне. Но я любил только лирические песни с красивой мелодией. И у меня весь репертуар был лирический. Вообще-то я не замечал, чтобы кто-то сильно придирался к моему репертуару. Чаще всего многих не устраивала моя нерусская, «кавказская внешность»... Больше всего всем не нравился мой нос. Некоторые даже советовали мне сделать пластическую операцию, укоротить нос и изменить его форму.

Нина Краснова: — Но твой нос подходит к твоей внешности. Как, допустим, орлу — его орлиный нос, а попугаю — его попугайский нос, и никакой другой не подошел бы — допустим, воробьиный, как у воробья. И может быть, у певца с таким голосом, как у тебя, и должен быть именно такой нос, как у тебя, он — часть твоего вокального устройства, некий инструмент, через который идет воздух и звук. И если бы у тебя была другая форма носа, то и голос был бы другим и само пение. Саксофон должен иметь форму саксофона, чтобы издавать именно такой звук, какой он издает. Недаром ухо — горло — нос считается у медиков взаимосвязанной системой. Природа ведала, что творила, когда давала тебе твой нос.

Анатолий Шамардин: — А еще моей карьере мешало неправильное представление некоторых людей о возрасте. Помню, я пришел определяться на работу в Москонцерт. Меня там спрашивают: а сколько вам лет, молодой человек? Я отвечаю: тридцать три года. Они ужасаются: ой, вы уже старый для певца! В тридцать три года — старый?! Да тридцать три года — это для певца детский, зеленый возраст, несовершеннолетие. В двадцать лет человек вообще не может хорошо петь. Он еще не прошел школу жизни, не освоил вокальную технику, не обрел нужное мастерство, творческий ум и опыт, силу и глубину чувств, не развил свой вкус... в двадцать лет он не может составить себе хороший репертуар и не может выразить в своих песнях то, что человек тридцати трех лет...

И вообще — у певца и у музыканта, как и у поэта, и вообще у человека творческой профессии — нет возраста. Кто может сказать, что Плачидо Доминго старый или некрасивый и что у него не такой нос? Главное — он поет так, как никто не может петь! Главное — что он непревзойденный певец! Кто мог сказать о Давиде Ойстрахе, что он старый или у него внешность (и национальность) не та? Главное — он великий скрипач!

Нина Краснова: — Анатолий, твой отец во время войны был в плену?

Анатолий Шамардин: — Да. Он был тяжело ранен во время финской войны и раненым попал в плен. Потом бежал оттуда. В Россию, домой. Ему пришлось бежать три раза. Первый раз он бежал — его поймали. Второй раз бежал — его поймали. А третий раз убежал — и его не поймали. А здесь, в России, его, как и всех, кто был в плену, посадили в тюрьму, для «профильтровки». И моя мать, горская партизанка, красная кавалеристка, комсомольская активистка, смелая, отчаянная женщина, возмущенная этим, ездила в Москву к самому Хрущеву и писала ему письмо с просьбой освободить ее мужа. И его освободили. Но какие-то жизненные каналы ему перекрыли. Он был изобретателем, автором сотен рацпредложений... которыми все пользовались. Но при этом все время был официально недооценен.

Нина Краснова: — Может быть, из-за отца и тебе перекрыли какие-то жизненные каналы? Только никто тебе об этом не сказал. Когда это делают, то не говорят об этом. Это делается тихо, без шума.

Анатолий Шамардин: — Вполне может быть. Вначале я не ощущал этого. А потом стал ощущать. И понял, что я весь насквозь просвечен некой невидимой силой, как рентгеном. И эта некая сила все время мешает мне на всех моих путях. Я начинал как филолог. Я великолепно знал языки, лучше самих профессоров. Но никак не мог продвинуться в области филологии. Кто-то все время ставил мне палки в колеса. Меня никто не преследовал, но мне не давали подняться и продвигнуться и делали это незаметно, молча, тихо, так, что я ни к кому не мог предъявить претензий. Просто мне тотально не везло ни в чем. Потом я вступил на стезю певца. И там тоже кто-то все время как будто ставил мне подножки.

Нина Краснова: — Но может быть, тебе мешали просто какие-нибудь твои завистники. У талантливого человека всегда много явных и тайных завистников. Особенно среди посредственностей.

Анатолий Шамардин: — Я раньше не догадывался об этом. А теперь думаю, да, конечно, у меня было много завистников и недоброжелателей. Иначе ничем нельзя объяснить кое-каких вещей, хотя бы того, что тебя, специалиста своего дела, все время держали в тени и от-

тирала на задние планы. А на первый план вылезали те, кому лучше было бы сидеть на задних планах и не высовываться.

Нина Краснова: — Ты — талант, индивидуальность. Ты — не такой, как все. А у нас не терпят таких, особенно те, кого природа чем-то обидела.

Анатолий Шамардин: — В Германии, если видят, что ты талант, за тебя ухватятся и будут тебе помогать, там это всем выгодно. А у нас если, например, директор филармонии даже видит, что ты можешь приносить ему доход, выступая перед публикой, он лучше откажется от этого дохода, только бы не дать тебе выйти в люди. Будет держать тебя как в мешке, чтобы никто тебя не знал.

Нина Краснова: — У тебя есть книга с автографом Тимура Аркадьевича Гайдара и всего семейства Голиковых: «Талантливому певцу Анатолию Шамардину — с восхищением. Тимур Гайдар и его семья. 1962 год. Арзамас». Откуда у тебя взялся этот автограф? Какова его история?

Анатолий Шамардин: — В 1962 году в Арзамасе состоялось торжественное открытие памятника Аркадию Гайдару. Я тогда жил в Арзамасе, я попал туда по распределению после окончания Горьковского иняза и преподавал там в пединституте иностранные языки — английский и немецкий. И вместе с гостями из Москвы, писателями и артистами, а также родственниками Аркадия Гайдара, участвовал в открытии памятника. А вечером во Дворце культуры состоялся большой праздничный концерт в честь этого события. И я пел там разные песни из своего репертуара. После концерта ко мне подошел Тимур Гайдар со своей семьей и подписал мне книгу... И даже дал мне свой московский адрес и телефон и приглашал меня к себе в гости: «Когда окажетесь в Москве, приезжайте к нам гости». Но я ни разу не осмелился позвонить ему и приехать к нему домой. А книгу с его автографом я храню.

Кстати, на концерте в честь открытия памятника Аркадию Гайдару впервые в жизни присутствовала моя мама, инкогнито. Она видела, как хорошо меня принимает публика, и про себя гордилась мной, но не говорила никому, что она моя мама. И когда ее соседки по партеру, молодые девушки, хлопали мне особенно сильно, она спросила их: «А почему вы так сильно хлопаете?» Они удивленно посмотрели

на нее и ответили: «Неужели вы не понимаете? Да потому что он очень хорошо поет! И его можно слушать до бесконечности...» Мама потом передала мне их слова, радуясь за меня.

Нина Краснова: — У каждого таланта есть свои поклонники, как говорил драматург Островский, и, конечно же, поклонницы. Что ты можешь сказать о них?

Анатолий Шамардин: — У меня их много, как и у каждого артиста. Но когда я был молодым, у меня были в основном молодые поклонницы. В каждом городе, куда ни приедешь. Причем были даже такие, которым неважно, как ты поешь. Важно, что ты — артист и молодой человек. Они готовы были преследовать тебя днем и ночью и рвать волосы с твоей головы. У меня раньше были очень густые волосы, а теперь они у меня редкие, с «лысыватостью». И когда кто-то спрашивает, почему у меня осталось мало волос на голове, я отвечаю шуткой: «Мои поклонницы оборвали их себе на сувениры». Сейчас мои главные поклонницы — дамы бальзаковского возраста, дамы средних лет от пятидесяти и выше. Как правило, не только с богатым жизненным опытом, но и с большим культурным багажом и с хорошим, развитым вкусом и с постоянными, неизменчивыми чувствами, благородные дамы. Причем их количество не убывает, а прибывает. Что меня очень радует. А особенно меня почему-то любят старушки, у которых «Отцвели уж давно хризантемы в саду» и глядя на которых я могу сказать словами одного рязанского поэта:

Быть может, стар я для девчат,
А для старушек молод.

Нина Краснова: — Но и молодые девушки любят твои песни и здорово танцуют под них в ритмах ламбады, диско, рока, биг-бит и в медленных ритмах, так же, как и все твои менее молодые почитательницы.

Анатолий Шамардин: — Я люблю всех своих поклонниц, всех возрастов. И вообще всех своих зрителей и слушателей.

Нина Краснова: — А еще тебя очень любят маленькие дети. Я сама видела, как они танцевали и плясали на твоих концертах под твои песни и подпевали тебе... Например, на Новом Арбате, около рестора-

на «Сбарра», и на Манежной площади, около греческой таверны «Миконос»... что они вытворяли! Мне и всем было так весело смотреть на них!

Анатолий Шамардин: — Издательница Галина Рой, главный редактор альманаха «Истоки», на вечерах которого я иногда выступаю в ЦДЛ, сказала мне, что ее маленькая внучка, которой всего один годик, обожает мою песню «Сон под пятницу» на стихи Нины Красновой, в моем исполнении, другие мои песни тоже, но эту — почему-то особенно. И когда слышит ее, у нее на лице сразу появляется лирическое выражение, и она начинает плавно, в такт музыке, двигать своими ручками и ножками и склонять свою головку то на одно плечо, то на другое... Маленькие дети, еще не испорченные средствами массовой информации, как-то по-особому чувствуют и воспринимают музыку и голоса певцов, воспринимают всё на инстинктивном уровне.

Нина Краснова: — Маленькие дети безошибочно чувствуют хороших людей, как и животные. И я думаю, что так же безошибочно они чувствуют и хорошую музыку и голоса. И, может быть, не взрослые, у многих из которых испорчен вкус, должны прививать детям хороший вкус к музыке, к песне, а дети взрослым?

Анатолий Шамардин: — Я думаю, твоя мысль заслуживает внимания.

Нина Краснова: — А как ты относишься к понятию дефицита в чем бы то ни было? В жизни, в искусстве, в любви, в еде...

Анатолий Шамардин: — Дефицит — это хорошая штука. Дефицит во всем. Даже дефицит в продуктах имеет свою прелесть. Продукт, который редко встречается и которого мало, — вкусней, чем тот, который встречается часто и которого так много, что, как говорится, ешь — не хочу. Если каждый день кушать шоколадки, то на них глаза смотреть не будут. А если их кушать редко — это совсем другое дело, это особое удовольствие.

Нина Краснова: — А какую еду, какие продукты ты больше всего любишь?

Анатолий Шамардин: — Я ем все подряд, что попало. Я — всеядный. Но, допустим, мяса ем мало. Не люблю мясо, по чисто нравственным и психологическим причинам. Я, как Брижит Бордо, жалею животных,

которых убили ради того, чтобы их съесть. Я больше люблю овощи и фрукты, вегетарианскую пищу. Для пополнения запаса биоэнергии люблю курагу, изюм, черносливы. Для лучшего звучания голоса и для смягчения связок — чай с медом. Не люблю тяжелую пищу. Она вредна для голоса, для пения и вообще для самочувствия.

Нина Краснова: — Виктор Боков очень ценит тебя как певца и композитора, говорит, что у тебя очень красивый голос и очень красивые песни, которые лучше тебя никто не поет, и даже посвятил тебе свои стихи «Моему композитору Анатолию Шамардину»...

Анатолий Шамардин: — И даже напечатал их в своей книге «Жизнь — радость моя»:

Я нашел тебя не в крапиве,
В окруженьи серьезных дел.
Был при встрече такой ты красивый,
Потому что красиво пел.

Я дружу с Боковым больше тридцати лет. Написал более тридцати песен на его стихи. Выступаю на его авторских вечерах. В свое время объездил с ним всю Россию, выступал с ним в разных городах. Я часто перезваниваюсь с ним, бываю у него в Переделкине. Вхож в его дом, в его семью. Люблю посидеть с ним за столом, послушать его мудрые речи, веселые байки и каламбуры, его новые стихи, прямо из-под пера с непросохшими чернилами. (Виктор Боков умер в 2009 году, в 95 лет. — *Н. К.*)

Нина Краснова: — Ты целых тридцать лет дружил с выдающимся русским гитаристом Сергеем Ореховым. Скажи немного об этом, хотя бы репризно, коротко, в общих чертах...

Анатолий Шамардин: — Я познакомился с ним в 1970 году, на каком-то концерте. Он играл там на гитаре, и мне очень понравилось, как он играет. На нем не было ярлычка или бейжа: «выдающийся гитарист». И мало кто тогда понимал, что это выдающийся музыкант. Но мне очень понравилось, как он играет, а ему понравилось, как я пою. И мы обменялись с ним телефонами и стали перезваниваться и потом подружились. И он стал мне аккомпанировать на концертах. Я пел русские песни и романсы и свои авторские песни, а он мне аккомпанировал. Мы выступали вместе с ним. И делали в студиях студийные записи моих песен. И рабочие записи, прямо у него дома, уникальные,

как я теперь понимаю, записи. Причем он играл всегда экспромпом, был мастер экспромтов, и никогда ни в чем не повторял сам себя.

Нина Краснова: — Вы собирався поехать с ним в Германию, на гастроли... Но так и не съездили туда...

Анатолий Шамардин: — Когда во время перестройки открылось «окно в Европу» и исчез «железный занавес», я стал ездить выступать за границу, в Германию. Съездил туда несколько раз с владимирским гитаристом Андреем Лебедевым — так сказать, проторил и накатал туда дорогу, и в 1994 году решил прихватить с собой Сергея Орехова, повыступать с ним в Германии. Предварительно показал там немцам его пластинку. И они проявили громадный интерес к нему как к выдающемуся музыканту. И прислали нам с ним вызов на гастроли и принялись заранее готовить афиши для наших концертов. Он, как и я, оформил себе загранпаспорт... Я купил билеты на самолет, ему и себе. Мы приехали в аэропорт. Началась посадка на самолет. И тут выяснилось, что у него в каком-то документе не хватает какой-то подписи, какой-то малосущественной закорючки. Сотрудники нашего немецкого посольства в Москве то ли не углядели этого, когда давали ему визу, то ли, из вредности, из такого немецкого садизма, нарочно умолчали, что у него не хватает одной подписи, которую он легко, без всяких проблем, мог пойти и взять вовремя, где следует, если бы он знал, что она нужна. Если бы они предупредили его об этом. А они не предупредили, хотя он подарил им свою пластинку (которая теперь считается уникальной реликвией), они только поулыбались: «Данке шон, данке шон, бите...». И вручили ему визу. А о том, что у него на какой-то бумаге не хватает какой-то подписи, умолчали. Они любят тайно позиздеваться над нашими людьми, немецкие бюрократы, которые хуже наших советских бюрократов. И вот мы с ним приехали в аэропорт. Началась посадка на самолет. У меня с документами было всё в порядке. И меня пропустили через контроль на посадку. А его задержали и не пропустили, сказали ему: «Ой, у вас тут одной подписи нет... Вам нельзя лететь». Тогда я тоже не полетел в Германию, не полетел один, без него. Вернулся к нему, с посадочной площадки. И наши гастроли сорвались. И билеты наши пропали. Очень дорогие билеты, которые стоили больших денег. Я уж не помню, сколько они стоили, помню, что очень дорогие были билеты. Но главное — наши гастроли сорвались,

наши творческие планы. И это, естественно, был большой удар для нас обоих, и для меня, и для него. Он с горя запил, надолго замутился и вышел из строя. Мне тогда подумалось о том, как плохо, когда человек с уникальным творческим даром должен подчиняться каким-то общим инструкциям и законам, писанным для всех. Мне подумалось, что для такого человека не должно существовать никаких границ, что его должны пускать на все самолеты и во все страны мира без всяких виз и паспортов... Он должен свободно передвигаться по миру, как Мстислав Ростропович. Он должен только сказать, например: «Я — Сергей Орехов», — только назвать свое имя, и все границы и все двери должны открываться перед ним сами собой, автоматически. Потому что он уникальный человек, гений... Сергей Орехов был гений гитары... И его не пустили в Германию. Кто только туда не ездит, и совсем случайные люди, которым там делать нечего, и бандиты, и террористы, всех туда пускают, а его не пустили. Из-за какой-то закорючки. И Германия не услышала такого выдающегося гитариста, русского Пако де Люсия. Через несколько месяцев я опять поехал в Германию, но уже без Сергея Орехова. И выступал там без него, с Андреем Лебедевым, который к тому времени уже перебрался туда жить со всей своей семьей.

Нина Краснова: — Анатолий, а ты не мечтал остаться в Германии жить?..

Анатолий Шамардин: — Нет. Хотя у меня были шансы остаться там. Я мечтал только ездить туда выступать. В России я не могу заработать денег, чтобы записывать свои песни. Потому что у меня здесь мало концертов, и все они в основном благотворительные или с чисто символической оплатой. Я не востребован в России, потому что широкая публика не знает меня и мне трудно собрать на свой концерт большой зал с дорогими билетами. Востребованы те, кого публика знает. А она знает только тех, кто раскручен средствами массовой информации. А я не вхожу в число раскрученных, потому что широкая публика меня не знает, потому что я и не востребован.

Нина Краснова: — Анатолий, ты уже много лет не был в Германии...

Анатолий Шамардин: — В 1995 году я должен был ехать в Германию работать по контракту. Но наше немецкое посольство в Москве почему-то не пустило меня в Германию, не объяснив никакой причины.

Нина Краснова: — А когда и где состоялся ваш последний концерт с Сергеем Ореховым?

Анатолий Шамардин: — Наш последний с ним концерт состоялся незадолго до того, как он умер. Мы захотели подзаработать денег. И искали, где бы выступить. Еле-еле нашли при каком-то мебельном павильоне маленький ресторанчик на ВДНХ, кафе-ресторан, убыточный, малопосещаемый, как сказал нам хозяин этого заведения. И целый вечер выступали там, при слабых настенных фонарях, в полупустом зальчике, по полной программе, с полной выкладкой, так, будто на сцене престижного зала гостиницы «Россия». Нашими слушателями были в основном официантки, бармен, повара, метрдотель и несколько гостей за столиками, влюбленные пары. Они очень эмоционально реагировали на наше искусство. Я пел русские романсы и песни и свои авторские и играл на гитаре. А он аккомпанировал мне и играл свои сочинения, пьесы и вариации на темы русских песен и романсов в своей интерпретации. Он тогда только что вышел из большого запоя и из больницы, был очень слабый и бледный после болезни, и такой грустный, смиренный и как бы виноватый, такой, будто его подобрали на помойке или под забором, как брошенную дворовую собаку, помыли, почистили, принарядили и вытащили, выпустили с гитарой в свет, пред очи почтенной публики. Он сидел в парадном костюме, в белой рубашке, с нашейным бантиком-бабочкой, очень опрятный и очень трогательный. И играл, несмотря на свое физическое недомогание, даже лучше, чем всегда. Старался не ударить лицом в грязь. Когда я спел песню «Улетела пташечка», у людей на глазах появились слезы.

Улетела пташечка в дальние края,
Улетела молодость, молодость моя.
Воротится пташечка в свой зеленый сад,
Только не воротится молодость назад.

Хозяин обещал заплатить нам деньги через несколько дней. Но тянул, тянул резину и в результате ничего не заплатил.

Нина Краснова: — Он даже не понял, кого он тем самым обидел: выдающегося музыканта и выдающегося певца, которые на дороге не валяются... Он, видно, подумал про вас: а, пришли ко мне с улицы какие-то два никому не нужных, никому неизвестных бродячих артиста в годах... Никто их не знает, и я их не знаю... Если бы они были

выдающиеся, их все знали бы и они выступали бы в зале гостиницы «Россия», а не у меня, а раз никто их не знает... значит они — так себе... И зачем я буду им платить? Пусть радуются, что я разрешил им выступить на публике.

Анатолий Шамардин: — Вскоре после этого Сергей Орехов умер. Он при жизни был недо востребован в мире искусства и недооценен. Ему не хватало любви и внимания широкой публики и выходов на эту публику. Не хватало концертов на хороших площадках, за хорошие деньги. Он иногда выступал Бог знает где, Бог знает с кем, Бог знает перед кем, за гроши. Может быть, поэтому он и пил, как многие выдающиеся, но недо востребованные и недооцененные творческие личности, страдал такой «редкой» русской болезнью, как алкоголизм. Ему надо было выступать в лучших залах и быть всё время при деле... И — больше записываться в студиях, для дисков и компакт-кассет. Он, правда, не любил записываться в студиях. Его было трудно затаскать туда, но я все же затаскивал его... И я счастлив, что успел записать с ним, и в студии и прямо у него дома, много песен, в том числе все песни на твои, Нина, стихи, целый блок. И некоторые русские романсы и песни. И таким образом запечатлеть для людей искусство этого гитариста.

Нина Краснова: — Сейчас в лучших залах Москвы каждый год проводятся вечера памяти Сергея Орехова...

Анатолий Шамардин: — Я участвовал в самом первом вечере памяти Сергея Орехова, в Политехническом музее. Вместе с его женой — певицей Надеждой Тишиной, которой, как и мне, он когда-то аккомпанировал в концертах. На этом вечере мы с ней выступали перед зрителями целых три часа, целых два отделения, пели песни из его репертуара и рассказывали о нем. ...Сейчас уже все, в том числе и самые крупные музыкальные специалисты, называют его гением, пытаются воздать ему должное, правда, с опозданием, как это всегда бывает. И к каждому вечеру памяти в издательствах выпускаются буклеты и книги с воспоминаниями о нем и со стихами, посвященными ему.

Нина Краснова: — Но некоторые люди и организации, которые не признавали его при жизни и от которых зависела его судьба, рас-

крутка, популяризация, заработок, психологическое состояние, до сих пор не желают признавать его и делают вид, что его не было и нет...

Анатолий Шамардин: — Да. Они и при жизни относились к нему воинственно-негативно, по-хамски или совершенно равнодушно и индифферентно, и сейчас.

Он в свое время сильно натерпелся от таких ценителей искусства, которые не ценят талант не только из зависти, но и из-за своего низкого уровня развития, из-за своей недоразвитости, и потому, что у них не хватает таланта оценить настоящий талант, оценить гения... Не дай бог, когда во главе какой-то творческой организации стоит посредственность. Она будет душить и давить таланты и окружать себя посредственностями и поддерживать их, искренне считая, что они и есть то, что надо, и выдавать их за таланты и тем самым вводить многих в заблуждение и портить у них вкус и переворачивать систему ценностей сверху вниз.

Нина Краснова: — В том, что в Москве устраиваются вечера памяти Сергея Орехова, нет заслуги, например, Москонцерта?

Анатолий Шамардин: — К сожалению, нет. Этим занимаются какие-то совсем другие организации и другие люди, его почитатели. Много сил для этого прилагает его жена, теперь уже вдова, Надежда Тишининова... певец и ведущий концертов Надир Ширинский... и так далее...

Слава богу, что есть у нас люди, которые понимают, что уникальное дарование надо замечать и поддерживать, чтобы все знали о нем. Если о нем никто не знает, это все равно, что его нет. И если артист хочет, чтобы о нем знали, и старается пробиться куда-то, это происходит не из-за каких-то его амбиций, а просто без этого артист не существует... Он не существует без публики, без зрителей.

(Жена Сергея Орехова певица Надежда Тишининова умерла через четыре с лишним года после Сергея Орехова, от инсульта, в январе 2003 года. — *Н К. 22.02.2015*)

Нина Краснова: — Артист рожден для того, чтобы выступать перед людьми, и гитарист, и певец. Не для одного же себя гитаристу сидеть и брэнчать на гитаре, а певцу петь. Ему хочется, чтобы и люди слушали его и получали от этого удовольствие...

Анатолий Шамардин: — Талант — народное достояние. И если ему не дают стать достоянием народных масс, пробиться к широкой публике, а вместо него подсовывают людям всякую дешевку, искусственный заменитель, то этим самым не просто обижают людей, лишая их удовольствия услышать прекрасного музыканта или певца, а совершают преступление против них и портят у них вкус. И переворачивают систему ценностей с ног на голову. Плохое оказывается наверху, на самом виду, в поле зрения, в центре внимания, в лучах славы, а хорошее — где-то внизу... Конечно, золото и в грязи блестит. Но лучше когда оно находится не в грязи.

Нина Краснова: — Толя, у тебя в жизни было много веселых историй, связанных с вашей работой в филармониях? Припомните и расскажите читателям какую-нибудь одну из них.

Анатолий Шамардин: — В семидесятые годы мне приходилось ездить выступать от Владимирской филармонии по заводам и фабрикам, по колхозам и совхозам Владимирской области, с сольными концертами или сольными отделениями. Иногда приходилось участвовать в так называемых «гарантийных» концертах, вместе с лекторием, с какой-нибудь группой. И вот я приехал с лекторием в город Вязники и пошел в местное управление культуры, чтобы сказать там кому надо, что мы приехали, и чтобы узнать, куда нас всех пошлют выступать. А нас должны были послать на животноводческую ферму. Ну, прихожу я в управление, говорю сотрудницам: «Вот мы приехали выступать». — Они говорят мне: «А вы кто такой будете?» — Я говорю им: «Я вокалист, певец, моя фамилия Шамардин». — «А что за группа приехала с вами?» — «Ну, это самое, — я говорю, — артисты... они у вас уже были...». — «Ну давайте перечислите их фамилии, мы запишем...». — Я говорю: «Запишите, — и диктую фамилии. — Гитарист... Запишите, — говорю, — фамилия Жеребилов, он на гитаре играет... Певица, — говорю, — Коровина... — Они так несколько удивились чему-то, я не понял, чему, и поясняю: — Коровина поет песню «Над полями да над чистыми»... — И продолжаю перечислять фамилии: — Жеребилов, Коровина... Потом, значит, запишите... Копытов — тенор... Ну и я, Шамардин...». Они говорят: «Скажите, а у вас там что — все, что ли, с такими вот... животноводческими фамилиями, с животноводческим уклоном?» — Я говорю: «Да нет, это просто случайное совпадение...»

Подбор такой вышел...» — «А может, это псевдонимы?» — «Ну какой же артист возьмет себе псевдоним — Копытов или Жеребилов?»

Нина Краснова: — А работницы фермы как всё это восприняли? Как юмор? Или никак?

Анатолий Шамардин: — Когда им объявляли фамилии артистов, они улыбались и говорили: «Все свои к нам приехали, все свои».

Нина Краснова: — Анатолий, в Москве есть Греческое общество, Греческий культурный центр. Я знаю, что ты выступаешь там иногда.

Анатолий Шамардин: — Да. Я пою там греческие песни. На сборных благотворительных концертах, посвященных разным историческим датам. В этих концертах участвуют и другие певцы греческого происхождения — Ксения Георгиади, Мила Романиди, Сергей Чичмели... Надежда Рафаэлиди... Как-то и Елена Камбурова выступала.

Нина Краснова: — Я помню, на твоём авторском вечере в Комитете Мира и Согласия заслуженный работник культуры России Валерий Сафошкин сказал про вас: «В Греции все есть. Но там нет такого прекрасного певца, как Анатолий Шамардин».

Анатолий Шамардин: — Это точно. Точно, что Сафошкин говорил это. И точно, что в Греции нет певца Анатолия Шамардина. Там есть Даларас и другие.

Нина Краснова: — Песни на стихи каких поэтов ты сочиняешь и поешь?

Анатолий Шамардин: — На стихи Виктора Бокова, Новеллы Матвеевой и её мужа Ивана Киуру, на стихи Алима Кешокова, Геннадия Георгиева, Николая Старшинова... В последние годы я сочинил целый букет песен на стихи поэтессы Нины Красновой, Принцессы Поэзии «Московского комсомольца»... Сейчас подготовил эксклюзивный вариант компакт-кассеты «Сон под пятницу», куда включил тринадцать своих песен на её стихи, а также два десятка её прикольных частушек на мой мотив, всё — в моем исполнении. Осталось найти фирму, которая выпустила бы эту компакт-кассету.

(К этому списку потом добавились песни на стихи Сергея Мнацаканяна, Виктора Широкова, Валерия Дударева. *Н. К.*. 27.01.2014.)

Нина Краснова: — А тебе приходилось видеть живого Сергея Лемешева?

Анатолий Шамардин: — Да. Я видел его в конце семидесятых годов, два раза. В радиокомитете на улице Качалова. Один раз прихожу туда записываться для какой-то передачи. Иду по коридору. Смотрю, из кабинета, на двери которого тогда висела табличка «Вокальное отделение», выходит такой пожилой, очень пожилой мужчина, который показался мне старым стариком. Такой маленький, толстый, какой-то никакой, неприметного облика, серой внешности, совсем не похожий на выдающегося человека, а похожий на простого человека, причем на слесаря-сантехника... Я узнал в нем великого певца Сергея Лемешева, своего кумира. Ему тогда было семьдесят два года. То есть он был не такой уж и старый, как я сейчас понимаю, а тогда он показался мне, по молодости моих лет, старым. А через несколько месяцев, я опять увидел его, и опять там же. Он опять выходил из кабинета, на котором висела табличка «Вокальное отделение»... На экране он такой красавец-сердцеед с зажигательными глазами, а в жизни был очень невзрачный, такой, что если пройдет по улице, на него и внимания не обратишь.

Нина Краснова: — ...Как самым лучшим певчим птицам — например, соловьям — природа дает скромную, в отличие от каких-нибудь петухов и фазанов, внешность, так часто и самым лучшим певцам.

Анатолий Шамардин: — Потому что для певцов, как и для певчих птиц, самое главное — не внешность, а голос.

Нина Краснова: — А с Иваном Козловским тебе даже приходилось петь дуэтом.

Анатолий Шамардин: — Да, мы пели с Козловским в одном концерте, дуэтом, на два голоса. И Козловский сказал мне потом: «Со мной ни у кого не получается петь дуэтом, а у Вас получилось. Когда певцы поют со мной, они почему-то стараются перекричать меня, никто не умеет петь тихо. Перекричать меня они могут, а спеть со мной дуэтом не могут».

Нина Краснова: — Владимир Солоухин как раз писал об этом в своем рассказе об Иване Козловском. Один певец захотел спеть с ним ду-

этом и старался перекричать этого соловья и перекричал его. И теперь может сказать: «Я перекричал Козловского», — но не может сказать: «Я спел с ним дуэтом».

Анатолий Шамардин: — Чтобы петь дуэтом, надо чувствовать партнёра. И надо уметь петь тихо, не забывая его.

Нина Краснова: — Анатолий, у вас хватает времени читать книги, газеты и журналы? У многих людей не хватает на это времени.

Анатолий Шамардин: — Я очень люблю читать и очень много всего читаю, и не от случая к случаю, а каждый день. Я без этого не могу жить. Даже иногда не успеваю какие-то важные дела сделать. Всё читаю. И в метро, и дома. Особенно люблю читать перед сном.

Нина Краснова: — Кого из писателей, например, из русских и зарубежных классиков, вы больше всего любите?

Анатолий Шамардин: — Зоценко, Хармса, Чехова, Нушича, Гашека. Я перечитываю их по многу раз. Они мне не надоедают. И я могу каждое жизненное событие, явление, ситуацию подкрепить каким-нибудь аналогичным литературным примером из их книг. Ещё я люблю философские книги, Монтеня, Толстого, недавно открыл для себя Розанова... Люблю следить за движением мыслей великих людей и находить у них мысли, созвучные моим.

Нина Краснова: — А книги на немецком языке ты читаешь, чтобы не забыть немецкий язык?

Анатолий Шамардин: — Само собой. Я люблю читать книги немецких писателей в подлиннике. Чтобы не забыть немецкий язык и просто для своего удовольствия, переписку Гёте со своей женой Кристиной, рассказы чешского писателя Януша Осенки, китайские притчи, переведенные на немецкий язык...

Нина Краснова: — А какие газеты и журналы ты читаешь?

Анатолий Шамардин: — Самые разные. Из газет — «Московский комсомолец», «Новую газету», «Аргументы и факты», «Вечернюю Москву», «Литературную газету», «Слово»... Сейчас стал еще читать «Экспресс газету», потому что там появилась частушечная рубрика Нины Красновой «Залёточки», очень смешная, веселая, прикольная, остро-

умная и очень нужная людям. Из литературно-художественных журналов, кроме некоторых старых, таких, как «Юность», регулярно читаю журнал Юрия Кувалдина «Наша улица». Всегда нахожу там что-нибудь интересное для себя, то, чего нельзя найти в наших академических литературных журналах. И даже печатаюсь там иногда.

Нина Краснова: — Анатолий, как ты считаешь, чего тебе не хватило в жизни, чтобы полнее реализовать себя и осуществить свою некую программу-максимум?

Анатолий Шамардин: — Да много чего. И, наверное, счастливого стечения обстоятельств.

Нина Краснова: — А тебе не кажется, что плюс ко всему тебе, как артисту, не хватило хорошего режиссера, который оценил бы тебя, понял бы, на что ты способен, увидел бы твои потенциальные возможности и перспективы и подсказал бы тебе, что делать и в каком направлении идти?

Анатолий Шамардин: — Да, мне всегда не хватало такого человека, который подсказал бы мне, как мне действовать, что мне делать на разных этапах моей жизни... в каком направлении идти. Поэтому я много сил потратил, распылил не на то, на что надо, наделал много ошибок и сделал много не тех шагов, какие надо. «Как много пройдено дорог, как много сделано ошибок», говорю я, перефразируя Есенина на свой лад. Но моя жизнь не кончена. И я думаю, что главное и лучшее у меня не позади, а впереди. В данное время мне не хватает не столько режиссера, сколько менеджеров, которые устраивали бы мои платные концерты, и такого спонсоров, которые спонсировали бы меня, чтобы я имел возможность записать в хороших студиях весь свой репертуар и выпустить новые лазерные диски и компакт-кассеты с песнями в своем исполнении. Выпускать свои лазерные диски и компакт-кассеты — это для певца все равно, что для поэта издавать книги. А держать свои песни в столе это все равно, что писателю писать в стол. И пока они не вышли в свет, это все равно, что их нет. Но главное — творить. Если у тебя есть что издавать, это когда-нибудь издастся и найдет своих почитателей.

Нина Краснова: — Анатолий, у тебя такая редкая для певца фамилия, что тебе не надо брать себе артистический псевдоним... У нас

в России нет второго такого певца с такой фамилией. И, наверное, не только в России, но и во всем мире.

Анатолий Шамардин: — Как сказал один мой приятель:

В мире есть такой один
Анатолий Шамардин.

Нина Краснова: — Между прочим, у Толстого в романе «Война и мир» упоминается шамардинский редут. А в Оптиной пустыни, куда Толстой бежал из своего графского поместья, был Шамардинский монастырь...

Анатолий Шамардин: — Это в Калужской области. Толстой в своем дневнике писал про этот древний монастырь: в Шамардинском монастыре проживают шестьдесят монахинь, шестьдесят шамардинских дур... Так что моя фамилия — старинная и вообще-то не такая уж неизвестная.

Нина Краснова: — А как ты думаешь, что означает твоя фамилия, от какого слова она происходит?

Анатолий Шамардин: — Один мой приятель, арабист, утверждает, что она состоит из арабских слов: шамар эддин. Что значит — шах шахов. Но я не шах и не ощущаю себя шахом. Скорее — временами — бомжом. В моей жизни бывали казусы, связанные с моей фамилией, которую многие почему-то плохо запоминают и часто искажают. Одна ведущая концерта когда-то назвала меня — ШамОрдин, от слова «морда», торжественно, с хорошо отработанной дикторской выразительностью объявила на весь зал: выступает Анатолий Шамордин! Кое-кто называл меня и ШамЫрдин, почти как Черномырдин. А в Татарстане когда-то повесили афишу, на которой написали крупными буквами: в концерте участвует Анатолий ШАРАМУДИНОВ, как будто моя фамилия происходит от слова, связанного с мужскими гениталиями, что само по себе, может быть, и неплохо.

Нина Краснова: — Под конец нашей беседы ты, может быть, вспомнишь какой-нибудь экстравагантный и веселый эпизод из твоей артистической жизни?

Анатолий Шамардин: — Когда я жил и работал в городе Шадринске, преподавал в местном институте иностранные языки, я был при-

глашен в город Курган выступить на телевидении, спеть, люди хотели меня послушать. Но ехать туда нужно было срочно, чтобы не опоздать к намеченному дню и часу, а ехать было не на чем, ни одной машины при институте не оказалось. И шадринцы предоставили в мое распоряжение ПАРОВОЗ, целый паровоз, но, естественно, без прицепленных к нему вагонов. И я ехал в нем один, вернее — вдвоем с машинистом, и с гитарой. И приехал в Курган на паровозе, как Ленин на броневике. И сотрудники телевидения и зрители встречали меня на перроне, среди зимы, цветами.

Беседу провела и записала
НИНА КРАСНОВА

*Беседа Нины Красновой с Анатолием Шамардиным печаталась
в сокращенном виде, фрагментами:
в журнале «Наша улица» (№ 3–2003),
в газете «Сенеж» (№ 2, 13 января 2003 г., под псевдонимом Александр Кузнецов),
в газете «Слово» (№ 4, 31 января — 6 февраля 2003 г., и № 48–49, 5–18 декабря
2003 г.),
в газете АИФ «Долгожитель» (№ 20, октябрь 2004 г.)
и т. д.*

ИСТОРИИ ОТ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА И ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ

(Из Живого Журнала Нины Красновой)

Анатолий Викторович Шамардин родился 11 января 1938 года в селе Ольгино на Ставрополье, вырос в греческом селе Хасаут, недалеко от Ольгино. Окончил Горьковский институт иностранных языков, преподавал немецкий и английский языки в разных вузах страны, читал лекции по лексикологии, стилистике и истории немецкого языка. Кроме того окончил очное отделение музыкального училища им. Октябрьской революции по классу вокала (ныне высший музыкальный колледж им. Альфреда Шнитке). В 1971 году был приглашен в оркестр Леонида Утесова, работал там в качестве солиста-вокалиста, потом работал в Росконцерте, в разных филармониях, объездил всю страну, пел песни народов мира и свои собственные на стихи известных поэтов и русские песни и романсы. Выступал с концертами в Европе, в Германии, в Греции и т. д. Автор множества статей, рассказов, эссе, переводов. Печатался в журналах «Огонек», «Смена», «Турист», «Вокруг света», «Наша улица», «Юность», в альманахах «Истоки», «Эолова арфа», «Под небом рязанским», в «Литературной газете», в «Независимой газете», в газете «Слово» и др. Член Российского Союза профессиональных литераторов.

Певец и композитор Анатолий Шамардин был изумительный, потрясающе интересный рассказчик! Он много раз рассказывал и пересказывал мне и всем, кто находился рядом с нами, какие-то истории из своей жизни, причём он умел выхватывать из своей жизни, из всего накопленного им хаотичного материала, готовые, сами собой сложившиеся и художественно оформленные сюжеты, очень яркие, лаконичные, со своей специфической лексикой, с юмором. Я брала их на карандаш, по горячему следу, набирала на компьютере и потом распечатывала на принтере и давала посмотреть Толе, и мы вместе с ним подправили их. Мы собирались таким образом написать и составить целую книгу его рассказов. «Это будет бестселлер!» — вдохновенно уверяла я Толю. — «Да?» — «Да!» — И Толя время от времени

подкидывал мне еще какой-нибудь сюжетик и говорил: «Мы запишем его?» — «Запишем!» — оптимистично обещала я. — «Мы с тобой как Ильф и Петров, и как Стругацкие, работаем в одной связке! И у нас это очень хорошо получается!» — смеялись мы. И Толя подкидывал мне новые сюжетики (у него было их огромное количество!) и говорил: «Мы это запишем?» «Запишем!» — К сожалению, мало что мы успели сделать. Но у каждого из нас есть тетрадки, куда мы заносили названия сюжетов, чтобы не забыть сами сюжеты. И со временем я постараюсь воспроизвести на бумаге некоторые из них (хотя вдвоём с Толей это было бы несравненно лучше!). А пока я предлагаю читателям то, что записалось.

Нина КРАСНОВА

1 февраля 2015 г.

*Истории от певца и композитора Анатолия Шамардина,
записанные Ниной Красновой от лица Анатолия Шамардина*

НЕПЬЮЩИЙ

Попросили меня как-то (не то в 1972-м, не то в 1973-м году) приехать в Смоленскую филармонию, поработать там, повыступать с местными артистами в сборных концертах.

Директор филармонии, солидный такой дядя, сказал мне:

— Вот бригада артистов, с которой ты, Толя, будешь выступать. В бригаде есть дуэт певиц, фокусник и ведущий, который объявляет номера программы и читает стихи Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?..».

И стал я ездить с бригадой артистов по Смоленской области, по районным городкам, и выступать в сборных концертах, в клубах и домах культуры. А ночевали мы все в маленьких районных гостиницах.

И один раз мне пришлось ночевать в одном — двухместном — номере на пару с ведущим концерта Алексеем Ивановичем.

Алексей Иванович, фамилию которого я теперь не помню, был тихий человек, с серьёзными грустноватыми глазами. Он никогда ни на кого не ругался, относился ко всем тепло, и все тоже относились к нему тепло. Все знали, что он был большой любитель выпить, но и к этому относились положительно, то есть не только терпимо, а лояльно и даже участливо. У него и глаза-то всегда были грустноватыми потому, что ему всё время хотелось выпить, а он понимал, что всё время пить ему нельзя, потому что ему же надо было выходить на сцену и вести концерты, объявлять номера программы и читать стихи Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?..»

Конечно, до концерта он успевал пропустить в себя стаканчик вина, а то и два, но этого ему было мало, а без этого ему и вообще было нельзя, без этого у него куражу не было, а после стакана вина у него глаза загорались, и он входил в свою роль ведущего и в роль лирического героя стихотворения Симонова и объявлял номера очень красиво и читал стихи очень проникновенно.

Само собой, после концерта, после аплодисментов публики, после

удачного завершения трудового дня на ниве искусства, Алексею Ивановичу опять же хотелось выпить, в гостинице, стаканчик вина и добавить к этому еще два-три стаканчика для полного счастья. Но передо мной ему было как-то неудобно сидеть и пить. Он боялся, как бы я не подумал, что он пьяница или даже алкоголик.

И вот мы поздно вечером выключаем в своём номере свет и ложимся спать, каждый в своём углу, каждый на своей кровати. Алексей Иванович накрывается с головой одеялом, поднимает свои колени, и у него на кровати получается такая горка, и он находится под одеялом, как в туристической палатке. И вот через некоторое время я слышу: он под своим одеялом — буль-буль-буль — пьёт из бутылки что-то такое... не воду, конечно, а вино. Он думает, что я уснул и сплю, а я не уснул и не сплю. И я говорю ему, доброжелательно так, со своей кровати:

— Алексей Иванович, а почему вы под одеялом-то пьёте? Почему вы не хотите сесть за стол и выпить за столом, нормально, по-человечески?

— Анатолий Викторович, что вы такое говорите? — смущённо откликается Алексей Иванович, высовываясь из-под одеяла. — Вы думаете, что я — пьяница? Да я вообще — непьющий...

— А чё ж вы тогда прячетесь и пьёте под одеялом? Вы сядьте за сто-о-ол, вы-ы-ы-пейте, закуси-и-ите...

— А если я сяду за стол и буду пить, один, вы подумаете, что я — пьяница, а я же вообще — непьющий. А может быть, мы с вами оба сядем за стол и выпьем? А, Анатолий Викторович?! Отметим путём завершения нашего трудового дня? Если с вами вдвоём, тогда я так и быть сяду за стол, а одному мне зачем же там сидеть и пить, чтобы вы думали, что я пьющий. Это мне как-то неудобно.

— Да я тоже непьющий, я тоже, как и вы, не пью. Но если с вами... ну ладно, давайте сядем за стол и выпьем... пригубим, так сказать, по глоточку...

— Давайте, это будет совсем другое дело...

Он бодро, с хорошим настроением, и с повеселевшими глазами и с повеселевшим лицом, встал с кровати, поставил на стол (распечатанную и початую им под одеялом) бутылку «Вермута».

Мы сели за стол, выпили, я слегка пригубил вино, за компанию со своим партнёром по сцене...

На другой день он чувствовал себя плохо. Видно, хотел опохмелиться, а нечем было... а сбежать в магазин за «лекарством» он не успел, потому что мы рано поехали выступать. И когда он вышел на сцену и стал читать «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» — у него глаза были очень грустные, а лицо очень страдальческое, это — оттого, что ему хотелось опохмелиться, а публика думала, что это — оттого, что он вошёл в образ своего лирического героя, который болеет душой за Россию... У нас, кстати сказать, есть один очень известный писатель, отъявленный патриот, у которого всегда тоже очень грустные глаза, как у Алексея Ивановича, и тоже всегда очень страдальческое лицо, и когда он выступает по телевизору, все телезрители думают, что это всё у него — оттого, что он постоянно болеет душой за Россию... а на самом деле ему просто всегда хочется выпить, а без этого он плохо себя чувствует.

И вот Алексей Иванович стоял на сцене и читал:

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины...

И глаза у него при этом были очень и очень грустные... потому что он не успел опохмелиться с утра.

15 сентября 2011 г.,
Москва

БОКОВ, КОБЗОН, ЗЫКИНА, СТРЕЛЬЧЕНКО И ДРУГИЕ...

— В начале 70-х годов я первый раз в своей жизни выступал в Большом зале Политехнического музея в сборном концерте, в котором участвовали Виктор Боков, Иосиф Кобзон, Людмила Зыкина, Александра Стрельченко... Я выступал наряду с ними, и наряду с другими известными артистами, певцами, поэтами... И взял и пригласил на этот концерт своего хорошего знакомого, Василия Васильевича Познанского, известного театрального и эстрадного режиссёра, человека, разбирающегося в искусстве, в режиссуре, в том числе в эстрадной, чтобы он посмотрел, как я выступаю и как меня публика принимает... А принимала она меня на «ура» (меня публика всегда принимала на «ура» — я говорю это без преувеличения... худсоветы меня критиковали за мой лирический репертуар, без песен гражданского звучания, а публика меня любила)... Я — в том концерте — пел свои песни на стихи Бокова «Луговая рань», «Вишня, орешенья» и что-то из песен народов мира, на иностранных языках (причем певцы тогда пели без фонограмм)...

После концерта Василий Васильевич поздравил меня с моим успехом и сказал мне:

— Очень здорово ты выступал! Я — в восторге от тебя! И публика тоже! Как же тебя публика любит... и как же она тебя принимает!..

Через несколько дней он позвонил мне и сказал:

— Толя, у меня для тебя хорошая новость... В газете «Известия» написано о концерте в Политехническом музее, в котором ты участвовал... и о тебе написано!..

— Да?! — обрадовался я.

— Хочешь, я прямо по телефону прочитаю, что там написано?

Он прочитал мне информацию о том, что в концерте участвовали Кобзон, Зыкина, Стрельченко, Боков... и другие...

Я удивлённо говорю:

— Василь Василч... А где же там про меня? Про меня там ничего нет. Там написано: «... и другие»...

— Вот «другие» — это и есть ты, это и есть про тебя... под словом «другие» подразумеваешься ТЫ! — сказал мне Василий Васильевич.

*27 августа 2010 г.,
Москва*

«А РОДСТВЕННИКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ У ТЕБЯ ЕСТЬ?..»

У нас на Ставрополье, в греческом селе Хасаут, где я провёл своё детство, был такой молодой человек по имени Ираклий. Он был совсем неграмотный, в школе никогда не учился, даже одного первого класса не окончил, читать и писать не умел, но он был очень трудолюбивый, работающий, хозяйственный и очень порядочный, добросовестный и добрый, он еще мальчиком помогал своей маме по хозяйству... то огород ей копал, то хворост для печки носил, то козу пас... а потом, когда вырос, работал в колхозе за трудовни, за «галочки», работал с утра до ночи, и ничего за это не получал, ни зарплаты, ничего, кроме этих трудовней, как и все жители Хасаута (и как все сельские жители России, которые работали в колхозах)... и при этом никогда ни на что не роптал и не жаловался. Кстати сказать, он был моим родственником по моей маме, понтийский грек, как и она. В Хасауте по существу все были родственниками друг другу: и греки, и русские, и казаки...

И вот этого самого Ираклия, как и всех молодых людей, призвали в армию, у нас всех в Хасауте призывали в армию.

И Ираклий поехал в военкомат, в посёлок Зеленчук, который находился за двадцать километров от нашего села. В военкомате секретарь просит Ираклия заполнить анкету, и спрашивает его:

— Мама у тебя есть?

— Есть.

— А папа у тебя есть?

— Есть.

— А национальность у тебя какая? (В анкете была такая графа: национальность.) Кто ты по национальности?

— Грек.

— А родственники за границей у тебя есть?

— Есть...

— А где они находятся?

— В Орджоникидзе (во Владикавказе)...

Ираклий считал, что всё, что находится за границей его села Хасаут, — это заграница.

14 мая 2011 г.,
Москва

МОЙ ДЯДЯ ЖЕНИЛСЯ НА МОЛОДОЙ ДЕВУШКЕ...

Мой дядя, который жил на Ставрополье, в Черкесске, долгое время не женился, никак не мог найти свою вторую половину, с которой он связал бы свою судьбу. Но когда ему стукнуло 50 лет, он, наконец, женился... на молодой девушке, которая была на 25 лет моложе его. Он очень гордился тем, что у него такая молодая жена. У них родилось двое сыновей. Лет через десять она, как мне, мальчику, тогда казалось, стала выглядеть ничуть не моложе моего дяди, стала казаться его ровесницей, как бы сравнялась с ним по своему возрасту. А еще через десять лет она стала выглядеть, как мне казалось, даже чуточку старше его...

Сейчас их младшему сыну стукнуло 50 лет. И он тоже собирается жениться на молодой девушке...

*25 ноября 2010 г.,
Москва*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ЯПОНСКИЙ ШЕФ-ПОВАР С ЗАБАВНОЙ ФАМИЛИЕЙ

В 90-е годы я работал певцом-вокалистом в японском ресторане «Саппоро», который находился на проспекте Мира, в доме 14, в старинном московском особняке.

Ресторан этот считался элитарным. Туда приходили звёзды кино-и телеэкрана — певцы Лев Лещенко, Олег Газманов, Андрей Макаревич, Елена Камбурова, Анита Цой, актёр и режиссёр Никита Михалков, джазовый пианист Леонид Чижик, телеведущие Дмитрий Дибров, Евгений Киселёв, политики Валерия Новодворская, Константин Боровой, Ирина Хакамада, сын Генриха Боровика — основатель газеты «Совершенно секретно» журналист Артём Боровик, адвокат Генрих Падва, депутаты Госдумы и помощники депутатов, и дикторы телеви-

дения, и бизнесмены, и банкиры, чтобы посидеть в уютной обстановке, в интерьере с нестандартным дизайном, расслабиться, отдохнуть после рабочего дня, выпить рюмку рисовой водки «сакэ» или чашку японского чая и отведать экзотические блюда японской кухни — например, «сукияки» из мраморной говядины (из молодого бычка) или деликатесы из морепродуктов, крабов, моллюсков и водорослей, одно из которых называлось «суши», а одно — «сябу-сябу», и послушать японские, и не только японские, песни в моем исполнении или даже самим спеть что-то такое под караоке, которое тогда в России и в самой Москве было диковинкой.

Иногда к достопочтенным гостям выходил сам шеф-повар ресторана, в белом халате, в белом фартуке и в белом колпаке цилиндрической формы, и спрашивал у них, нравятся ли им японские блюда, которые он со своими поварами готовил, надо сказать, великолепно:

— Хай? Хай? (Да? Да?)

— Да! Да!

А звали этого шеф-повара... Ибучи-сан.

Сан — это «господин» или «сударь» (а применительно к женскому полу — «госпожа», «сударыня»)... А Ибучи — это... «не подумайте плохого»... это японская фамилия, которая происходит совсем не от того слова, которое слышится в ней на русское ухо. Очень забавная фамилия на русское ухо. Вот только я не знаю точно, через какую букву она писалась: через «и» или через «е», я знаю только, как она произносилась: Ибучи-сан.

Он кланялся гостям, протягивал им свою руку, улыбался широкой улыбкой японского Бога (кулинарного искусства) и говорил:

— Ибучи... Ибучи...

(Не Ибучи-сан, а просто Ибучи. — Ибо приставку «сан» никто из японских граждан не употребляет в первом лице: мол, я — Ибучи-господин, я — Ибучи-сударь. Нет: я просто Ибучи, и всё.)

Когда он первый раз назвал мне свою фамилию, я расхохотался. И почему-то вспомнил Эдиту Пьеху, фамилию которой обыграла в своем шуточном культурологическом куплете Принцесса поэзии «МК» Нина Краснова:

Слышал Пьеху я по «Эху»,

Слышал, эх, по «Эху» я!

Я люблю Эдиту Пьеху,
Уважаю Пьеху я.

Но Пьеху я ни разу не видел в ресторане «Саппоро» среди тех звёзд, которые приходили туда. «Но та, что всех печальней и грустней, туда случайно, нет, не заходила». Многих наших звёзд видел я там. Но, нет, не видел там Пьеху я...

*9 ноября 2011 г.,
Москва*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ЯПОНСКАЯ ПЕСНЯ «МУДАНА КОТОСА», ИЛИ — «МУКИ ЛЮБВИ»

В 90-е годы я довольно часто выступал по радио на улице Качалова. И вот пригласили меня туда в очередной раз — выступить в передаче «Рабочий полдень», рассказать о себе, о своих гастролях по Европе и спеть песни народов мира — на немецком, итальянском, греческом и японском языках. Из японских песен я выбрал очень красивую, мелодичную песню в ритме танго, которая называлась «Муки любви» и которая начиналась со слов «Мудана котоса...»

И когда я объявил прямо в прямом эфире, что сейчас я спою японскую песню «Муки любви», или «Мудана котоса», ведущая передачи, очень скромная и очень осторожная женщина Тамара Григорьевна Орлова, которая много лет работала на Всесоюзном радио, сильно смутилась и прямо в прямом эфире сказала мне:

— Анатолий, первое слово этой песни какое-то очень неблагозвучное для русского уха. Нельзя ли заменить это слово на какое-то другое, более благозвучное? может быть даже, на какое-то русское слово?

На что я ответил ей, что, да, для русского уха слово «Мудана» (с ударением на последний слог) кажется не очень благозвучным и навевает ассоциации ненормативного характера, но, как говорится, из песни слово не выкинешь, и я не могу сделать этого, во-первых, потому что

в эфир песня пойдёт не в моём живом исполнении, а в студийной записи, с оркестром, и чтобы заменить там какое-то слово, надо делать новую студийную запись, а во-вторых, сказал я:

— На японском языке для японского уха слово «Мудана» — очень красивое и романтическое по своему содержанию и очень благозвучное по своей фонетике... а если его заменить каким-то русским словом, которое нам кажется более благозвучным, то для японского языка и для японского уха оно может оказаться ещё хуже и ещё неблагозвучнее, чем для нас слово «Мудана»...

*7 ноября 2011 г.,
Москва*

ОРКЕСТР ГОРБАТЫХ В ОБЩЕСТВЕ СЛЕПЫХ

В Москве когда-то давно был оркестр Александра Горбатовых, который работал от Москонцерта, обслуживал разные культурные точки Москвы и Подмосковья. И вот Всероссийское Общество Слепых решило устроить у себя праздник для своих слепых членов, для своих незрячих рабочих, и руководство ВОСа обратилось к руководству Москонцерта:

— Не пришлете ли вы к нам музыкантов, чтобы они выступили с шефским концертом для наших слепых? Кого вы могли бы нам предложить?

— Мы можем предложить вам оркестр Горбатовых, — ответило руководство Москонцерта руководству ВОСа, идя навстречу пожеланиям трудящихся.

— Ну нет, ну зачем нам в Обществе слепых — оркестр горбатовых? Мало нам слепых, не хватало нам еще и горбатовых.

*27 октября 2012 г.,
Москва*

ПЕВЕЦ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ...

Сорок лет назад я был молодым человеком. Мне было 30 лет. Я тогда ещё только начинал работать на эстраде. Работал в Ленинградской филармонии, куда меня взяли с лёгкой руки Эдуарда Хиля, который сказал мне: «Толя, ты приходи к директору филармонии и ничего ему не говори, а открывай рот и сразу начинай петь!» Так я и сделал. И директор не только взял меня в филармонию, но и сразу послал выступать по стране с эстрадным коллективом «Цвета радуги». И вот однажды я оказался проездом в Москве. И решил показаться в какой-нибудь музыкальной организации. Чтобы узнать, как здесь отнесутся ко мне музыкальные специалисты. Я подумал: ну если я понравился в Ленинградской филармонии, то почему же я не понравлюсь в

Москонцерте?

И я пришел в Москонцерт, в творческую вокальную мастерскую. И с присущей мне непосредственностью (которая может кому-то показаться нахальством) сказал заведующему этой вокальной мастерской Кедрову, имя и отчество которого я не помню:

— Не хотели ли бы Вы взять замечательного певца к себе на работу?

— А кто этот замечательный певец?

— Это я.

— А что вы поёте, что вы умеете петь?

— Я пою всё! И эстрадные и русские народные песни, и арии из опер, и камерные сочинения, романсы, и свои собственные песни, и песни народов мира на разных языках.

— А сколько вам лет?

— Я вообще-то ещё несовершеннолетний для певца, потому что совершеннолетия певец достигает только к пятидесяти годам. Но публика меня любит. И когда я начинаю петь, у меня тут же завязывается роман с публикой. Она принимает меня очень тепло.

— И сколько вам лет?

— Мне — тридцать.

— Извините... Но, понимаете, вы уже стары для эстрады. Кроме того — вы, как бы это помягче сказать, малопривлекательны внешне. На эстраде должен быть молодой и красивый человек. А о вас этого не скажешь. Извините, но вы нам не подходите.

— Простите, но я знаю одного французского певца, звезду первой величины. У него рост — полтора метра со шляпой. И певец этот... он уже не молодой, по вашим меркам, и нельзя сказать, что красавец. Но весь мир любит и обожает его, в том числе и дамы... А Ивану Козловскому семьдесят лет, а у него голос — лучше, чем у двадцатипятилетнего... Как он поёт «Сердце красавицы склонно к измене...»

Но администратор творческой вокальной мастерской даже слушать меня не стал.

После этого случая меня пригласил в свой оркестр Леонид Осипович Утёсов, потому что ему понравился мой голос, а про мой рельефный греческий нос он сказал, что с таким носом мне лучше всего петь иностранные песни, и разрешил мне петь песни на греческом, итальянском, немецком и других языках, несмотря на то, что другим певцам он этого не разрешал, и требовал от них советского репертуара, то есть песен сугубо гражданского звучания, которые были мне не по голосу, потому что я — тенор.

Прошло сорок лет.

И вот недавно меня пригласили выступить в Центральном Клубе МВД на Большой Лубянке. Там прослышали про певца Анатолия Шамардина, узнали, что вот есть такой певец, и пригласили меня выступить с сольным концертом в зале Клуба МВД.

Помнится, Бобчинский у Гоголя всё мечтал о том, чтобы кто-то в Петербурге, в высоких кругах, узнал, что вот есть, живёт на свете такой Бобчинский. Вот и я, как Бобчинский, мечтал об этом. И домечтался.

Я выступил с программой «О любви на разных языках», в великолепном зале, перед великолепной публикой, которая приняла меня восторженно! И никому в зале не пришло в голову сказать, что я старый и некрасивый.

А когда ведущий концерта сообщил публике, что я — один из старейших певцов оркестра Леонида Утёсова, мне пришлось объяснить залу, что я работал в оркестре Леонида Утёсова не в 20–30-х годах прошлого столетия,

как кто-то может подумать, а в 70-х. И когда я сказал:

— Я пришёл в оркестр Леонида Утёсова уже не молодым человеком. Мне было 30 лет. — Зал взорвался аплодисментами.

Комментарий Нины Красновой:

...Потому что Анатолий Шамардин и сейчас никому из своих зрителей не кажется немолодым, когда он выступает на сцене и когда они слышат, как он поёт. Когда человек талантлив, то он и красив своей особой красотой, и хорош независимо от своего возраста. Так считал и мой учитель поэт Виктор Боков, который прожил 95 лет. Он когда-то написал стихи, посвящённые Анатолию Шамардину:

*Я нашёл тебя не в крапиве! —
В окружение серьёзных дел.
Был на сцене такой ты красивый —
Потому что красиво пел...*

Я могу сказать, что и сейчас публика принимает Анатолия Шамардина не хуже, чем сорок лет назад. Несмотря на то, что он на сцене не прыгает и не кувыркается и не дрыгается, а стоит неподвижно, как все классические певцы, и только открывает рот и поёт, живьём, не под фонограмму. И я думаю, что и ещё через сорок лет публика будет принимать его так же восторженно, потому что он красиво поёт...

*8 апреля 2012 г.,
Москва*

РАЗВЕ ТАКАЯ МАШИНА ДОЛЖНА БЫТЬ У ТАКОГО АРТИСТА?

Ехал я однажды по Москве на своей старой иномарке, довольно задрипанного вида, на «Опеле», машина трещала, тарахтела, к тому же была давно немытая, грязная, да ещё с треснутым лобовым стеклом и помятой дверцей, и этим привлекла внимание гаишников. Они остановили меня и культурно потребовали предъявить им своё водительское удостоверение, а заодно решили проверить, сделал ли я техосмотр своей машины или нет. Документ техосмотра у меня оказался просроченным.

— Придётся наказать вас, — сказали мне гаишники, симпатичные молодые ребята.

— Вы знаете, — культурно сказал я, — не надо меня наказывать. Я за рулём уже 35 лет... Я — водитель со стажем. Но вообще-то я — певец. Вот у меня есть с собой кассета с моими песнями. Давайте я подарю вам эту кассету? Я не просто певец, а я — старейший артист оркестра Леонида Утёсова...

— Да-а-а? А если вы — старейший артист оркестра Утёсова, то почему же у вас машина такая задрипанная? как из металлолома? — искренне удивились они. — Разве на такой машине должен разъезжать по Москве артист оркестра Утёсова?

— Вот и я думаю: почему у меня, у старейшего артиста из оркестра Утёсова, такая плохая машина? Разве такая машина должна у меня быть?

Гаишники покачали головами, посочувствовали мне и отпустили меня с миром. Только велели мне, чтобы я завтра же прошёл техосмотр.

7 сентября 2012 г.,
Москва

ПОДАРОК ОТ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Среди большого количества книг поэтов нашего времени, которые есть у меня в моей личной библиотеке, в том числе и среди книг с автографами, у меня есть книга Андрея Вознесенского «Прорабы духа» (М., «Советский писатель», 1984), которую Андрей Вознесенский подарил мне вот с таким автографом на титульном листе:

*Дорогому Анатолию —
светлому спасителю моей рукописи —
с сердечной благодарностью —
Андрей Вознесенский
1986*

У этого автографа есть своя история, которую мне и хочется рассказать.

В 1986 году, летом, я ехал на своих «Жигулях» из Москвы в Переделкино, к своему старому другу — поэту Виктору Бокову, к Виктору Фёдоровичу, на стихи которого я тогда написал уже много песен, в том числе «Луговая рань», «Вишня, орешенья», «Золотая иволга» и т. д., и который пригласил меня к себе в гости — послушать его новые стихи и попить с ним чаю, в кругу своих домочадцев. Дом Бокова, деревянный, об одном этаже, с высокой чердачной крышей, которая служила хозяину вторым этажом и кабинетом, находился с левой стороны шоссе, первый с краю, угловой, за мостом речки Сетунь, если ехать от железной дороги, от станции «Переделкино».

Я ехал по правой стороне шоссе, проехал розовокаменную резиденцию патриарха и, когда проезжал мимо высокого холма, мимо кладбища, метрах в пятистах от дома Бокова, увидел на левой стороне дороги, на обочине, в канаве около кустов лежит какой-то большой белый бумажный свёрток. Я подумал: «Что это такое там лежит?» — Остановил свою машину, припарковал её поближе к изгороди кладбища, чтобы не мешать машинам проезжать по шоссе, подошёл к свёртку, поднял его, развернул... и увидел, что это была рукопись... точнее — не рукопись, а вёрстка книги Андрея Вознесенского, толстая-толстая, листов в триста. И на ней были типографские печатные буквы: «Андрей Вознесенский. РОВ». Я полистал её... Там были — стихи и проза... Проза о Высоцком, о Плисецкой, о Пастернаке... на отдельных листах, не сшитых и не склеенных между собой...

Почему эта «рукопись» оказалась в канаве — почему этот «Ров» оказался во рву? И почему никто, кроме меня, не обратил внимания на этот белый свёрток? Ни водители машин, которые проезжали мимо него, ни прохожие, которые проходили мимо него? Наверное, все думали, что кто-то выбросил его в канаву? А если кто-то выбросил его, значит — это что-то такое никому не нужное. А если это что-то такое никому не нужное, то стоит ли обращать на этот предмет своё внимание? Так, наверное, рассуждали про себя все, кому он попадался на глаза. Никто же не знал, что это вёрстка книги самого Вознесенского, нашего великого поэта-авангардиста, известного на весь мир! И никто не мог даже и предположить, что она может валяться в канаве.

(А что в свёртке может оказаться взрывное устройство, об этом тогда вообще никто, в том числе и я, даже и подумать не мог — тогда та-

ких «сюрпризов» никто никуда никому не подкидывал, такое в России и в Москве тогда не практиковалось.

То есть если никто до меня не подобрал, не взял этот свёрток, то совсем не потому, что все боялись, как бы в нём не оказалось какое-то взрывное устройство, а потому что все думали, что кто-то... не потерял (как потеряешь, уронишь, выронишь из рук такой тяжёлый свёрток?), а выбросил его как что-то ненужное... и что ничего ценного там нет и быть не может.)

Вообще-то такие вещи, как правило, на дорогах не валяются, да ещё и в канавах. Я догадался, что этот свёрток скорее всего каким-то образом потерялся... то ли выпал из машины, то ли упал с капота или с крышки багажника, куда его положили и забыли переложить в салон или в багажник...

...Я взял свою находку, свой трофей с собой. И заявился с ним к Бокову и прямо у порога сказал:

— Виктор Фёдорович, я нашёл в канаве рукопись книги Андрея Вознесенского! Вы не знаете, где тут, в Переделкине, его дача? Я бы отнёс ему туда эту рукопись, которую он, наверное, потерял, выронил из машины, и теперь ищет?

— Я понятия не имею, где в Переделкине находится дача Вознесенского, я у него в гостях никогда не бывал, — сказал Боков, чем сильно удивил меня. Я-то думал, что раз они оба живут в Переделкине, то они ходят друг к другу в гости, дружат домами, семьями. К тому же я знал, что у Вознесенского есть стихи про Бокова — «Богу — Богово, а Бокову — Боково...», которыми Боков гордился, а у Бокова в книгах есть стихи про Вознесенского, которые нравились Вознесенскому.

— Виктор Фёдорович, а Вы не могли бы дать мне его телефон?

— У меня нет его телефона, — сказал Боков, чем опять же сильно удивил меня. Я-то думал, что Боков и Вознесенский, по крайней мере иногда, перезваниваются друг с другом как соседи по Переделкину.

— А ты сходи в Дом творчества (на улицу Серафимовича) и там попроси у сотрудников телефон Вознесенского, — посоветовал мне Боков.

Я пошёл, сходил туда. А там мне почему-то дали телефон не Вознесенского, а одной очень известной поэтессы, шестидесятницы (не буду называть её имени), и посоветовали позвонить ей: они думали, что она

поклонница Вознесенского, что она дружит с ним и поможет мне связаться с ним. Я позвонил ей. Она сказала:

— Я вовсе не поклонница его поэзии. Он меня совершенно не интересуется! И я не дружу с ним и не знаю, где находится его дача, и у меня нет его телефона.

...«Я спросил у ясеня», «я спросил у тополя»... где дача Вознесенского и какой у него номер телефона. «Яшень не ответил мне», тополь тоже не ответил... только покачал своей головой...

Потом я позвонил одному не такому известному, как Вознесенский, но тоже известному в своих кругах поэту, фронтовику (не буду называть его имени), я сказал ему:

— Я тут в Переделкине рукопись Вознесенского нашёл... не знаю, что мне делать с ней и как мне передать её ему...

— Да выброси ты её к чёртовой бабушке! Нужна она тебе! И нужен он тебе! Я с ним не дружу и никогда не дружил, а даже напротив... Я даже поругиваю его, и в своих статьях, и в своих стихах и вообще не считаю его за поэта. И если его книга не выйдет в свет, то русская литература от этого не пострадает.

Но в конце концов кто-то из поэтов, кто-то из поклонников Вознесенского, которых у него было много, а не из не поклонников, которых у него тоже хватало, дал мне его телефон, не телефон дачи, а телефон его квартиры на Котельнической набережной. Я позвонил туда. Трубку подняла супруга Андрея Вознесенского писательница Зоя Богуславская. Она очень обрадовалась, что я нашёл вёрстку, сказала:

— Как хорошо, что Вы нашли её! А мы переживали, что она пропала...

Оказалось, что они с Андреем поехали из Переделкина в Москву, на своём автомобиле, погрузили туда какие-то свои вещи и книги, а вёрстку в бумажной упаковке положили на крышку багажника и в спешке забыли переложить к себе в салон или в багажник. Как я и думал. И, когда они ехали по шоссе, то на повороте около кладбища вёрстка от резкого рывка автомобиля и от порыва ветра скатилась с крышки багажника и отлетела в сторону и упала в канаву, в ров, под куст, где я и увидел её, и подобрал...

...Зоя очень интеллигентно, любезно и доброжелательно сказала мне «спасибо» — от себя и от Андрея — и попросила меня отнести вёр-

стку в ЦДЛ и оставить у дежурной «под лампой», около Малого зала, а потом:

— А потом Вы позвоните нам с Андреем домой на Котельническую. И Андрей подарит Вам свою книгу.

Спустя какое-то время я позвонил им, и мы договорились встретиться и встретились в ЦДЛе, втроём. Андрей, Зоя и я. Это был счастливый для всех нас день!

И Андрей подарил мне свою книгу «Прорабы духа» со своим автографом, ценный подарок, который я храню:

*Дорогому Анатолию —
светлому спасителю моей рукописи —
с сердечной благодарностью —
Андрей Вознесенский
1986*

— А Вы кто будете (по своей профессии)? Чем Вы занимаетесь? Где работаете, в какой сфере? — спросили у меня Андрей и Зоя.

Я не стал говорить, что я певец и композитор, а коротко, в шутку, сказал:

— Да я просто прохожий...

...Спустя ещё какое-то время я сочинил свою первую песню на стихи Андрея Вознесенского, на одно из стихотворений книги «Прорабы духа» — «Открытка», которое он адресовал своей Зое:

*Что тебе привезти из Парижу?
Кроме тряпок, т. д. и т. п.
Пожелтевшую нашу афишу
И немного тоски по тебе.*

*Небогатые это подарки.
Я в уме примеряю к тебе
Триумфальную белую арку,
Словно платье с большим декольте.*

3–4 и 6 февраля 2013 г.,
Москва

...Мне кажется, эта история не будет лишней в книге об Андрее Вознесенском. — Н. К. 6 февраля 2013 г

СОСЕДКА ПО ИМЕНИ ТАСУКА

В греческом ставропольском селе Хасауте, где я провёл своё детство, на родине моей мамы, понтийской гречанки, жили люди разных национальностей, и русские, и казаки, и татары, и украинцы, и карачаевцы, и кабардинцы, и евреи, и, разумеется, греки. Все жили между собой дружно. И у некоторых греков даже были русские имена, как у моей матери, которую звали Лена (производное уменьшительное имя от античной Елены). А у некоторых греков были греческие имена, Перикл, Агапия. А у одной нашей соседки было очень странное для русского уха и очень смешное имя, Тасука, которое ассоциировалось понятно с чем, с ненормативным словом. Пришла она как-то раз к нам в дом, спрашивает у моего отца, который до этого никогда не видел её и не знал, как её зовут:

— Виктор, а Елена дома?

— Нет её.

— Когда она придёт, скажите ей, что к ней Тасука заходила.

— Скажу.

Приходит моя мать (Елена) домой, а отец говорит ей:

— К тебе какая-то сука заходила...

— Какая ещё сука?

— Та ещё...

22 ноября 2014 г.,

Москва

КОММЕНТАРИИ фейсбукеров к этой истории и к фотографии Анатолия Шамардина:

Надежда Кузнецова-Шихиди: Такой родной, улыбчивый и очень творческий Анатолий, мой Друг!

Татьяна Кириличева: Ниночка! Замечательно! Трогательно и смешно. Видимо, очень веселым человеком был Ваш дорогой друг. Светлая память!

Нина Краснова: Да, Танечка, он был очень весёлым и неунывающим человеком, несмотря на свою очень трудную жизнь.

Ингрид Лансере: Господи, какой милый и обаятельный.

РОМАНТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Мой отец (ростовский казак, «орёл степной, казак лихой»), был очень романтический человек. И мог даже в самых прозаических жизненных ситуациях и моментах увидеть что-то очень романтическое и возвышенное.

Вот один из многих примеров.

У нас в нашем греческом селе Хасаут (на Ставрополье), как и в каждом русском селе, раньше ни у кого в доме не было туалетов. Туалеты, то есть уборные, находились во дворах домов. И если тебе ночью припичило... то надо было идти на улицу, во двор. Ну, летом или поздней весной и ранней осенью, когда на улице тепло, — это ещё ничего. Но зимой — брррр, холодно.

И вот мой отец проснулся как-то ночью, зимой, и захотел в уборную. И моя мать — тоже. И они оба пошли во двор. Как говорится, «по морозу босиком», по снегу. Мать сходила и стоит в стороне, у крыльца и ждёт, когда отец сходит. А отец сел и сидит себе в уборной на деревянном толчке, на корточках, при распахнутой двери, и смотрит из уборной на улицу, на светлое от звёзд небо и на яркие звёзды и любуется ими и не спешит слезать с толчка и говорит (прямо почти как Гоголь в «Мёртвых душах», в своих лирических отступлениях):

— Ах, Лена, смотри, какое небо, какие звёзды, какая красота-а-а! Красота-то кака-а-а-я! Благода-а-ать!

А мать (понтийская гречанка) мёрзнет на морозе, продрогла вся до костей, кутается в шаль и говорит ему:

— Шесон, шесон ке элла песакаа... — То есть: «Сери уж, сери, да иди спать»...

Мать рассказывала мне эту историю и смеялась*.

24 ноября 2014 г.,
Москва

*А я смеялась, когда Толя Шамардин рассказывал мне это. — *Прим. Н. К.*

** Олег Шамардин на днях сказал мне, что вообще-то он слышал эту историю от своего отца, от Анатолия Шамардина, не в таком варианте и что она произошла не с отцом Анатолия Шамардина, а с одним из жителей Хасаута, с одним мужиком по прозвищу Храбрый. Этот мужик по прозвищу Храбрый был в жизни, наоборот, очень трусливый и боялся ночью ходить в уборную один и ходил туда в сопровождении своей жены. И вот он как-то раз зимой, ночью, когда ему приспичило, пошёл во двор, в уборную, сел на толчок и сидит и смотрит на небо и на звёзды (через открытую дверь) и говорит жене:

— Ох кет страгиас керон! — То есть (в приблизительном переводе): «Какое чистое небо, какая хорошая дорожная погода» (удобная для дороги)...

А жена стоит в стороне, замёрзла вся и говорит ему:

— Шесон, шесон ке элла песакаа... — То есть: «Сери уж, сери, да иди спать»...

Уж я теперь не знаю, какой из вариантов этой истории точнее и правильнее. Может быть, это вообще греческий анекдот, который гулял по Хасауту и имеет несколько вариантов, а Толя, творческий человек, сделал свои варианты этого анекдота? Теперь у Толи об этом не спросишь и не узнаешь. Я рассказала то, что слышала от него когда-то не один раз, и то, что услышала на днях первый раз от Олега Шамардина. — *Прим. Н. К.*
24 ноября 2014 г.

24 ноября 2014 г.,
Москва

«ЛОДОЧКА» АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА И НИКОЛАЯ СТАРШИНОВА

Анатолий Шамардин

1. (История от Анатолия Шамардина, записанная Ниной Красновой, вместе с ним, от его лица)

Я познакомился с поэтом Николаем Старшиновым в 1970 году. Сочинил несколько песен на его стихи. Самой лучшей из них, по моему мнению, получилась песня «Все твердят, что ты хорошая...». И по мнению Николая Константиновича — тоже. Я не раз пел её в своих концертах, и в Москве, и в других городах России, и в Германии. И везде она пользовалась неизменным успехом у слушателей. Он очень любил её. И частенько напевал, и у себя дома, и на работе — в альманахе «Поэзия». И очень хотел и мечтал, чтобы она исполнялась, транслировалась по радио и ходила в роде.

Я долго не мог сделать студийную запись этой песни. В 1996 году, наконец, сделал первый черновой вариант, со своей аранжировкой. Прокрутил, продемонстрировал запись Николаю Константиновичу. Она ему очень понравилась, он одобрил её. Но меня она пока не очень устраивала в техническом плане. И я стал доделывать её, работать над ней дальше. И только в июле 1997 года, наконец, довёл её до лада. Позвонил Николаю Константиновичу домой. Но узнал, что его в Москве нет, он уехал отдыхать и ловить рыбу в Тверскую область. А ещё через какое-то время я узнал, что он попал оттуда, прямо из лодки, в которой сидел и ловил рыбу, в больницу и в госпиталь. Я решил поддержать своего замечательного друга и замечательного поэта и выступил с его песней по радио (по программе «Москва и москвичи»). И он слушал её в своей палате, вместе со своей женой Эммой, верной спутницей жизни, и с дочерью Рутой. И был счастлив, несмотря на свою болезнь. А потом я пришёл к нему в госпиталь и принёс и подарил ему кассету со студийной записью этой песни. И прокрутил её ему на магнитофоне несколько раз. Николай Константинович был очень тронут и опять же счастлив. Сказал, что эта песня заряжает его положительной энергией, прибавляет ему сил.

...На похоронах Николая Константиновича Старшинова поэт Геннадий Красников, один из его учеников, сказал мне, что перед Новым годом Николай Константинович просил завести эту песню, говорил: «Шамардина заведите! Шамардина!.. «Лодочку» заведите!».

Меня согревает мысль о том, что моя песня была очень нужна и дорога Николаю Константиновичу и что она скрашивала его жизнь и облегчала его страдания... Он называл эту песню — «Лодочка». Пусть она так и называется теперь.

ЛОДОЧКА

Стихи Николая Старшинова
Музыка Анатолия Шамардина

Все твердят, что ты хорошая,
Что и сам я неплохой...
Вьётся реченька, поросшая
Камышами да ольхой.

А на самой на серёдке
Просветлённая вода.
Мне бы тут с тобой на лодочке
Плыть, неведомо куда.

Плыть не к городу какому-то —
В заповедные места,
Чтоб глаза твои — два омута —
Отражали омута;

Чтоб над солнечными плёсами
Пряди русых твоих кос
Перепутывались с косами
Наклонившихся берёз...

На ветру сосна качается,
Бьётся в купол голубой.
Почему ж не получается
Ничего у нас с тобой?

Камышами да осокою
Речка вся позаросла.
А весной с водой высокою
Наша лодка уплыла...

*16 февраля 1998 г.,
Москва, Альманах «Истоки», 1998–1999*

Нина Краснова

2. (История об Анатолии Шамардине и Николае Старшинове и об их песне «Лодочка», записанная Ниной Красновой от своего лица)

Песню Анатолия Шамардина «Лодочка» на стихи Николая Старшинова я узнала задолго до того, как познакомилась с самим Анатолием Шамардиным. Николай Константинович часто напевал её в редакции альманаха «Поэзия», на Сущевском валу, в 80-х годах, при мне и при других своих авторах, и всегда гордился ею и хвалил её и говорил:

— На меня разные композиторы писали песни... Одну из них поёт Мария Пахоменко: «Река любви, река любви...». А одна песня «Голуби целуются на крыше...» стала чуть ли не народной, и даже стала блатной, её поют зэки в тюрьмах... Но я больше всех люблю песню «Лодочка», которую написал один певец и композитор... Анатолий Шамардин... Жалко, что она не раскручена и никто не знает её... Это самая красивая из всех моих песен, и вообще очень красивая песня. Если бы она звучала по радио, она стала бы очень популярной, как и сам Анатолий Шамардин... Жалко, что она никогда не звучит по радио...»

И Старшинов, который утверждал в стихах: «А у меня ни голоса, ни слуха», — но на самом деле обладал хорошим слухом и приятным голосом и вообще был очень музыкальным человеком и пел частушки под игрушечную гармошку своего внука и даже оперные арии, начинал напевать нам «Лодочку»:

Все твердят, что ты хорошая,
Что и сам я неплохой...

Когда я в 1992 году переехала из Рязани в Москву, а в 1993 году Толя создал целый букет песен на мои стихи, Старшинов, который был нашим с Толей другом, звонил мне и говорил, как он любит Толю, и говорил:

— У него такой голос, исключительно замечательный! Я считаю, что даже лучше, чем у Магомаева! Только Магомаева все знают, потому что он каждый день звучит по радио и всё время выступает по телевидению, по всем каналам, а Толю Шамардина никто не знает, то есть мало кто знает, потому что он не раскручен, как и его песни, и потому что его не пускают ни на радио, ни на телевидение... и он туда и не лезет,

и поёт в основном в ресторанах... растрчивает там себя... А если бы он выступал по радио и по телевидению, его знала бы и любила бы вся страна! И ничуть не меньше, чем Магомаева! Ты уж не обижай Толю...

— Я его не обижаю, Николай Константинович...

Я советовала Толе сделать студийную запись «Лодочки», чтобы Старшинов мог слушать её, а может быть, и демонстрировать по радио, где частенько выступал тогда, на улице Качалова:

— Толь, ты сделал студийные записи уже почти всех наших с тобой песен, которые сочинил в 1993 году, а до вашей со Старшиновым «Лодочки», которую сочинил в 70-каком-то году, у тебя до сих пор руки не дошли. А ведь это такая великолепная, такая чудесная песня! И по мелодии, и по стихам, и по сочетанию мелодии со стихами. И она дорога Старшинову ещё и тем, что он же рыбак и любит ездить на рыбалку и плавать на лодке. Не зря его называют лучшим поэтом среди рыбаков и лучшим рыбаком среди поэтов. А в этой песне он поймал русалку и плывёт с ней на лодочке, по реке. Как говорил его тёзка и товарищ по перу Николай Глазков:

Самые хорошие рыбалки

Там, где в камышах сидят русалки...

В конце концов, в 1997 году, летом, Толя сделал студийную запись «Лодочки», со своей аранжировкой, и позвонил Старшинову домой, а жена Старшинова Эмма сказала, что он уехал в Тверскую область, ловить рыбу и вернётся в Москву через несколько дней. А через несколько дней Эмма сказала, что он сидел в лодке и ловил рыбу, и у него случился инсульт, и что Старшинова прямо из лодки увезли в больницу.

Тогда, чтобы поддержать Николая Константиновича морально, Толя выступил с этой песней по радио, в программе «Москва и москвичи», и Старшинов лежал в палате и слушал её и радовался. А потом мы с Толей приехали к нему в больницу и подарили ему кассету с этой песней и дали ему послушать её на магнитофоне, раз и ещё раз, и ещё раз... Николай Константинович лежал в белой постели, в кровати с перегородкой из проволочной сетки, и не мог двигаться, только шевелил губами и говорил: «Ещё... ещё...» — и лицо у него светилось от удовольствия и от счастья, и глаза улыбались и говорили нам обоим «спасибо».

И когда он умирал уже у себя дома, он всё твердил жене и дочке: «Заведите мне (песню) Шамардина! Шамардина! “Лодочку”!»

Мы с Толей потом вместе пели её в концертах. Толе нравилось, как я подпеваю ему своим альтом.

И по программе «Москва и москвичи» Толя потом не раз выступал с этой песней. А на 80-летие (уже покойного) Николая Старшинова в 2004 году, она звучала по телеканалу «Культура» в фильме о Старшинове (в начале и в конце). И нет такого слушателя, которому она не нравилась бы... и который, услышав её один раз, не хотел бы слушать её снова и снова, ещё и ещё...

16 января 2015 г.,
Москва

(Продолжение историй см. в следующем номере альманаха
«Эолова арфа» № 8, 2014–2015 гг.)

**ПРЕССА И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ
(Часть материалов о нём при его жизни)**

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН — «ЗОЛОТАЯ ИВОЛГА РОССИИ»

В Федерации Мира и Согласия прошёл творческий вечер певца и композитора Анатолия Шамардина, совпавший с выходом в свет его новой компакт-кассеты «Золотые россыпи романса» и одноимённого лазерного диска. Виновник торжества пел для собравшихся русские песни и романсы, песни народов мира на греческом, итальянском, немецком и японском языках и свои авторские песни на стихи Новеллы Матвеевой, Виктора Бокова, Алима Кешокова, Нины Красновой... Аккомпанировали ему гитаристы Анатолий Сёмочкин и Игорь Ламзин. Ведущий вечера, заслуженный деятель культуры и коллекционер редчайших музыкальных записей Валерий Сафошкин сказал: «В Греции, на родине предков Анатолия Шамардина, всё есть. Но там нет такого прекрасного певца, как он. Анатолий Шамардин — золотая иволга России»*.

Нина КРАСНОВА

Июнь 2001 г.

* У Анатолия Шамардина есть его песня на стихи Виктора Бокова «Золотая иволга». — Н. К. 1.02.2015.

«Литературная Россия», № 22, 1 июня 2001 г.

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА В ДОМЕ УЧЁНЫХ

*«Я пропустил свой звёздный час —
Придёт другой...»*

Евгений Бачурин

Весной 2009 года, когда «в горах начинают цвести цветы», как в одной немецкой песне, и когда в Москве «цвели сады», которые цветут «один раз в год», как в одной русской советской песне, певец и композитор Анатолий Шамардин с большим успехом выступал на вечере памяти Валерия Ободзинского в Доме ученых, и тут «что-то случилось» в его жизни, как в песне Ободзинского... а именно: директор Дома ученых, покоренный сладкозвучным теноровым голосом Шамардина, предложил артисту устроить в этой престижнейшей культурной точке Москвы, осенью или зимой, в новом сезоне, сольный концерт.

И вот 18 декабря 2009 года этот концерт состоялся, в Большом зале Дома ученых на семьсот мест. Кое-кто из администраторов сомневался, что Шамардин соберет зал, или даже треть зала или даже один первый ряд. «У нас даже многие очень раскрученные звезды эстрады, которых все в нашей стране знают, не собирают зала... на концерт одного очень популярного певца было раскуплено всего три билета и пришло всего три зрителя, а на концерт одной очень популярной кинодивы было раскуплено всего шестнадцать билетов и пришло всего шестнадцать зрителей... А вас никто не знает, на вас вообще никто не придет! Мы же говорим вам, что у нас даже на раскрученных, которых все знают и которые с утра до ночи выступают по радио и по телевизору и не слезают с экрана, никто не приходит...» — заранее сочувствовали Шамардину ученые администраторы Дома ученых, наученные горьким опытом своей подвижнической культурной деятельности. — «Так эти раскрученные всем надоели, потому на них никто и не приходит... — отшучивался Шамардин. — На них потому никто и не приходит, что их все знают и они уже никому неинтересны. А меня «никто не знает», поэтому на меня-то как раз и придут... чтобы узнать, что я такое...»

В Европе, между прочим, и в Англии и в Америке, сейчас как раз входят в моду не какие-нибудь сверх всякой меры раскрученные певцы, артисты, а недораскрученные в свое время или совсем не раскрученные... И ходить на их концерты, а не на концерты звезд из мира шоу-бизнеса,

избалованных и пресыщенных своей (иногда и незаслуженной) славой, считается особым хорошим тоном и даже высшим шиком.

...Кстати сказать, про Шамардина нельзя сказать, что его совсем никто не знает. В 70-е и 80-е годы он пел в оркестре Леонида Утёсова, работал в Росконцерте, гастролировал по всей России и по всему Советскому Союзу, а в 90-е годы пел в Европе, в Германии, в Греции, выступал в залах, где до него выступали Пако де Люсия и Плачидо Доминго... и везде зрители принимали его на «ура». В 90-е же годы он регулярно выступал по радиостанции «Москва и москвичи», и по «Авторadio»... и по «Эху Москвы»... А буквально несколько дней назад выступал в «Русской службе новостей»... Кто слышал его даже всего один раз в жизни, запоминает его на всю жизнь. Я сама знаю этих людей, которые слышали его всего один раз, даже и лет тридцать-сорок назад, а помнят до сих пор. Потому что его голос уникален, и его не спутаешь ни с каким другим. Как голоса его кумиров, Георгия Виноградова, Михаила Александровича, Рашида Бейбутова, Эмиля Горовца, Клаудио Вилла, Беньямино Джильи, Карло Бутти, Марио Ланца, у которых он учился вокальному искусству, когда слушал их по радио и на грампластинках... Георгий Виноградов когда-то напутствовал Анатолия Шамардина в мир большого искусства и сказал ему: «Молодой человек, вы певец милостью Божьей, вам не надо учиться петь, вы уже поете, как соловей. Пойте!» А Клаудио Вилла прослушал его за кулисами Ленинградского театра, у себя в гримерке, и сказал: «Вы поете итальянские песни в классическом стиле бельканто, как уже сами итальянские певцы не умеют их петь...»

Анатолия Шамардина высоко оценили такие наши авторитетные культурные деятели, как певец Эдуард Хиль, с легкой руки которого Анатолий Шамардин когда-то попал в Ленинградскую филармонию, где и начал свою «карьеру» певца... и Эдди Рознер и Олег Лундстрем, которые хотели взять его в свой оркестр еще студентом института иностранных языков... и Виктор Боков, который написал предисловие к его первой гибкой пластинке, выпущенной в «Кругозоре» в 1974 году... и Людмила Зыкина, которая написала предисловие к его первой долгоиграющей пластинке «Гитары любви», выпущенной фирмой «Мелодия» (кажется, в 1981 году) стотысячным тиражом... и певцы и певицы, которые пели его песни, Ольга Воронец, Екатерина Шаврина, Иван Суржиков, Николай Никитский, квартет «Аккорд»...

ворит организатор его концертов советского времени режиссер Ваграм Кеворков, «буквально носили его на руках», он своим голосом, своим пением оказывал на всех «магическое, завораживающее действие», стоило ему только встать на сцене и открыть рот.

В 1974 году в популярном журнале «Кругозор» вышла первая гибкая пластинка Анатолия Шамардина, с предисловием литературного мэтра, поэта-песельника Виктора Бокова. Потом — долгоиграющая пластинка «Гитары любви», в фирме «Мелодия», с предисловием Людмилы Зыкиной, выпущенная тиражом 100 тысяч экземпляров, который покупатели тут же весь растащили, смели с прилавков, как и два повторных тиража.

В 90-е годы, когда открылся «железный занавес», Анатолий Шамардин жил и работал в Европе, в Германии, Греции. Выступал в залах, где до него выступали Плачидо Доминго и Пако де Люсия. Зарубежная пресса называла его «русским соловьём» и «волшебником из Москвы», причем он никогда не пел под «фанеру», а всегда — только живьем, и даже без микрофона, и до сих пор поет только так, в отличие от телезвёзд, и зрители удивляются, что живьем он поёт так же классно, как на своих пластинках и компакт-кассетах и дисках.

Писатель Виктор Астафьев говорил, что пение Анатолия Шамардина — доставляет радость душе, что это не какая-то «дребезжати́на», которую нам каждый день приходится слушать по радио и по ТВ. Владимир Солоухин говорил, что пение Шамардина — это ни с чем не сравнимое удовольствие, и специально приезжал на его концерты, чтобы отвести там свою душу. Валерий Золотухин пел с Анатолием на сцене ЦДЛа и приходил от его пения в «телячий восторг». Писатель Юрий Кувалдин, главред журнала «Наша улица» говорил: «Анатолий Шамардин поет не сам по себе, а по воле ангелов». Диктор Виктор Балашов вёл по радио передачи о Шамардине и говорил, что Шамардин — это драгоценное явление нашего времени и что не случайно он попал в золотую серию «Золотые россыпи романа» наряду с Георгием Виноградовым, Михаилом Александровичем, Глебом Романовым, Вадимом Козиным, Изабеллой Юрьевой.

Пение Анатолия Шамардина несет в себе позитивную энергию, целительную силу, которая даже тяжелобольных поднимает с постели и ставит на ноги. Но не каждому выпадает счастье услышать Анатолия Шамардина. Потому что он не принадлежит к миру шоу-бизнеса

и не мелькает на экранах ТВ, а поет за их рамками, как соловей в кустах, и его, к сожалению, знают, в основном только те люди, которые бывали на его концертах — в ЦДЛе, в Доме учёных, в Политехническом музее, в Колонном зале, в клубе МВД, или в художественных галереях, в библиотеках, или на Солоухинских праздниках в Оленине Владимирской области, или на Некрасовских праздниках в Карабихе Ярославской области, или на Соколово-Микитовских чтениях в Тверской области, или на фестивале «Русский смех» в Нижегородской области, или на юбилее Шадринска Курганской области, или на литературных вечерах в Рязани... или на вечерах Московского Общества греков в Доме кино, в Доме национальностей и т. д., и на Дне Независимости Греции, или в Корейском или Венгерском центре, или слышали его по некоторым радиоканалам. Но зато кто слышал Анатолия Шамардина, даже если всего один раз, — запоминает его на всю жизнь.

Иногда он поёт в московских ресторанах на свадьбах.

Недавно Анатолий Шамардин выступал в кафе-баре «Территория Солнца», на проспекте Вернадского, недалеко от станции «Юго-западной». Он был в тканой греческой синей рубашке с белым шитьем, в бархатном черном пиджаке и в черных брюках, а шею подвязал итальянским красно-черным шейным платочком... Смуглый, стройный, подтянутый, с экзотической внешностью, с утонченными чертами лица, с яркими, черными, густыми, остроизогнутыми бровями и с искристыми огоньками в карих глазах. Он начал концерт со средиземноморских песен, с двух итальянских тарантелл — «Мой папа играет на гитаре» и «Красивая девушка», с неаполитанских песен «Весёлые крестьянки», «Уличная серенада», «О мое солнце», а потом пел песни на греческом языке — «Поговори со мной», «Лодка в море», «Поздняя встреча», а потом — на немецком, «Когда в горах расцветают цветы», «Привет, друзья», «Гитары любви», и попури из тирольских песен... А потом — на русском, «В городском саду играет духовой оркестр», на стихи Алексея Фатьянова, и несколько песен своего сочинения — «Запах пижмы с косогора» на стихи Валерия Дударева, и «Я не пью и не курю» и «Сон под пятницу», на стихи Нины Красновой. И аккомпанировал сам себе на гитаре и на мандолине. И к каждой песне делал свою короткую устную «врезочку», преамбулу, с шутками, с юмором, с улыбкой, с экскурсами в 50-е и 60-е годы. И, чтобы лучше перевоплотиться в героев своих песен, надевал себе на голову то шляпу с ши-

рокими полями, а-ля мексикано или а ля ковбой, то черную шапочку со спущенными полями, а ля пейзан, купленную в Ярославской губернии. И очень изящно двигался и пританцовывал. И зрители аплодировали ему изо всех сил и кричали «Браво!» и «Спасибо!» и танцевали под его песни... и водили вокруг него хоровод...

Анатолий Шамадрин излучал солнечный свет и тепло и любовь и залил ими всю «Территорию Солнца» и все сердца зрителей. И покори́л всех, и юных девушек и парней, и людей в годах, и весь персонал, от поварих, официанток и уборщиц до охранников и до самого директора, молодого человека, который поднял вверх большой палец и сказал с горячим чувством:

— Я за всю свою жизнь не помню такого яркого, такого теплого и приятного вечера, как сегодня, с таким бесподобным певцом и с такой компанией! Каков певец — такова и его компания! Анатолий Шамардин — звено, объединяющее всех нас! Спасибо ему за всё!

Представительница Московского Греческого Общества, режиссёр театрализованно-массовых представлений Надежда Кузнецова-Шихиди поздравила певца с его новым очередным успехом и сказала:

— Я поражаюсь тому, как Анатолий сумел сохранить свой замечательный голос, который у него сейчас такой же молодой и звонкий, как тогда, когда Анатолий работал в оркестре Леонида Утёсова! Анатолию подвластны не только камерные, но и самые большие залы! И никто не может сказать, что он — не в формате нашего времени и нашей эстрады. Он — в формате, потому что у него всё при нём — и замечательный голос, и замечательный репертуар, и великолепный вкус, и свободная манера общения с залом, и зажигательный лирический темперамент, и — интеллект, и — душа!

Поздравили Анатолия Шамардина и выразили своё восхищение им и его искусством и библиотекари Одинцовской библиотеки, и все, кто присутствовал на концерте, и поэты Владимир Дагуров, Юрий Шуников, Татьяна Шведовская и Нина Краснова, у которой есть вот такие стихи о нём:

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

И вот такие:

Ты по генам и русский, и грек.
И в тебя не влюбиться — грех!
Ты — особого склада и лада.
Русь в тебе говорит и Эллада!

А помогал аккомпанировать Анатолию Шамардину виртуозный гитарист и певец Николай Полубояринов, который во второй части праздника спел несколько заводных песен из своего музыкального багажа, в своем стиле, под занавес, при незакатном солнце «Территории Солнца».

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ГРЕКОВ НА «ТЕРРИТОРИИ СОЛНЦА» (2-й концерт)

— Первый раз за последние месяцы собралось вместе столько московских греков, сколько их собралось сегодня на концерте Анатолия Шамардина! — торжественно сказал представитель Московского Общества греков на концерте Анатолия Шамардина в большом роскошном зале «Территории Солнца», освещённом многорожковыми и многоярусными люстрами и оснащённом суперсовременной музыкальной аппаратурой и не речевыми микрофонами. Как правило, столько греков бывает только на праздниках Дня независимости Греции, которые раз в год проходят то в Большом зале ЦДЛ, то в Доме кино, то в Доме национальностей, то ещё где-нибудь, и в которых, кстати сказать, Анатолий Шамардин всегда принимает участие, как и Ксения Георгиади, и все лучшие артисты московской греческой диаспоры, но там они в выступают «номером» в общей программе, а здесь певец выступил в сольном концерте.

На заднике сцены висели два греческих флага — полосатый бело-синий с белым крестом и желтый понтийский (древнегреческий) с контурным орлом. — Прекрасная символика вечера! Все столы «Территории...», с традиционной сервировкой, с экзотическими блюдами и напитками, покрытые белыми скатертями, были заняты, за ними си-

не похожа. И на тебя никто не похож. Ты — непостижима и неповторима. Ты — самородок. Ты — родная мне душа, по обостренности и безоглядности чувств, по щемящей тоске одиночества. Меня не обманешь лихостью и бесшабашностью некоторых твоих стихов, твоей иногда разухабистостью и резвым поцокиванием каблучков, когда ты поешь свои фривольные частушки, позволяя себе ступить в запретную зону. Это одна из граней твоего таланта. Я и это люблю и едва не пускаюсь в пляс вместе с тобой. Ты, Ниночка, в такие глубины женской души погружаешься, не боишься утонуть. Отчаянная! С годами ныряешь все глубже и глубже, не только в стихах — в эссе, заметках, дневниковых записках. Твои стихи об умершей сестре «Прощай, сестра! Увидимся в аду...» и твои стихи об умершей маме — это не стихи, не поэзия, это что-то горнее, из запредельных высот, где и чувства и помыслы первоизданно чисты. Твоя отвага сродни незащищенности, твоя бравада — отзвук нерешительности. Ты себя не ценишь. Радуешься каждому новому успеху, как в первый раз, не манерничая, не изображая из себя королеву. Но тебя ведь давно уже короновали, ты и Принцесса Поэзии, ты и Королева эротической поэзии. Виват!»

Юрий КРОХИН показал всем свою новую книгу «С оттенком высшего значения», в которой есть глава о Нине Красновой, а там такие строки: «Выросшая в глубинной России (в Рязани), она сохранила очаровательную наивность и непосредственность провинциала, укоренившегося в Москве. Мне нравятся не только ее стихи, но и проза — фрагментарная, похожая на дневниковые записи, где размышления о стихах чередуются с лирическими отступлениями, воспоминаниями о своем детстве. Мне нравится ее естественность, а еще — стойкость и мужество, с которыми она продолжает писать стихи и прозу, идя наперекор нашему совсем не поэтическому времени. Оценив чувственную откровенность Красновой, писатель Сергей Мнацаканян назвал ее эротическим символом российской поэзии. А Валерий Золотухин (в предисловии к ее книге «Избранное») заметил: «Я просто горжусь, что я с Ниной Красновой знаком, что я имею честь быть в ее свите». Присоединяюсь к этим словам».

На вечере присутствовали и выступили со своими похвалами в адрес виновников торжества также поэты Николай ИОДЛОВСКИЙ, Юрий ШУНИКОВ, Татьяна ШВЕДОВСКАЯ, Елена ГЕРИНГ, Татьяна ВАСИЛЬЕВА и другие, и писатель-сатирик Варлен СТРОНГИН, и ак-

компаниатор Шамардина гитарист Николай ПОЛУБОЯРИНОВ, и певица Елена КАЛАШНИКОВА, и дочь Виктора Бокова Татьяна БОКОВА, и культуролог Наталья СКРЫПНИК.

В заключение поэт Виктор ХАТЕНОВСКИЙ сказал: «Редко, очень редко у нас на страницах литературных журналов встретишь в огромной массе стихов что-то стоящее. Но, к счастью, иногда «попадают» очень хорошие стихи. И сегодня мы слышали их здесь — стихи Нины Красновой и песни на ее стихи! Она великолепная поэтесса! А Анатолий Шамардин — великолепный певец и композитор! Спасибо им за этот прекрасный вечер! Я ни секунды не пожалел, что пришёл сюда». С ним согласились все гости и участники праздника, для которых Анатолий Шамардин спел под занавес еще кое-что из своего репертуара, и все вместе с Ниной Красновой подпевали ему и танцевали с ним и с нею, взявшись за руки.

Нина КРАСНОВА

22.03.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН НА I-м КАНАЛЕ ТВ В ПЕРЕДАЧЕ О ЛЕОНИДЕ УТЁСОВЕ «СЕРДЦЕ ПОЁТ»

Вчера по 1-му каналу ТВ в программе «В наше время» прошла интереснейшая передача «Сердце поет...», посвящённая Леониду Утёсову. В ней принимали участие друзья и родственники этого выдающегося артиста, певца, режиссёра, дирижёра и солисты его оркестра разных лет — Бедрос Киркоров, Вадим Мулерман, Анатолий Шамардин, а также народная артистка Алла Азарина, а также (в видеозаписи) Олег Онуфриев, Владимир Трошин, Аркадий Райкин и т.д. А вели эту передачу Ангелина Вовк и Игорь Николаев. К сожалению, я вчера не смогла посмотреть всё это по телевизору, потому что уезжала в Ярославль, но зато потом смогла посмотреть всё по Интернету!!! Великолепная передача! Вы, мои друзья-фейсбукеры, тоже можете посмотреть её по Интернету, если наберете в системе Яндекс вот эти координаты: ТВ 1-й канал 17.00. Передача об Утёсове «Сердце поет».

22 марта 2014 г.

СЕЛЕЗЕНЬ И УТОЧКА
НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ В МОСКВЕ

Музыка Анатолия Шамардина
Стихи Нины Красновой

Чистый пруд с бордюрами. Чистый водоём.
На волнах играя в игры детские,
Селезень и уточка вон плывут вдвоём,
Словно две поделки городецкие.

Селезень и уточка. Что они хотят?
Вместе быть и кайф любви испытывать,
Свить гнездо семейное, завести утят,
По своей системе их воспитывать.

Пара трансцендентная в мире суеты
С встрясками сильнее, чем в Армении,
Селезень и уточка — это я и ты.
Это я и ты... в прошедшем времени.

*2003 г.,
Москва*

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ

Анатолию Шамардину

Ты сладкозвучно песню пел о ямщике.
Слеза слезала по моей щеке,
Прозрачную букашкой слезала.
Собака языком слезу мою слизала,
Чтоб я не плакала об этом ямщике.

Ямщик «в степи глухой» под снегом замерзал.
Весь радиоэфирный замер зал,

Героя происшествия жалея
И знать во всех, во всех подробностях желая,
Как он «в степи глухой» под снегом замерзал.

Я песню слушала твою о ямщике.
Слеза слезала по моей щеке.

*30 сентября 2003 г.,
Москва,
15.30*

СОЛИСТ ОРКЕСТРА УТЁСОВА

1.

Из оркестра Утёсова ты — «тенорист»*.
Путь в искусство не прост у тебя и тернист.
И певца сладкозвучней не сыщешь окрест.
А плохого не взяли бы в этот оркестр.

*2007 г.,
Москва*

* «Тенорист» — тенор (*устар.*).

2.

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

*2005 г.,
Москва*

ПЕСНЯ

(Омофон с разноударной
начально-конечной рифмой)

*Анатолию Шамардину —
автору песни на стихи Виктора Широкова
«Утоли мои печали»*

УТОЛИ свои печали У ТО́ЛИ.

*7 декабря 2013 г.,
Москва*

БУМАЗЕЙНАЯ РУБАШКА

Моя квартира — вроде как музейная.
Один артист нанёс сюда визит.
Его рубашка бумазейная
В моем шкафу на плечиках висит.

Артист прижился этот у меня
И в роли друга здесь полгода жил,
Удачно амплуа своё сменя,
И новой ролью очень дорожил.

Теперь артист уехал на гастроли,
И, нет, не разменялся на херню,
В какой не знаю выступает роли,
Но память об артисте я храню.

Из этой он посуды ел
И в чашку сахар насыпал,
За этим он столом сидел,
На этом стуле он сидел,
На этом он диване спал...

Моя квартира — вроде как музейная.
Один артист нанёс сюда визит.
Его рубашка бумазейная
В моем шкафу на плечиках висит.

*26 апреля 1994 г.,
Москва, Перово*

СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

*Диагноз, поставленный врачами Сходненского морга
новопреставленному Анатолию Шамардину:
острая коронарная недостаточность.*

1.

Человек с сердечной избыточностью
чувств
ко всему миру
умер от сердечной недостаточности
чувств
этого мира к нему,
не мира близких людей, друзей, зрителей,
которые любили и обожали его,
а мира неблизких людей,
которые не ценили его
как человека
с его уникальным талантом певца,
данным ему от Бога,
а кто не ценит такого человека,
грош тому цена,
если говорить перифразированными стихами
Кирилла Ковальджи.

2.

Человек с избыточной сердечностью
ко всему миру
умер от недостаточной сердечности
этого мира к нему...

*3 мая 2014 г., 16:00,
Сходня — Москва*

МОЕМУ ВЕЧНОМУ ДРУГУ,
ЛЕЖАЩЕМУ В МОГИЛЕ
НА НОВОСХОДНЕНСКОМ
КЛАДБИЩЕ

Я вспоминаю все твои словечки,
Все шуточки весёлые твои,
Альбомы песен, диски слушаю твои
И за тебя в церквях московских ставлю свечки

И чувствую, что ты со мною рядом,
Мой постоянный спутник жизни, вечный друг.
Ты превратился, нет, не в прах — в незримый дух,
И днем и ночью ты везде со мною рядом.

И знаешь ты, что я не склонна к блуду,
И знаешь ты, что я тебя люблю,
Что я тебя всегда любила и люблю,
И я тебя любить до самой смерти буду,

До самой смерти не твоей — своей...

*5 и 7 мая 2014 г.,
Москва — Сходня — Москва*

ПЕСНОПЕВЕЦ
АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН
ПОКИНУЛ ГРЕШНУЮ ЗЕМЛЮ
И СВОЁ ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ
НА УЛИЦЕ ОВРАЖНОЙ В ХИМКАХ

По телефону ты ни с кем
с утра сегодня больше не болтаешь.
Ты оторвался от земли,
Взлетел над Сходненской горой
и к Богу в Рай на небо улетаешь,

В овраг забросил вереву,
которой связан с нашим миром бранным.
Ты будешь жить теперь в Раю
И будешь песни петь в Раю
теперь не разным людям бранным энным,

А разным ангелам святым,
в саду, в цветах, под яблонями Рая,
Ты будешь райской птичкой петь,
Без микрофона слышный всем,
и будешь вечно жить, не умирая.

*8–9 и 15 июля 2014 г.,
Москва*

ТЫ ТЕПЕРЬ НЕ СМОЖЕШЬ МНЕ ЗВОНИТЬ

Ты теперь не сможешь мне звонить.

Не смогу и я тебе теперь звонить.

В этом надо Смерть твою неожиданную винить —

Ну а больше в этом вроде некого винить.

Никакого нет с тобой теперь у нас контакта.

Это всё ужасно, и ужасно странно как-то.

Нет привычной каждодневной телефонной связи

У кого? — у селезня и уточки-связи*.

Я держу в руках мобильник твой.

Сохранился там, смотри-ка, номер твой.

А твоя могилка покрывается травой,

Муравьям на радость покрывается травой.

10–11 октября 2014 г.,

Москва — Сходня — Москва

* Связь — название породы уток. — Прим. Н. К.

НА ПОСЕЩЕНИЕ МОГИЛКИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Я тебя, твою могилку

в воскресенье посету,

У твоей оградки сяду,

птичкой певчей посвищу

И тебе одну из лучших

новых песен посвящу.

О тебе и днём, и ночью
я тоскую, вот о ком.
Я приду к тебе с повинной,
в белом платъице в таком.
И с могилки — в знак привета -
ты помашешь мне цветком...

*14 и 21 июля 2014 г.,
Москва — Сходня — Москва*

СВИДАНИЕ ВИЗАВИ

Вези меня к нему, автобус дорогой,
Вези меня моей накатанной дорогой,
К нему в Фирсановку вези меня, вези
На наше с ним свидание визави.

Вези меня к нему, автобус дорогой,
Вези меня моей заплаканной дорогой,
К нему на кладбище вези, вези, вези
На наше с ним свидание визави.

*30 ноября 2014 г.,
Москва — Новосходненское кладбище — Москва*

**СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА НИНЫ КРАСНОВОЙ
ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ
(Фейсбук и Живой Журнал 2014 года)**

Нина Краснова

07.01.2014, 23:50 (Из фейсбука и из Живого Журнала Нины Красновой)

РОЖДЕСТВО В ПЕРОВЕ С ЗОЛУХИНСКОЙ ВОДОЧКОЙ

Рождество 2014 года я отпраздновала у себя дома, в Перове, вместе со своими друзьями, которые пришли ко мне в гости. Их было трое — певец и композитор Толя Шамардин, писатель и критик Эмиль Сокольский и молодая поэтесса Саша Ирбе. А всего нас, значит, было четверо. Как говорится, все свои.

Мы сели за стол, накрытый красной белоклетчатой скатертью с белыми ромашками по всему фону. И выпили за Рождество. И за нашу встречу. И за здоровье друг друга. По стопке раритетной водочки «Калужская Театральная Ревизорская», из бутылки в деревянном футляре, с подстеленной под неё соломкой. Бутылку эту когда-то подарил мне Валерий Золотухин, на Таганке, не когда-то, а 15 марта 2008 года, прямо в день моего рождения. И она простояла у меня дома 5 лет и без недели десять месяцев, и я до сих пор не выпила её, потому что считала, что для этого нужен какой-то особый повод, а такого повода у меня до сих пор не было, не представилось за 5 с лишним лет, и вот теперь я решила, что повод для этого наконец-то появился и что настало время «почать» эту бутылку.

Водка оказалась высокосортная, как и следовало ожидать, и очень крепкая. Мы выпили всего по одной рюмочке — продегустировали её, так сказать, и закусили приготовленным мной винегретом и бутербродами с «Купеческой» колбаской... А потом я подала к столу сваренные мной щи по-солотчински и по-нинокрасновски... попробовать которые мечтает сейчас каждый, кто читал про них в моём фейсбуке и видел меня на фотографии с кастрюлей моих щей. Саша сказала, что она никогда нигде не едала таких вкусных щей! И Толя с Эмилем тоже похвалили мои щи и меня. И мою водку и мой винегрет... А Саша ещё

и удивилась, что поэтесса Нина Краснова умеет не только стихи писать, но и кулинарничать.

...Что делают творческие люди, сойдясь в один круг? Естественно, говорят о поэзии, об искусстве, рассказывают интересные истории и смешные анекдоты и, естественно, читают стихи и поют песни и танцуют. То же самое делали и мы.

Эмиль стал читать наизусть мои стихи из книги «Потерянное кольцо» 1986 года и из книги «Семейная неидиллия» 1995 года («Нина, помогай мне, если я собьюсь на какой-нибудь твоей строчке») и прочитал их почти без запинки, а я помогла ему, и мы прочитали их в два голоса, дуэтом:

* * *

Парк от листьев жёлт и оранжев,
От дождя просветлён и мокр.
Милый, брось, не жалей, что раньше
Ты меня повстречать не мог. (...)

...Я тебя не смогла бы так же,
Как теперь, полюбить тогда.

* * *

Будешь, следуя всяким программам,
В чёрном теле меня держать?
Мне любовь отпускать по граммам
И над каждым граммом дрожать? (...)

...Подавись своею любовью!
Я не сяду на твой паёк!

И:

* * *

Я гулять не буду с блядуном.
Он, блядун, мечтает об одном:
Как бы с кем ему поблядовать... (...)

...Я любить не буду блядуна,
Лучше вечно буду я одна!

— Ну как тут выкинуть из песни слово «блядун» и производный от него глагол, как выкинуть эти слова, которые нечем заменить? — прокомментировал Эмиль это моё целомудренное стихотворение, помня официальный запрет на четыре слова и на производные от них слова.

— А куда выкинешь вот из этого шуточного куплета Нины Красновой орфоэпические ассоциации с одним из четырёх слов? — в пан-дан Эмилю сказал Толя Шамардин и прочитал мой куплет из книги 2003 года «Цветы запоздалые»:

Слушал Пьеху я по «Эху...»,

Слушал, эх, по «Эху...» я!

Я люблю Эдиту Пьеху,

Уважаю Пьеху я.

Кстати сказать, специалист по великорусскому, в том числе и по неподцензурному языку, Женя Лесин недавно сказал мне в ПЕН-Клубе, что это гениальные строки, а мнению Жени Лесина я не могу не доверять.

А потом мы послушали на дисках несколько песен в исполнении певцов мирового класса, итальянца Карло Бути, американца Алена Боули и американца Пата Боне, которых у нас в стране почти никто не знает, в отличие от тех «наших» отечественных певцов из шоу-бизнеса, которых у нас знают все, потому что их всё время показывают по телевизору, но которые в подмётки не годятся тем, которых у нас почти никто не знает и рядом с которыми почти ни один наш эстрадный певец не заслуживает называться певцом, стыдно... Под Боули мы ещё и потанцевали, обнявшись вчетвером, хотя танцевать у меня дома негде, и повернуться и «развернуться в марше» негде, потому что везде у меня шкафы с книгами и рукописями и теснота невообразимая. А Толя Шамардин, которого Эмиль справедливо называет не иначе, как «Голос России» и «Золотой Голос России», прокрутил нам компакт-диск с песней в своем исполнении — «Гитары любви», которую он пел когда-то в оркестре Леонида Утёсова и которую записывал на фирме «Мелодия» без всяких дублей и без спецаппаратуры и без спецэффектов, под живой оркестр. А потом Толя на пару с Эмилем спели старинный русский романс «Дремлют плакучие ивы», а потом мы все спели

под гитару, под аккомпанемент Толи Шамардина, романс на стихи моего земляка Якова Полонского «Костёр», и песни на стихи Алексея Фатьянова «Духовой оркестр», «Ромашка моя», «Где ж ты, мой сад?», и моего институтского учителя Евгения Долматовского «Сормовская лирическая» («Под городом Горьким, где ясные зорьки, в рабочем посёлке подруга живёт»)..

А потом Эмиль читал нам вслух стихи из книги Сергея Арутюнова «Апдейт», а я — стихи из книги Саши Ирбе «Прощание», которую она подарила мне...

И мы говорили о поэзии, об искусстве, о музыке, о театре, и рассказывали интересные весёлые истории и смешные анекдоты... И пили чёрный цейлонский байховый листовый чай «Эрл Грей» («Earl Grey») с пастилой, со сливовым желе в шоколаде, с воронежскими пряниками и ели мандарины и груши... А телевизор не включали, даже и забыли, что он есть.

...А бутылку с золотухинской водочкой мы не стали пить до дна, оставили её до нового хорошего повода, помянув Золотухина и пожалев, что он не может составить нам компанию и что мы пьём его бутылку без него. Впрочем, ему — как незримо присутствующему с нами таганскому Домовому — я налила зелёную коньячную рюмашку и поставила её в укромный уголок стола и положила на неё кусочек белого хлеба с греческим сыром «Фетакса».

23.01.2014, 20:15. (Из фейсбука и Живого Журнала Нины Красновой)

ПЕРВАЯ РАДОСТЬ В НОВОМ ГОДУ ПО СТАРОМУ СТИЛЮ

За несколько дней до Старого Нового года у меня вышел из строя и перестал работать мой компьютер «Dell», который я купила всего год с лишним назад, в конце февраля 2013 года, после того, как у меня вышел из строя и перестал работать мой компьютер «Asus», на котором я тогда готовила для печати новый номер альманаха «Эолова арфа», посвящённый Андрею Вознесенскому.

Ах, ах! Что делать?! Как и тогда, вся жизнь у меня теперь остановилась вместе с компьютером. Я не могла ни тексты на клавиатуре набирать, ни фотографии просматривать на экране монитора, ни в свой

электронный почтовый ящик не могла влезть, чтобы найти там и прочитать письма от кого-то из моих друзей или написать письмо кому-то, ни в фейсбук, ни в Живой Журнал войти не могла... А главное — я подумала, что теперь пропали с внутреннего жесткого диска все мои материалы за 2013 год, и все мои фотосессии, которые я не успела сохранить на флэшках и дисках, и все мои стихи, и вся моя проза. Для меня наступил конец света!

Но мой друг Толя Шамардин в первый же день Старого Нового года привёл ко мне домой своего давнего друга Володю Двуреченского, флейтиста, с которым он в 90-е годы работал в японском ресторане «Саппоро» на проспекте Мира и который — не только великолепный музыкант, но и потрясающий мастер по компьютерам, мастер высочайшего класса! Он с детства увлекается техникой. И лет в пятнадцать сам изобрёл синтезатор, раньше, чем его изобрели японцы.

И вот этот Володя покопался в моём компьютере, подключил к нему какие-то свои устройства и... так сказать, привёл его в чувство и в нужную форму и заставил его работать, и обновил все программы моего Виндова и вставил туда систему антивируса... и сказал, что ничего у меня с диска не пропало, вся информация там цела... Более того... он увидел на тумбочке мой старый компьютер «Acer» и спросил: «А это что за компьютер?» — «Да это тот, который «сломался» у меня год назад...» — «Он старый?» — «Да нет, 2009 года. Не старый, но... он не работает...» — «Подох?» — «Ну да... Я всё хотела выбросить его на помойку, но... мне его жалко... И я подумала, что, может быть, когда-нибудь кто-нибудь проверит в нём мой жёсткий диск и посмотрит: может быть, там на нём сохранилось что-то, какая-то часть моей информации?» — «Выброси его не на помойку, а мне, в мои руки... Я реанимирую его...» — Володя подключил к нему свои устройства... и компьютер ожил...» Володя сказал, что на диске если и не всё, то многое сохранилось. Скопировал мне всё оттуда на мой «Dell», на «рабочий стол» моего «Dell»-а... И мы сели за стол — я, Толя Шамардин и Володя Двуреченский — и отметили успех этого дела. И заодно отметили Старый Новый год. Я сделала винегрет, отварила сосиски, пожарила и подала к столу яичницу с зеленью... И мы выпили под эту знатную закусочку по рюмке золотухинской «Калужской Театральной Ревизорской» водки, разбавив ее малиновым сиропом, чтобы она легче и лучше пилаась и меньше походила на водку, а больше походила на морс.

А потом выпили чаю с самарскими коробочными конфетами-ассорти «Волшебная нежность» и с хлебом «Чиабата», помазав его «президентским» маслом... И 15 января Володя приехал ко мне сделал что-то еще нужное с моим компьютером... и, кстати, сказать, привёл в порядок мой принтер и сканер, который у меня почти год не работал...

Да, не перевелись у нас в стране свои Кулибины — всех дел мастера, Золотые Руки. И до сих пор Российская земля рождает «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов», и они есть среди моих и наших с Толей Шамардиным знакомых и друзей.

30.01.2014, 19:17. (Из фейсбука Нины Красновой)

ХУДОЖНИК БОРИС ВАСИЛЬЕВ-ПАЛЬМ НАПИСАЛ НОВЫЙ ПОРТРЕТ ПОЭТЕССЫ НИНЫ КРАСНОВОЙ

1.

Вчера мы с Толей Шамардиным принимали у меня в Перове нашего званого гостя — художника и поэта из Керчи Бориса Васильева-Пальма, автора наших с Толей портретов, с которым не виделись года три. Когда-то я познакомилась с Борисом в журнале «Юность», на выставке его работ, и подарила ему свою книгу «Семейная неидиллия» (1995), и он, потрясенный и впечатленный этой моей книгой и лирической смелостью моей поэзии, написал целый цикл своих стихов, навеянных моими стихами, и посвященных мне, многие из них — с присущим ему юмором и эпатажем:

В Клубе поэта Красновой
Каждый Краснову приемлет.
Только совсем уж хреновый
Член в этом Клубе задремлет.

И, как истинный художник, Борис Васильев-Пальм тогда захотел написать и потом написал — цветными мелками и пастелью — мой портрет: Нина в белой панамке, который я вставила в свою книгу частушек «Залёточка». А когда Боря познакомился с Толей, то и его портрет написал: Толя с гитарой. А потом написал и еще один мой пор-

трет: Нина в мантии принцессы поэзии «МК» и с веночком на голове. И сказал мне тогда: «Бог любит Троицу. Я должен написать и третий твой портрет». И вот вчера он привёз и подарил мне третий мой портрет, на котором я сижу не анфас, как на двух предыдущих, а в профиль, в бейсболке с длинным козырьком, и смотрю ввысь*.

Я по такому случаю сварила фирменные солотчинские щи, гречневую кашу, Толя помог мне закупить продукты к столу, и мы устроили званый обед со щами и кашей и чаепитие с зефиром в шоколаде и с конфетами «Белиссимо». И отлично посидели! И нам было о чем поговорить. О литературе и искусстве, о жизни, о России, о Крыме, об Украине... Толя Шамардин, который бывал на Украине и в Керчи с гастролями, когда еще работал в оркестре Леонида Утесова и у которого в Киеве живёт дядька, спел своим воздушно-легким, обольстительным теноровым голосом песню на украинском языке «Ехал казак за Дунай...».

Борис Васильев-Пальм — по одной своей линии — потомок известного в XIX веке переводчика Тхоржевского, автора стихов «Легкой жизни я просил у Бога,/Легкой смерти надо бы просить», а по другой линии — потомок дворянина по фамилии Пальм, петрашевеца, который вместе с Достоевским был приговорен к смертной казни и вместе с ним стоял на эшафоте, но был помилован. Когда-то я сказала Борису: «Борь, тебе надо к своей фамилии Васильев приделать еще одну — вторую — фамилию, через черточку (через дефис), чтобы тебя не путали с твоим тезкой и однофамильцем писателем Борисом Васильевым. Кстати, многие дворяне носили двойные фамилии». — «Какую вторую фамилию мне приделать к своей фамилии Васильев — Тхоржевский или Пальм?» — «По-моему, лучше — Пальм. Она покороче, а Тхоржевский — длинновата для двойной фамилии, да и трудновата по своей фонетике, хуже запоминается, чем Пальм». И Боря стал Васильев-Пальм.

2.

Родился-то Борис Васильев-Пальм не в Керчи, а в городе Кировске Мурманской области, в 1939 году. Три года служил в Советской Армии. Потом учился на факультете журналистики в Ленинградском университете и в Московском, куда перевелся из Ленинградского. По окончании университета был спецкором «Комсомольской правды», репортёром и фельетонистом. В 1972 году поступил в Ленинградский институт

(теперь академия) живописи и архитектуры им. Репина, учился на графическом факультете. В 1979 году получил диплом художника. Работал в мастерских Ленинграда и Мурманска. А в 1986 году (по семейным обстоятельствам) переехал в Керчь, где и живёт до сих пор.

Он — автор персональных выставок в Керчи, Симферополе, Евпатории, Екатеринбурге, Москве. Многие его картины уехали за границу — в Париж и Джакарту.

В 2001 году вышла в свет книга стихов Бориса Васильева-Пальма «Хлам Васильева Блаженного», в 2004 году — «Пером... Карандашом... Кистью...». К тому времени, после развала СССР, Крым стал считаться за границей, как и Украина. И Борис Васильев-Пальм поневоле «вдруг иностранцем оказался в одночасье», о чем и написал с горечью и болью:

Я счастья не искал в заморских странах
И от судьбы своей не уходил,
За что же от её кульбитов странных
На старость в иностранцы угодил?

И:

Не беда, что ты талантливый не самый,
Бедный пасынок славянских двух держав.
А беда, что под чужими небесами
Оказался, никуда не уезжав...

В 1-м номере альманаха «Эолова арфа» (в 2009 году) я опубликовала поэму Бориса Васильева-Пальма «Глядя в сторону России из Крыма», это крик души гражданина России, который — беспардонно, всей душой — любит и Россию, и Украину, и не знает, кем считать себя теперь, когда Украина для России — уже отломанный ломоть.

3.

В студентках Литературного института я была замужем за украинцем, за студентом Литературного института, русскоязычным поэтом с Украины, который родился в городе Каменец-Подольском, в Западной Украине, а жил в городе Днепродзержинске Днепропетровской области. Мать его работала в школе учительницей украинского языка. И от них обоих я слышала много украинской речи и научилась пони-

мать украинский язык: «Бачили очи, шо выбиралы», — говорила мне мать моего мужа про моего мужа, а своего сына, который был не подарком для меня.

Украинский язык, особенно в какие-то моменты, казался мне для моего уха смешным, я считала, что это почти русский язык, только какой-то искарёженный, осмешнённый: «Ты ж минэ пидманула, ты ж минэ пидвыла...», «Скільки тобі рокив? Стильки!»

Оказывается, и Борису Васильеву-Пальму этот язык временами кажется смешным, и не только ему.

Как, например, украинский перевод пушкинской строки «Паду ли я, стрелой пронзенный?», который звучит так:

Паду ли я, «дрючком пропэртый»?

А порою какие-то украинские слова и фразы на русском языке, выглядят не только смешными, но и «неприличными».

Как, например, русская фраза «они припозднились и работают», которая на украинском языке звучит так:

«Вони припизднились и роблять, припизднились и роблять»...

Или — глагол «посчитай», на украинском языке он звучит так: «порахуй» (с ударением на последнем слоге).

А «я считаю, ты считаешь, она считает, мы считаем, вы считаете, они считают»:

я рахую
ти рахуєш
він, вона рахує
ми рахуємо, рахуєм
ви рахуєте
вони рахують

Ну, это почти как японский и китайский язык со словами на букву «х», которые на японском и китайском языках — это нейтральные слова, а на нашем русском — смешные и «неприличные», со своей стилистической окраской, как, например, провинция Ан-хуй, «мастер Ху сказал», или «сукияки», Йокасуки и так далее.

Кстати сказать, в спектакле «Театральный роман» по Булгакову, Золотухин в роли режиссёра Ивана Васильевича спрашивает у молодого романиста: «Как будет по-украински слово «кит»? — «Кот», — отвечает тот. — «А кот?» — недоумённо спрашивает Золотухин. — Кыт»...

На самом деле украинский язык, как, между прочим, и польский, наверное, ближе по своим корням и по остаткам корней к древнерусскому языку, чем русский язык, и, может быть, русский язык на украинское ухо звучит ещё смешнее, а иногда и неприличнее, чем украинский на русское ухо?

...Мы с Борисом Васильевым-Пальмом и Анатолием Шамардиным на наших «посиделках» весело и безобидно посмеялись над некоторыми казусами лингвистики, над переводами некоторых слов с русского языка на украинский (паду ли я, «дрючком пропёртый», и вони «припизднились и роблять»).... И пожалели, что Украина с Крымом для нас теперь за граница, Ближнее Зарубежье, а Барак Абама вчера (по ТВ) даже назвал ее новым Штатом Соединенных Штатов Америки. Увы и ах!

...А мой новый портрет, который нарисовал и подарил мне Борис Васильев-Пальм, я, пожалуй, поставлю на обложку своей новой книги.

* Этот портрет стал обложкой 1-го тома моей книги «Тайна», которая вышла в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» в августе 2014 года, уже после смерти Анатолия Шамардина, о которой мы тогда, в январе 2014 года, и не думали и которую тогда ничто не предвещало. В книгу, наряду с другими моими стихами, вошли стихи моего цикла «Поминальные свечи Анатолию Шамардину». — Н. К. 2.02.2015.

** Для Анатолия Шамардина встреча с Борисом Васильевым-Пальмом 29 января 2014 года оказалась последней в жизни, как и для Бориса Васильева-Пальма — встреча с Анатолием Шамардиным. — Н. К. 2.02.2015.

*** Анатолий Шамардин очень высоко ценил Бориса Васильева-Пальма не только как художника, но и как поэта, обладающего большим техническим мастерством, а кроме того и потрясающим чувством юмора, присущим и самому Анатолию, который часто читал вслух его стихи, а некоторые читал и своим друзьям по телефону, чтобы настроить их на весёлый лад:

Куда бабё-то подевалось,
Которым нужен был мой фаллос?
Да, я седой, с кривым плечом.
Ну а фаллос то причём? — Прим. Н. К.

2.03.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАСЛЕНИЦЫ

К концу Масленицы я закончила набирать (вчера) на компьютере свой большой труд, который написала и отпечатала на машинке ещё в 1997 году, но который лежал у меня в архиве мёртвым грузом целых 16 лет, заметки о поэзии Андрея Вознесенского, получилось 3,5 авторских листа. Всё это мне надо ещё подредактировать, потому что кое-какие страницы, переполненные восторгами и восклицательными знаками, мне сейчас почему-то неудобно читать. В последний день Масленицы я уехала в гости на блины, в Подмосковьё, на Сходню, в приятное и родное для меня общество, к моему другу, певцу и композитору Толе Шамардину, чтобы оторваться от компьютера, за которым я сидела с утра до ночи целую неделю, и даже больше, и на который у меня уже глаза не глядят. И вот на фотографии я сижу за столом с блинами, которые сама пекла по солотчинскому рецепту моей покойной матушки и которые я люблю есть больше всего не со сметаной, не со сливочным маслом, не с мёдом, не с вареньем, а с молоком, как в детстве. Сворачиваю блин трубочкой, окунаю его в чашку с молоком и ем, запивая молоком, и вспоминаю своё детство и свою матушку, Царствие ей Небесное. Один блин получился у меня с узором, похожим на цветок. Хороши блины! И Толе Шамардину они понравились!

16–17.03.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

ОЧЕРЕДНОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НИНЫ КРАСНОВОЙ С ТОЛЕЙ ШАМАРДИНЫМ И К*

Вообще-то я никогда не отмечаю свои дни рождения, не созываю гостей к себе домой и не хожу ни к кому в гости. И не считаю этот праздник каким-то особенно радостным для себя, потому что в этот

* Мой очередной день рождения 15 марта 2014 года оказался последним, который я встречала вместе с Толей Шамардиным, а Толя со мной. — Н. К. 2.02.2015.

день я могу сказать себе: «Вот и стали мы на год взрослей». А я даже в детстве своем, в отличие от детей, которые мечтают скорее стать взрослыми, большими, никогда не мечтала стать взрослой, стать большой, я хотела всегда оставаться маленькой девочкой и играть в куклы и в три годика спрашивала свою матушку: «Матушка, а я всегда буду такая маленькая, как сейчас? А ты всегда будешь такая молодая, как сейчас?» — «Да», — отвечала мне моя матушка, успокаивая меня. А когда мне исполнилось четыре года, я переживала о том, что мне уже не три года, а четыре, а в пять лет переживала, что мне уже не четыре года, а целых пять лет... а в тринадцать лет я с ужасом думала: как же мне уже много лет. И помню, я стояла в магазине игрушек и плакала оттого, что я уже такая большая и не могу кататься на маленьком трехколесном велосипеде, который стоял на витрине, и скоро уже не смогу играть в куклы, в которые играла со своей сестрой с двух лет, потому что скоро стану совсем большой. Моя мудрая матушка всегда говорила мне: «Никогда не считай свои года, и ты всегда будешь молодой и всегда будешь ребенком в душе». И я никогда не считаю свои года и всю жизнь чувствую себя в душе ребенком, к тому же я у нас в семье всегда была самая младшая (младше своих братьев и своей сестры), и у меня сложилась психология младшей сестры, которую все в семье всю жизнь считают маленькой, сколько бы лет мне ни исполнилось.

...Свой очередной день рождения, 15 марта 2014 года, я встретила в Театре на Таганке, так сказать, на миру, где, как говорится, и смерть красна. Туда пришли мои друзья, Шамиль и Лена Хазиевы, Толя Шармардин, Наташа Скрыпник... И, поскольку я, совмещая приятное с полезным, в этот день (то есть в этот вечер) продавала в фойе на Таганке книги Золотухина, купили у меня несколько книг Золотухина, чтобы поддержать мой «бизнес», и принесли мне свои подарки и сфотографировались со мной. А после третьего звонка мы все пошли на премьеру спектакля «Гроза Двенадцатого года». А потом еще выпили чаю в верхнем буфете Таганки, с бутербродами, кто с сыром, кто с красной семгой. А потом пошли в ближайший «Шеш-беш» и сидели там до самой ночи, и ели азербайджанские блюда, кутабы с зеленью, люля кебаб с овощным салатом, с чуреками, кто что, и пили из прозрачных стеклянных стаканчиков в форме маленьких кувшинчиков азербайджанский чай со сладостями, и выпили по фужеру светлого вина «Шар-

о-ов!» — «Выпейте карвалолу... Успокойтесь...» — «У меня нет никакого карвалола... Я не держу у себя дома никаких лекарств, и не поможет мне никакой карвалол!» — «А где живёт Анатолий Шамардин?» — «На Сходне, на Овражьей улице...» — «Это где новые дома?» — «Да.» — «А почему он оказался в Химках?..» — «У него там сын живёт. Толя шёл к сыну (свои песни с плёночных кассет на цифровые диски переводить, отцифровывать)... и не дошёл. Что с ним случилось?!...» — «Побоев, телесных повреждений на нём не видно. Люди во дворе сказали, он шёл-шёл и присел под деревом... И сидит и не двигается. Люди сначала подумали: ну, может, устал человек и присел отдохнуть... или выпил человек... на праздник...» — «Толя не пьёт...» — «Потом забеспокоились, подошли к нему поближе — а он сидит под деревом и не дышит, рядом с ним — тележка на колёсах... Тогда они вызвали скорую... А он уже умер». — «Он хотел приехать ко мне, привезти мне картошки для щей, чтобы я щи сварила... а по дороге решил зайти к своему сыну...» — О-о-о-й, Толечка! И тут же я позвонила сыну Толи Олегу... Олег сказал, желая успокоить меня и себя: «Может, кто-то нас разыгрывает... Сейчас пойду посмотрю...» Через минуту сказал мне: «Да, отец сидит под деревом... шапка у него надвинута на лоб, лицо опущено...». Через час я приехала в Химки, на Юбилейную, 49, на попутной машине, которую не сразу смогла поймать (никто из таксистов, ни из частников не хотел ехать из Перова в Химки, да ещё через пробки, только один добрый человек Назим согласился, за 1 тысячу рублей), а Толю к этому времени уже увезли в морг, на Сходню...

Олег показал мне дерево, под которым сидел Толя, который там уже не сидел, его увезли в мо-о-орг, на Сходню. Сегодня мы с Олегом и с женой Олега были в этом морге. И в бюро ритуальных услуг. Заказали — с золотым крестом на крышке — гроб Толе Шамардину, самый красивый, благородного бордового цвета, который — такой цвет — нравится (нравился) Толе, заказали венки с бордовыми и белыми цветами, траурные ленты, Олег со своей женой Леной — ленту «От родных и близких», а я — «Со скорбью и горечью прощаюсь с тобой», ещё мы заказали высокий коричневый деревянный крест, ещё купили там же новое нательное бельё Толе, трусы и майку, и тапочки, а новые носочки и новый платочек принесли ему с собой. Похороны мы заказали на среду, на 30 апреля. В 12 часов дня встречаемся в ритуальном зале и оттуда везём Толю на Новосходненское кладбище, на специальном

автобусе... Олег и его жена хотели было кремировать Толю (это бесплодней и дешевле), но я сказала — не надо кремировать, надо положить его в землю...

...Весь свет мне не мил без Толи Шамардина... И я плачу о Толе горючими слезами, неутешными слезами...

Сотрудница морга дала нам справку с диагнозом, отчего умер Толя Шамардин, от острой коронарной недостаточности, от обширного инфаркта и от бляшки в сосуде, от тромба. Она сказала, что Толя умер мгновенно и даже не успел почувствовать этого. Но всё же он почувствовал, что ему стало плохо, раз он решил присесть под деревом?

Божий человек был Толя Шамардин. Если есть на свете безгрешные, чистые люди, то это — он. И умер он лёгкой смертью на Красную Горку, в Божий праздник, на Радуницу. И никого собой не мучил.

Народу на похоронах будет, конечно, мало. Кто поедет провожать почившего Раба Божьего (к тому же и незнаменитого) в такую даль. Да и зачем много народу? Ни к чему этот театр с толпами и с конной милицией, и с речами чиновников и с телекамерами.

...Недавно Анатолий Шамардин выступал по 1-му каналу ТВ в передаче о своём учителе и покровителе Леониде Утёсове... (Первый раз и последний раз за всю свою жизнь 21 марта 2014 года.)

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев:

Евгению Степанову, Евгению Лесину, Раде Полищук, Тамаре Жирмунской, Славе Лёну, Надежде Кондаковой, Шамилю Хазиёву, Владимиру Двуреченскому, Зульфие Алькаевой, Людмиле Осокиной, Сергею Каратову, Инне Богачинской, Клавдии Луниной, Галине Богачеко, Таткас Таткас (Наталье Сафроновой), Ольге Журавлёвой, Елене Исаевой, Александре Казарновской, Наталье Ахпашевой, Татьяне Бориневич, Марине Шиловой, Надежде Кузнецовой, Татьяне Рындиной, Софии Матвеевой, Клавдии Луниной, и 150 другим это нравится.

Татьяна Рындина: Поклон его памяти. 28 апреля в 21:34

Слава Лён: + 28 апреля в 21:58

Нина Краснова: Спасибо, ребята! Он вас слышит. 28 апреля в 22:05

Нина Краснова: Он был очень позитивный человек и распространял вокруг себя светлую ауру. 28 апреля в 22:09

Софи Матвеева: Ниночка, мои соболезнования! Светлая Память! Пусть будет лёгким его путь в небеса. Аминь. 28 апреля в 22:10

Нина Краснова: Спасибо, милая Софи. 28 апреля в 22:12

Наталья Минкина: Нина, не могу я жать на «нравится», когда человек умер. Светлая ему память!.. А ты держись, утрата — горькая... 28 апреля в 22:20

Нина Краснова: Наташа. Спасибо Вам за отклик и поддержку! 28 апреля в 22:35

Тамара Жирмунская: Дорогая Нина! Помню, какой заботливый был Толя, когда вы с ним несколько лет назад приезжали за мной на Рязанку. Какой талантливый, естественный, многогранный был он год назад в редакции «Юности»! Портрет с гитарой в соломенной шляпе очень хорош... Давай посылать ему импульсы добра, благодарности, любви. Одновременно — и ты, и я. Спасибо тебе за то, что ты познакомила меня с ним. Каждый такой человек, встреченный в жизни, на вес золота. Сопереживаю тебе от всей души. 28 апреля в 22:37

Нина Краснова: Тамарочка (Жирмунская) родная, спасибо тебе за твои импульсы! Давай будем посылать ему ты — свои, а я — свои. Он их получит? И возрадуется им? 28 апреля в 23:01

Наталья Минкина: Да это я на самом-то деле оправдываюсь, Нина, что кнопки здесь не подходят для выражения ни чувств, ни даже просто для выражения отношения (ко всему, что случилось)! 28 апреля в 22:40

Tatiana Shell: Soboleznicu... 28 апреля в 22:58

Каримова Алена: Соболезную... 28 апреля в 23:01

Ольга Таир: Соболезную. 28 апреля в 23:07

Нина Краснова: Олечка спасибо! Я ему всё передам от Вас. И от всех фейсбукцев. 29 апреля в 0:00

Халина Лана: Мои соболезнования! 28 апреля в 23:51

Нина Краснова: Халина Лана! И Вам спасибо — за цветы. Я их Толе передам, Толе Шамардину! 29 апреля в 0:02

Владимир Двуреченский (музыкант, друг Анатолия Шамардина, работавший с ним в московском японском ресторане «Саппоро» и помогавший ему выпускать диски с песнями и когда-то работавший с ним в московском японском ресторане «Саппоро»):

* * *

Анатолию Шамардину

В душе поэт и озорной мальчишка,
Сатирой победивший все невзгоды бытия,

Не попрощавшись, просто вышел — не ушёл,
Вокруг добро посеяв и надежду,
На то, что лучшее останется навеки.

А песнь его летит по ветру, и птицы вторят ей,
И шёпотом она шуршит в могучих кронах,
И бурно напевают реки её мотив весенний —
Дней счастливых отраженье.

Теперь ты улыбчивым, Греческим солнцем
С небес снизойди к нам — лучами!

Светлая память тебе, Анатолий!

Нина, прими мои соболезнования! 28 апреля в 23:59

Геннадий Рогов: Очень запомнился мне этот человек своей приветливостью и безусловным исполнительским талантом на одной из презентаций в Библио-глобусе на представлении книги одного нашего общего друга-писателя! Запомнился и председательствующий на том событии небезызвестный многим Лев Котюков, не умно, зло и хамски несколько раз оборвавший выступление Анатолия Шамардина! Видеть это было горько... Очень жаль хорошего человека))) 29 апреля в 0:01

Нина Краснова: Дорогой Геннадий! Очень точно Вы все это подметили и сказали! Спасибо Вам! А Толя не показывал вида, но и правда очень переживал, когда кто-то относился к нему пренебрежительно. 29 апреля в 0:04

Нина Краснова: Tatiana Shell, Алена Каримова, и вам спасибо! 29 апреля в 0:06
Нина Краснова: Ольга Журавлева! И вам спасибо! 29 апреля в 0:07

Нина Краснова: Клавоочка Лунина! И Вам или тебе — тоже! 29 апреля в 0:08

Valentina Naklund: Царствие небесное! Нина, крепитесь... 29 апреля в 0:24

Нина Краснова: Да, Валенька! Этого Царствия Небесного мы ему сейчас все и желаем! 29 апреля в 0:27

Раиса Постоянцева +++ 29 апреля в 0:31

Нина Краснова: Раенька, тебе спасибо тоже за твои плюсы-крестики! 29 апреля в 1:21

Клавдия Лунина: Дорогая Ниночка! Выражаю Вам сочувствие и соболезнование! Держитесь! Очень жалко такого светлого и талантливого

человека, Вашего дорогого друга. Будем молиться: да упокоит Господь его душу во Царствие Своем! 29 апреля в 0:41

Нина Краснова: Клава дорогая! Буду держаться и крепиться! И пусть наши молитвы дойдут до Толи и до Бога! Спасибо еще и за свечу! (Клавдия Лунина прислала Нине Красновой в фейсбук картинку с горящей свечой.) 29 апреля в 1:08

Галина Йонаш: Примите самые искренние соболезнования! Держитесь! И не плачьте много: им там от этого — очень плохо. А так светло и тихо уйти, да еще на Красную Горку, сами понимаете, — далеко не каждому дано. Царствия Небесного! 29 апреля в 1:09

Нина Краснова: Галина! Спасибо Вам за утешение, которое Вы даете душе моей! Я знаю, что не надо плакать, потому что от этого ему там будет очень плохо. Постараюсь и заставлю себя не плакать. 29 апреля в 1:11

Галина Йонаш: Постарайтесь, дорогая! Вспоминайте хорошее, и он там порадуетя вместе с Вами. Это — не просто, но..... 29 апреля в 1:13

Нина Краснова: Да, я хочу, чтобы он там знал, что я вспоминаю о нем хорошее, как и все его друзья, которые знали его лично или не лично (а, может быть, фейсбучно), и чтобы он радовался! 29 апреля в 1:21

Галина Йонаш: К сожалению, я никак не знала, но пронзительное письмо Ваше тронуло до глубины души. Бывают близкие нам люди, боль от потери которых никогда не уходит... Соблезную! 29 апреля в 1:24

Нина Краснова: Да, милая Галенька! Обнимаю Вас, чувствуя Вашу поддержку в моем горе. 29 апреля в 1:28

Галина Богалеко: Дорогая, Ниночка, Господи, какое горе! Анатолий был таким весёлым, как он пел и играл на гитаре в редакции журнала «Юность». Столько мы радовались, столько фотографировались, кто мог подумать! Светлая память светлому человеку! Чем могу помочь! Звони! 29 апреля в 1:30

Нина Краснова: Галенька Богалеко! Ты успела узнать Толю Шамардина не только фейсбучно, на посиделках в «Юности». И я даже сфотографировала Вас с ним, а ты меня с ним, а потом мы сфотографировались еще и втроем. Спасибо тебе за то, что ты свечу поставила за упокоевание души Толи Шамардина. Да еще приложила к этому розочки. 29 апреля в 1:39

Галина Богалеко: Ниночка, может я могу чем помочь? 29 апреля в 1:55

Галина Йонаш: Нина! Постарайтесь вспомнить, что в Индии это — праздник, п. ч. человек ушел в мир, неизмеримо лучший, чем наш. Это нам горько и невыносимо тяжело, а там ему — замечательно! Храни Вас Господь! 29 апреля в 1:33

Галина Йонаш

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Бог посылает нам

Сигналы, стоны,

Звуки. Но, мы

К ним, — глухи!

Пока не тронет

Нас Вся эта

Боль!

«Моя лишь боль!»

...

12.09.2014

Нина Краснова: Правда, Галенька! Тем, кто ушел, лучше, чем тем, кто остался на земле и переживает и грустит и плачет об ушедших. Бенгальцы тоже не плачут, а радуются, когда человек уходит в мир иной. 29 апреля в 1:35

Галина Йонаш: Да... советовать — легко. А сама — сижу, реву... Вот, вроде бы все умом знаем и понимаем, а как больно! 29 апреля в 2:02

Georgy Avetissov (музыкант): Светлая память!.. 29 апреля в 2:21

Сергей Каратов: Никогда не знаешь, что и с кем может произойти. Прими мои соболезнования, Нина! Действительно, Толя был очень хорошим и отзывчивым человеком! И нам всегда будет не хватать его музыкального сопровождения, его уникального голоса. Как красиво он положил на музыку твои стихи! Пусть земля ему будет пухом! 29 апреля в 4:18

Алексей Ивин: Серьезный случай. Не грусти, Нина. 29 апреля в 7:41

Марина Шилова: Соболезную. Бог любил его и послал такую светлую смерть... 29 апреля

Рада Полищук: Нинуля, дорогая моя! Только что узнала, что Толя ушел. Да упокоится с миром его душа, светлая, талантливая, открытая миру. А ты плачь, Нинуля. И я плачу с тобой! Горе надо ПЕРЕжить, мы с тобой знаем, как это трудно, как невыносимо трудно принять уход близкого, родного человека. Ты сильная, Нинуля, держись. 29 апреля в 9:27

Зульфья Алькаева: Нина, держись! Пусть земля Анатолию будет пухом! А описка в твоём тексте не случайна. Анатолий хотел, чтобы свет был тебе мил всегда, Нина! 29 апреля в 9:33

Сергей Горбунов: Соболезную. 29 апреля в 11:25

Татьяна Бориневич: ... 30 апреля в 2:33

Надежда Кузнецова-Шихиди: На этой фотографии передана вся сущ-

ность Анатолия: в жизни и в творчестве ему было нелегко, но он всегда был улыбочивым, оптимистичным до наивности и очень солнечным Человеком! Певец № 1 в России и за рубежом, к большому сожалению, не раскрученный, как некоторые (в отличие от некоторых). Его голос и песни будут жить вечно! 30 апреля.

4.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПОХОРОНЕН НА НОВОСХОДНЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ, 30 МАРТА 2014 ГОДА

Дорогие мои друзья-фейсбуквцы! Завтра, 5 мая, исполняется 9 дней с того дня, как Анатолий Шамардин неожиданно ушёл в мир иной. Помяните его, пожалуйста. Это был Человек с большой буквы, необыкновенно добрый ко всем, заряжающий всех радостной энергией и излучающий солнечный свет и тепло, и на редкость благородный, скромный и порядочный. Не говоря о том, что это — Певец мирового класса, с божественно прекрасным голосом, любимый всеми, кто слышал и видел его хотя бы один раз в жизни. Царствие ему Небесное!

Вот несколько моих стихотворений разных лет Анатолию Шамардину.

(Здесь я даю только названия стихотворений, а в фейсбуке были и сами стихи: «Моему композитору Анатолию Шамардину» («А этот мир и многолюден так и тесен...»), «Вечер в Саппоро» («Вы милы, нарядны, кареоки...»), «Русский грек» («Ты по генам — и русский, и грек...»), «Концерт по заявкам» («Ты сладкозвучно песню пел о ямщике...»), «Солист оркестра Утёсова» («Из оркестра Утесова ты — «тенорист...», «Представитель русского бельканто...»), «Сердечная недостаточность» («Человек с сердечной избыточностью чувств...», «Человек с избыточной сердечностью ко всему миру...»).

КОММЕНТАРИИ фейсбуквцев:

Ксении Георгиади, Надежде Кузнецовой, Евгению Степанову, Раде Полищук, Зульфие Алькаевой, Евгению Лесину, Людмиле Осокиной, Раисе Постоянцевой, Татьяне Мукусаевой. Виктору Мурзину, Клавдии Луниной. Лиане Репиной, Риме Хисамутдиновой. Андрею Патаракину, Марине Ахмедовой. Виктору Широкову,

Халиной Лане, Элле Храмовой, Юлии Савченко, Таткас Таткас (Наталье Сафроновой), Ваграму Кеворкову, Дмитрию Филиппову, Ольге Михайловой, Юрию Крохину, Эмилию Сокольскому, Надежде Кондаковой, Галине Йонаш, Олегу Гонозову, Андрею Коврайскому, Алексею Карелину, Александру Михаленко, Герману Гецевичу, Анне Гедымин, Александре Казарновской и многим другим это нравится.

Александра Казарновская: Светлая память! 4 мая в 19:13

Нина Краснова: Спасибо Вам за Ваш душевный отклик, дорогая Александра (Казарновская)! 4 мая в 19:15

Нина Краснова: Оленька Михайлова! И Вам спасибо! 4 мая в 19:20

Нина Краснова Спасибо всем! 4 мая в 19:22

Нина Краснова: Друзья! Помолитесь о упокоении души Анатолия Шамардина. Душа у него была чистая, светлая, пусть она найдет тихое пристанище в Царствии Небесном. 4 мая в 19:33

Галина Йонаш: Помним, Нина, и — молимся! 4 мая в 19:35

Нина Краснова: Спасибо, дорогая Галенька Йонаш! 4 мая в 19:38

Надежда Кондакова: Не знала его, не слышала вживую, но Нина, тебе верю и сочувствую. Царствие Небесное! 4 мая в 19:41

Нина Краснова: Наденька Кондакова! Спасибо тебе! Я подарю тебе его диски. Он знал тебя как поэтессу, от меня, и ценил тебя. 4 мая в 19:50

Олег Гонозов (Ярославль): Как быстро летит время!.. Как быстро смиряешься со случившимся. Царство небесное Рабу Божию Анатолию! 4 мая в 19:46

Нина Краснова: Олег Гонозов! Спасибо Вам за Вашу душевную реакцию. Но моя душа никогда не смирится со случившимся. Слишком большого и близкого друга я потеряла. 4 мая в 19:53

Нина Краснова: Татьяна Мукусева, спасибо Вам за Вашу отзывчивость! Анатолию это приятно, если он всё видит сейчас. Он сам был потрясающе отзывчивый человек! Всегда старался помочь людям, чем мог, и не только своим друзьям. Сам себе не всегда мог помочь, а людям помогал. 4 мая в 19:54

Нина Краснова: Поэт Андрей Патаракин, который сейчас объявился на этой страничке, знал, слышал Толю Шамардина на творческих вечерах в ЦДДле. Может подтвердить, какой прекрасный человек и певец был Анатолий Шамардин. 4 мая в 19:59

Надежда Кузнецова-Шихиди: Ниночка, держись, милая! Куда нам теперь деваться, если не крепиться и не держатся друг за друга?.. По случайному совпадению 9 дней Толи совпали с датой рождения Христофора,

которому 5 мая исполнилось бы 77 лет. Я завтра отмечу 2 даты. Нахожусь дома, болею, но мне уже лучше. Позвоню. 4 мая в 20:20

Нина Краснова: Наденька, я сейчас еду к Толе домой на Сходню, возьму там кое-что из его архива на хранение. Завтра вернусь, но когда? Позвони мне по моему мобильнику: (...). Может, мы встретимся с тобой завтра вечером? А послезавтра я должна быть в ЦДЛ, вести вечер Союза писателей XXI века, куда, кстати сказать, собирался прийти и Толя, попеть песни. Но не придет уже. Обнимаю тебя, моя подруга по несчастью. Ты тоже держись! Спасибо, что ты отозвалась! 4 мая в 20:30

Надежда Кузнецова-Шихиди: Я позвоню тебе обязательно, но вряд ли ты ко мне приедешь в Балашиху? Для связи: (...) моб. Позвони, когда будешь возвращаться от Толи. Положи, пожалуйста, ему цветы от меня и поклонись ему от меня, Он услышит, душа его ещё с нами. А я дома зажгу свечу. 4 мая в 20:50 **Клавдия Лунина:** Ниночка, родная рязанская душа, держись! Упокой, Господи, усопшего раба Божия Анатолия в месте светле, в месте злачне, в месте прохладне со Святыми Твоими! Вечный покой даруй ему, Господи! 4 мая в 20:50

Клавдия Лунина: Ниночка, родная рязанская душа, держись! Упокой, Господи, усопшего раба Божия Анатолия в месте светле, в месте злачне, в месте прохладне со Святыми Твоими! Вечный покой даруй ему, Господи! 4 мая в 21:14

Марина Ахмедова: Царствие Небесное... 4 мая в 22:15

Зульфия Алькаева: Светлая память Анатолию! 4 мая в 22:41

Герман Гецевич: Прекрасный человек и музыкант... Очень жаль... Царствие небесное... 5 мая в 1:35

Ваграм Борисович Кеворков: Держись, Ниноля! Все твои друзья с тобой! 5 мая в 6:22

Рада Полищук: Ниноля, дорогая наша! Все время думаем о тебе. И о Толе. Дай бог тебе силы. И да упокоится с миром Толина душа. 5 мая в 10:01

Юлия Савченко: Светлая память. 5 мая в 11:19

Алексей Карелин: Соболезную, Ниночка, — царство ему небесное — держись. 5 мая в 12:18

Эмиль Сокольский: Нина, прости, что не пишу. Нет слов... Перед глазами (моя) последняя встреча (с Толей) у памятника Пушкину, сверхэмоциональные монологи Шамардина... 5 мая в 14:42

Андрей Коврайский (Ярославль): Вечная память. 5 мая в 14:47

Элла Храмова: Ниночка, глубоко сочувствую, знаю его заочно по отзывам моего сына. 5 мая в 16:33

Александр Михаленко: Соболезную. Добрая память. 5 мая в 17:39

Юрий Крохин: Нина, это ужасно, невысимо! Толи нет... Не могу по-верить... 5 мая в 18:16

Халина Лана: СОСТРАДАЮ!!!! 5 мая в 19:14

Анна Гедымин: Никогда не забудем! Такая прекрасная, светлая лич-ность! 5 мая в 21:06

Евгений Степанов: Помним и любим...

07.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА ПОХОРОНИЛИ, НО ОН НЕ УМРЁТ

30 апреля 2014 года, когда мы хоронили певца и композитора Анато-лия Шамардина, на улице стояла очень жаркая погода, и вовсю светило солнце, а небо было ярко-ярко-голубое, с легкими белыми полупро-зрачными облачками. Как будто Толя, русский соловей со средизем-номорскими греческими корнями, который любил солнце, специаль-но заказал у Господа Бога такую погоду на этот день. А 1 Мая очень жаркая погода резко сменилась на очень холодную, и стоит такая уже целую неделю, и почти каждый день на улице идет дождь. А сейчас у меня за окном падает с неба снег, большими хлопьями, летя по ве-тру и опускаясь на зеленые майские деревья и на зеленую траву. А Толя Шамардин лежит на Новосходненском кладбище. Но душа его здесь, и я чувствую ее. Так же, как чувствуют это и его близкие друзья, в ка-ких бы частях Москвы и России они ни находились. А голос его звучит с аудиодисков и говорит о том, что Толя не умер и не умрет.

07.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПОМИНКИ ПО АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ У НЕГО ДОМА, НА УЛИЦЕ ОВРАЖНОЙ

Поминки по Анатолию Шамардину у него дома на кухне, после его похорон.

После похорон Анатолия Шамардина, нашего русского Орфея, мы, его близкие друзья, собрались у него дома на Сходне, на улице Овраж-

ной, в его маленькой эконом-квартирке, которую он ждал 27 лет и получил только 2 года назад, и даже еще не успел путём обжиться и обустроиться там, и включили песни Толи Шамардина и сидели на кухне за накрытым столом, за бутылкой «Старой Москвы» и «Кагора» и за незатейливой закуской, и вспоминали нашего Толечку, всё только самое хорошее о нём, а плохого о нём и вспомнить нечего, до того это был светлый, чистый, благородный, добрый, лучезарный человек, заряжающий всех вокруг себя оптимизмом и радостью. Всевышний наделил его самыми лучшими душевными качествами и таким чудесным вокальным даром, таким божественно красивым голосом, сладкозвучным тенором, который только у такого человека и мог быть.

Мы говорили о Толе каждый своё, слушали в его исполнении золотые шлягеры народов мира на итальянском, греческом, немецком и японском языках, и русские песни и романсы, и его собственные, на мои стихи, и чувствовали, что он находится рядом с нами и видит и слышит нас. «Толечка! Ты видишь и слышишь нас?» — спросили мы его, поднимая свои глаза вверх, к потолку. — Если да, подай нам знак». И Толя подал нам знак — слегка толкнул пластиглаговую емкость с пустыми коробками из-под куриных яиц, которая служила ему тумбочкой и стояла около стены, около умывальника, и эти коробки в ней заколебались и загромыхали (каким-то приглушённым внутренним громыханьем), причем они ни на один миллиметр не сдвинулись с места.

«Толя видит и слышит нас! И радуется, что мы пришли к нему в гости и сидим говорим о нём и вспоминаем его под его песни...» — так прокомментировали мы знак, который подал нам Толя.

Кстати сказать, Анатолий Шамардин обладал особой мистической силой, и она прорывалась у него и проявляла себя в какие-то неординарные моменты очень активно, и проявилась она и теперь.

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев (не все, а некоторые):

Раде Полищук, Марине Ахмедовой, Александре Ирбе и многим другим это нравится.

Галина Йонаш: Нина! Какой прекрасный певец Анатолий Шамардин! Я, благодаря Вам, уже несколько раз прослушала его песни (которые я поместила в фейсбуке. — Н. К.), а он все — звучит во мне! Странно! 8 мая в 1:36

Нина Краснова: Галечка, знал бы он, какая прекрасная поклонница появилась у него в Вашем лице! Он был бы счастлив! 8 мая в 1:37

Галина Йонаш: Да, я думаю (даже уверена!), что — он знает! Вот и слышала-то я его всего-ничего, а тембр — звучит, как родная струна... 8 мая в 1:39

Нина Краснова: Да, я тоже думаю, что он всё знает, и радуется тому, как Вы воспринимаете его! 8 мая в 1:40

Галина Йонаш: Замечательно, что есть такие технологии (как интернет и фейсбук) и есть ТАКИЕ ДРУЗЬЯ! Если бы не Вы, — никогда бы мы и не узнали, возможно, и не услышали бы такого певца!.. 8 мая в 1:43

Нина Краснова: Да, Галя, и представьте себе, сколько людей лишено радости знать такого певца, который при своих феноменальных данных оказался нераскрученным и невостребованным в нашей большой стране (из-за его неамбициозности, скромности и ненаглости, то есть из-за отсутствия этих качеств, и из-за равнодушия чиновников от искусства к судьбе этого чуда чудного), и его знают в основном узкие интеллигентные круги, в то время, как могли бы знать и любить миллионы людей! Вот в чем страшная драма или даже трагедия Анатолия Шамардина. А люди с нулевыми данными у нас пробиваются в «звезды» и не слезают с экранов телевизора и навязывают себя нам, как будто они и есть у нас самые лучшие, при том, что они даже одной песни спеть живьем не могут. 8 мая в 2:32

Наталья Дорофеева: Я с огромным уважением относилась к Анатолию как к высокообразованному человеку, и скромному при этом. Это так редко среди артистов встречается! а голос — вообще вне всяких сравнений!

07.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ЗНАКИ ШАМИЛЮ И ЕЛЕНЕ ХАЗИЕВЫМ НАКАНУНЕ СМЕРТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Поминки по Анатолию Шамардину после его похорон 30 мая 2014 года.

На поминках по Толе Шамардину его самые близкие из новых друзей Лена и Шамиль Хазиевы рассказали, какой знак подавал им Толя перед своим уходом в мир иной, вечером 27 апреля.

ЛЕНА ХАЗИЕВА:

— 26 и 27 апреля мы с Шамилом были у себя на даче, разгребали там старые ветки, наводили порядок на своем участке. И за сутки до ухода Анатолия из жизни вдруг к нашему дому прилетела какая-то птичка, совершенно необыкновенная, каких мы раньше никогда не видели, не воробей, не трясогузка, а какая-то такая странная птичка с желто-зеленой грудкой и села на нашу антенну, на крыше нашего дома... и целые сутки пела и пела, без перерыва, с утра до ночи, с ночи до утра... как она пела, вся заливалась пением (или не пением, а плачем?)... она, наверное, хотела сообщить нам весть об Анатолии... Я попыталась сфотографировать эту птичку, но она не далась, вспорхнула, отлетела в сторону, а потом, когда я убрала фотоаппарат, она опять села на нашу антенну и пела и пела и пела... да так отчаянно, как будто хотела сообщить нам что-то очень серьезное. И выбрала для этого нашу крышу и нашу антенну. И мы с Шамилом так и подумали, что она хочет что-то сообщить нам, только не понимали — что. А вечером 27 апреля я убирала с участка сухие ветки, среди кустов малины и зарослей клубники, и одна ветка сильно-сильно порезала мне руку... вот у меня на руке остался от этого большой глубокий шрам... Это тоже был мне знак от Анатолия... А за день до этого Анатолий позвонил нам с Шамилом и пригласил нас на вечер в ЦДЛ, 6 мая, в Гостиную Союза писателей XXI века. А потом вот к нам прилетела птичка, а потом я порезала руку... а потом... мы получили от тебя неожиданную весть о смерти Анатолия... Мы от всего это в шоке...

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Евгению Степанову, Евгению Истомову, Любови Симановой, Игорю Вортману, Олегу Гонозову, Галине Богапеко, Надежде Кузнецовой-Шихиди, Клавдии Луниной, Валентине Гусевой, Наталье Ахпашевой, Елене Калининой, Элеоноре Кременской и многим другим это нравится.

4.02.2015. (Из фейсбука Нины Красновой)

У ТОЛИ ШАМАРДИНА В ГРОБУ ДРОГНУЛИ РУКИ

...Когда санитары вывезли из морга на площадку гроб с телом Толи Шамардина, чтобы везти его на Новосходненское кладбище, я подошла к гробу... Толенька лежал там... уже неживой, со спокойным, отстранённым от мира лицом, розовый, и не похудевший и не утомлённый, каким он был в последнее время, а пополневший, посвежевший... с закрытыми глазками... Я положила свою ладонь ему на лоб (лоб был твёрдый и прохладный) и сказала:

— Толенька... здесь около тебя твой сын Олег, твой друг Юра, твои друзья Лена и Шамиль Хазиевы... и я... а кого нет, они всё равно все с тобой... здесь... Все в шоке и в ужасе от того, что случилось... Все в шоке и в ужасе... И ребята из «Юности», и ребята из «Независимой газеты», и из «Вест-Консалтинга», и... твои друзья-греки... (Я назвала всех по именам.)

Потом я сказала, глотая свои слёзы, которые текли у меня по щекам:

— Толенька, миленький, зачем ты так метался? Зачем бежал за каким-то телефоном?.. Видишь, что получилось?..

И в этот момент я через свою ладань ощутила какой-то подземный гул... А сын Толи Олег и Лена с Шамилем сказали мне потом, потом, потом, что в этот момент у Толи дрогнули руки, покрытые белым покрывалом...

— У Толи дрогнули руки? Я не видела этого, я смотрела не на руки, а на лицо его. Так он был живой?! Как Гоголь? Или нет? Но его же вскрывали врачи... После этого он никак не мог быть живым... У него дрогнули руки... Что это значит?.. Он услышал меня?

— Он услышал тебя и отозвался тебе душой... Его душа услышала тебя... и отозвалась тебе...

— А может быть, это просто руки утряслись, они же окостенели и были связаны верёвками, и в этот момент утряслись...

Ваграм Кеворков потом сказал мне по телефону:

— У Толи руки были магические, как и у его мамы (целительницы), у него в руках была сосредоточена вся его внутренняя энергия... И в тот момент она вышла у него через руки... Он услышал тебя...

!!!!!! ...

— Но это не значит, что он был ещё живой?

— Он — нет. А душа его была жива. Тело его умерло (оболочка души), а душа нет. Душа не умирает. И он услышал тебя своей душой и прореагировал на это...

— Прорвался ко мне через потустороннюю стену?..

— Да. И дал тебе понять, что он тебя слышит...

...На кладбище я откинула покрывало с рук Толи и погладила его руки и вложила ему в одну из них, между пальцами, бумажную иконку, которую когда-то подарила ему, «Отраду и Утешение», и которая всегда стояла у него на кухне, на подконнике.

И ещё я поцеловала Толю в щёку... Поцеловала его в щёку два раза, а потом погладила его руки и вложила ему в одну из них бумажную иконку «Отрада и Утешение»... А в гроб я положила Толе наш с ним диск «Сон под пятницу» (со своим автографом, со своими словами любви).

(((((((.....

08.05.20142, 13:16 (Из фейсбука Нины Красновой)

НГ-Ex libris, 22 мая 2014 г.

ВЕЧЕР СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ХХІ ВЕКА ПРОШЁЛ ПОД ПЕСНИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

6 мая 2014 года в Гостиной Союза писателей ХХІ века, в Малом зале ЦДЛ, состоялся очередной вечер, гостями и участниками которого были не только члены этого Союза, но и других, и начался с песен певца и композитора Анатолия Шамардина, прозвучавших на компакт-дисках, и с минуты молчания, которой все присутствующие почтили память этого русско-греческого соловья, недавно ушедшего в мир иной, автора песен на стихи современных поэтов разных поколений, в том числе на стихи поэтов СП ХХІ века. Ведущая вечера Нина Краснова рассказала о своей 25-летней дружбе с Анатолием, прочитала свои стихи, посвященные ему:

«Вы милы, нарядны, кареоки,
Громкий микрофон у Вас в руках.

Вы поёте мне под караоке
О любви на разных языках...»,

«А этот мир и многолюден так и тесен.
В нём появился Толя Шамардин.
Мне кроме Толечки никто неинтересен.
Мне интересен Толечка один».

Галина Богалеко тоже прочитала свои стихи, посвящённые ему:

«А ты поёшь, твой голос, Толя, с нами —
Твой голос, Анатолий Шамардин! —
На ветках распускается жасмин...».

Зульфия Алькаева вспомнила, как певец выступал год назад в библиотеке Электростали и покори́л всех слушателей и своим божественным голосом, и своим благожелательным отношением к ним, и они ждали, когда же он опять приедет и будет петь для них. Татьяна Шведовская сказала, что он был солнечный человек и излучал свет и тепло, и заряжал всех положительной энергией. Леонид Резник спел под гитару свою песню «Не покидай меня», посвящённую своему отцу, который тоже рано и преждевременно покинул этот мир. Людмила Саницкая прочитала стихи о том, что «жизнь... есть удача» и «счастливый случай», о чем мы иногда забываем, и что родимая речь не прервется, пока не прервется «сердца стук». Михаил Николаев прочитал стихотворение о том, что всё в жизни предрешено и «Чему уж быть, того не миновать», и, чтобы не сосредотачиваться только на печали, — стихотворение повеселее, о грехах:

«Мотыльками порхают стихи.
И вовеки Святой угодник
Отпусти мне мои грехи,
Но попозже, потом, не сегодня».

Выступили у микрофона также Раиса Быстрова, Ольга Михайлова, Сергей Зенкевич, Дарья Корнилова, Михаил Рябых, руководитель творческого семинара Литературного института поэт Сергей Арутюнов и его ученики — Григорий Горнов и Клементина Ширшова. Все они так или иначе касались темы жизни и смерти, темы веч-

ности. Многие читали стихи, опубликованные в журналах «Дети Ра», «Зинзивер» и в книгах «Вест-Консалтинга», выпускаемых Союзом писателей XXI века, самым маленьким из всех литературных союзов, но очень мощным и к тому же — единственным из всех, у которого есть свои журналы, газеты и свое издательство и даже свой телеканал «Диалог» и свой Читальный Зал в Интернете, который уже прирастает журналами «Сибирь», «Сибирские огни», «Москва», «Юность» и «Литературной газетой» и «Литературной Россией». Президент Союза писателей поэт Евгений Степанов прислал в Гостиную свой привет из-за рубежа, куда уехал на две недели по делам своей творческой организации и где расширяет сферы её литературного влияния и её культурное пространство.

Завершился вечер песней Анатолия Шамардина «Сон под пятницу» на стихи Нины Красновой и её частушками:

«От меня ушёл Илья.
Я тоскую, слёзы лья.
И гадаю, слёзы лья:
Где, в какой дыре Илья», —

и весёлой итальянской тарантеллой «Красивая девушка», и всё это — в блистательном исполнении певца и композитора, который был и останется с нами навсегда.

08.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

МЫ С ГАЛИНОЙ БОГАПЕКО ПОМЯНУЛИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА В КАФЕ «МУ-МУ»

После вечера Союза писателей XXI века (6 мая 2014 года) участница вечера поэтесса Галина Богапеко пригласила меня в кафе «Му-му», которое находится прямо около станции метро «Баррикадная». И мы сидели там с ней за легким ужином и поговорили по душам. Галя умеет утешить человека в горе и беде. Спасибо ей!

Кстати сказать, у меня с 27 апреля, со дня ухода Анатолия Шамардина в мир иной, совсем пропал аппетит, и я уже почти десять дней

совсем ничего не хочу и не могу есть, только пью чай и силой заставляю себя проглотить что-нибудь, какой-нибудь кусок помидора. Со мной такого не бывало никогда жизни. Я за десять дней похудела на 6 килограммов, а раньше за целый год не могла похудеть даже на килограмм. Галя, которая не видела меня с вечера в журнале «Юность», заметила во мне какую-то внешнюю перемену и не могла понять, что это за перемена. А это я просто похудела. И Галя сказала, что мне это очень идет. Я шутя сказала ей: «Это Толя заставил меня похудеть».

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Птахабдру Басырову, Сергею Каратову, Вадиславу Доброславскому, Светлане Турчиной, Ahmed Maro, very nice pic, Tatiana Shell, Mujaytes' Lyuda, Day Bog Vam sil и многим другим это нравится.

Эд Побужанский: И пицца на столе — исключительно духовная))) Поэтессы))) 8 мая в 11:06

Людмила Салтыкова (поэтесса, Рязань): Нина, почему не сообщила (мне и нам рязанцам), что Толя умер? 9 мая в 17:17

Нина Краснова: Люд, у меня не было времени и сил сидеть на телефоне и оповещать своих и наших с Толей друзей о том, что с ним случилось. Я сообщила об этом только фейсбукцам, и всё. Я была вся в горе (которое теперь никогда не пройдет), и мне надо было думать, как достойно проводить Толю в последний путь. Я раньше хоронила только свою маму и свою сестру, и своего старшего брата, и своего дядю, в Рязани, но тогда мне помогали мои родные, а тут мне всё надо было делать самой. Я приглашу тебя и Лёшу (Бандорина, поэта, главу Рязанского Союза литераторов) и наших друзей-рязанцев на вечер памяти Толи, когда устрою этот вечер. Здоровья тебе и Лёше и всего хорошего в этой жизни! 9 мая в 23:02

Людмила Салтыкова: Нин, ты прости, что я так немягко спросила, но на меня это известие обрушилось, мы тоже в горе. А на фэйсбук я сейчас по причине своих болезней не так часто выхожу, вот только сегодня и увидела это. Царствие Толе небесное... Вечная память... 9 мая в 23:08

Нина Краснова: Людочка, мы всё собирались съездить с Толей Шамардиным в Рязань, выступить там, привезти рязанцам наши диски с песнями, но не собрались, тем более, что у Толи уже давно нет машины, а своим ходом ехать на электричке, тащить с собой багажи, тележки и сумки... это не то... Как говорил мой литинститутский учитель Евгений Аронович

Долматовский: если въезжать из Рязани в Москву или из Москвы в Рязань, то надо въезжать на белом коне! 9 мая в 23:24

Людмила Салтыкова: Нина, подумаем, как нам его помянуть. Может, лучше в Рязани, здесь его очень любили (как и везде, где его знали), соберемся в Горьковке... Можно и 31 мая, на 11 фестивале «Под небом рязанским», ты ведь у нас член жюри. Или перед этим... 9 мая в 23:33

Нина Краснова: Люда! Помолитесь там, в Рязани, о Толе Шамардине, чтобы душа его нашла тихое пристанище в Раю. 9 мая в 23:46

Людмила Салтыкова: Это обязательно! 9 мая в 23:49

Нина Краснова: Люда и Лёша! Я буду делать книгу памяти об Анатолии Шамардине. Напишите свои воспоминания о нем, 1–2–3 странички, сколько получится. И других наших рязанских собратьев и сосестер по перу попросите сделать это. И всё пришлите мне на мой электронный адрес. 9 мая в 23:49

Людмила Салтыкова: Хорошо! 9 мая в 23:50

Нина Краснова: Спасибо, Людочка! У нас и фотографии есть: Анатолий Шамардин и мы все в Рязани, на концертах в библиотеке и у вас с Лёшей дома. 9 мая в 23:52

Людмила Салтыкова: Да. 9 мая в 23:53

Нина Краснова: Действуйте, Людочка и Лёша! Благословляю вас! 9 мая в 23:54

Людмила Салтыкова: Ага. 9 мая в 23:55

Людмила Салтыкова: Пусть всем нам Бог даст сил на доброе! 13 мая в 11:14

20.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Вот самая последняя из всех прижизненных Толиных фотографий, которую я сделала со своего цифрового фотоаппарата «Sony» 3 апреля 2014 года, в Доме кино, на вечере памяти нашего друга, кинорежиссёра, кинооператора, сценариста и писателя Христофора Триандафилова.

Толя стоит, смотрит на меня в объектив моего фотоаппарата, и улыбается мне, а сзади него на пианино стоит среди цветов портрет Христофора. И Христофор с этого портрета выглядывает из-за левого

Толиного плеча, держа в руках кинокамеру, будто собирается снимать фильм о Толе, и смеётся во весь рот. Как чёрный Ангел за левым плечом, который знает, что Толя, который пришёл на вечер памяти своего друга Христофора и сокрушался о том, что Христофор, которому было всего 76 лет, рано покинул белый свет, скоро и сам покинет этот свет в свои 76. Христофор ушёл на тот свет 6 марта 2013 года, а Толя — 27 апреля 2014 года.

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Юрию Крохину, Евгению Степанову, Владиславу Доброславскому и 20 другим это нравится.

Рада Полищук: Отличная фотография! 20 июля 2014 г.

Нина Краснова: А белые полосочки на чёрном пуловерчике Толи Шамардина похожи на линейки нот. 20 июля 2014 г.

Елена Фадеева: Какое обаяние, доброжелательность, культура, гамма чувств!!! Спасибо, Ниночка, за эту фотографию! Он не прощается, он не ушел...

Нина Краснова: Он не ушёл, Елена! Он с нами.

Владислав Доброславский: Нина, дай тебе Бог всех благ! Всё в руках Господних! Светлая память Анатолию Шамардину! Царствие небесное светлomu человеку!

Нина Краснова: Спасибо, Владислав, добрая душа! Ваша молитва дойдёт до Бога и до Толи! 21 июля 2014 г.

21.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

1.

Здесь, на этой своей предпоследней фотографии (3 апреля 2014 года в Доме кино, на вечере памяти Христофора Триандафилова) Анатолий Шамардин выглядит повеселее, чем на последней. А на последней у него в его искрящихся карих глазах появилась какая-то грустинка и какое-то затаённое раздумие. Или мне это только кажется?

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Юрию Крохину, Владиславу Доброславскому, Елене Фадеевой и 12 другим это нравится.

Галина Йонаш: Ниночка! Я читала где-то, в Ваших статусах и комментариях, что Вы хотите издать книгу об Анатолии и использовать в ней комментарии фейсбукцев к Вашим страничкам об Анатолии. Я сегодня, всю ночь думала об этом: как же это ЗДОРОВО!!!) Я, когда услышала впервые голос Анатолия, — начала пританцовывать, прямо за компьютером. А сколько еще таких всплесков и радостных минут Вы, Нина, вместе с Анатолием, — подарили всем фейсбукцам! СПАСИБО!!!

Нина Краснова: Галечка! Вы читали об этом в моём фейсбуке. Я рада, что эта моя идея Вам нравится. Книга о Толе должна быть живая, с искренними словами о нем, не предназначенными специально для печати, это самые честные и правдивые и самые лучшие слова — эмоциональные высказывания фейсбукцев!

2.

На предыдущей странице был фрагмент фотографии Анатолия Шамардина, а целиком она выглядит вот так: Анатолий Шамардин и Надежда-Шихиди. Я сфотографировала Толю с Надей и с портретом Христофора, как трёх моих друзей, членов Московского Общества греков. Надя Кузнецова-Шихиди — режиссёр театрализованно-массовых представлений. Она много лет работала с Христофором, помогала ему во всём, была его музой-вдохновительницей. И она же работала и с Толей, помогала ему организовывать и проводить концерты, в которых иногда и я принимала участие. Мы с Надей теперь обе остались без наших самых близких друзей. И обе будем заботиться о них теперь и после их земной жизни, как и при их земной жизни, будем делать для них всё, что в наших силах, и доосуществлять какие-то их творческие планы и проекты и увековечивать в сердцах людей память об этих незаурядных творческих личностях, отмеченных Богом и достойных восхищения и любви!

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Елене Фадеевой, Владиславу Доброславскому, Евгению Степанову и другим это нравится.

Надежда Кузнецова: Спасибо, Ниночка, за фото, на которое я смотрю, и у меня наворачиваются слезы, а в душе одна мысль: НЕ ВЕРЮ (что Христофора и Толи больше нет)! Настолько они живут в нас, что сколько бы времени ни прошло, эта мысль всегда будет преследовать! Судьбоносные встречи совершаются на небесах. Спасибо Богу, что они у нас БЫЛИ и ЕСТЬ!!! Обнимаю тебя, дорогой ты мой Человек.

Нина Краснова: Наденька! Я испытываю всё то же самое, что и ты, когда смотрю на это (и на другие) фото, и у меня тоже наворачиваются слёзы на глаза, а в душе одна мысль: НЕ ВЕРЮ, что Толи больше нет, как и Христофора... Они были и ЕСТЬ и БУДУТ с нами всегда!!!!!! 20 июля 2014 г.

22.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ, СДЕЛАННАЯ АНАТОЛИЕМ ШАМАРДИНЫМ

А этой фотографии Анатолий Шамардин сфотографировал нас с Надей Кузнецовой-Шихиди (3 апреля 2014 года, в Доме кино). Надя организовала и вела вечер памяти Христофора Триандафилова, кинорежиссера и сценариста, а мы с Толей выступали на этом вечере, вместе с другими участниками. А когда-то мы выступали на авторском вечере самой Нади. И я тогда посвятила ей вот такие свои стихи, которые очень нравились Толе, и конечно, и Наде, и которые потом были напечатаны в моих книгах «Цветы запоздалые» (Москва, 2003) и «Четыре стены» (Рязань, 2008).

Нина Краснова

БАБЬЕ ЛЕТО

Мы пришли сюда по спецбилетам
И среди цветов, корзин и ваз
Вас хотим поздравить с Бабьим летом.
Надя, Надя, поздравляем Вас!

Ну а что такое Бабье лето?
Я скажу при помощи пера:

Бабье лето, Бабье лето — это
В бабьей жизни лучшая пора!

Пусть уйдёт из Ваших глаз горчинка.
Ваши годы — вовсе не года.
Наденька, красавица, гречанка,
Будьте бабой-ягодкой всегда!

10.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

9 МАЯ Я ПОЧТИЛА ПАМЯТЬ ВСЕХ ПОГИБШИХ И ПАМЯТЬ ЗОЛОТУХИНА И ШАМАРДИНА

Вчера, на Таганке, в день премьеры спектакля «День Победы» режиссёра Юрия Муравицкого, было много народу. И был Вениамин Смехов, элегантный, с блестящей коричневой тростью, окружённый свитой своих поклонников, любезный и обходительный со всеми. Он подошёл к столику, на котором мы с Тamarой Золотухиной разложили книги Валерия Золотухина и сидели за этим прилавочком, убрав от туда стул в белом чехле и заменив его на черный кожаный диванчик.

— Познакомьте меня с Вашей соседкой! — шутливо улыбаясь, сказал мне Вениамин Смехов.

— Пожалуйста, — сказала я, вступая в игру. — И представила ему Тamarу, а ей — Вениамина, которые знают друг друга почти пятьдесят лет.

А потом еще и сфотографировала их, а заодно и сама с ними сфотографировалась. Для истории. А то у них нет ни одной общей фотографии за пятьдесят лет, а у меня есть отдельно с Тamarой и отдельно с Вениамином, а где мы втроем, такой еще не было в моей фотоколлекции.

...Перед началом спектакля Вениамин Смехов вышел к сцене и сказал:

— Я сейчас скажу то, что я говорил здесь в течение десятков лет 9 Мая: «Давайте почтим память погибших на войне — минутой молчания». Весь зал встал и почтил память погибших минутой молчания.

А я про себя почтила еще и память Валерия Золотухина, который ушёл в мир иной год назад, и память Анатолия Шамардина, который ушёл в тот мир через год после Золотухина.

10.05.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

ТОЛЯ ШАМАРДИН ПОДАРИЛ ТАМАРЕ ЗОЛОТУХИНОЙ ЗОЛОТУЮ ЛОШАДКУ НА БРЕЛОЧКЕ

Вчера Тамара Золотухина позвонила мне и пригласила меня на Таганку, на новый спектакль «День Победы». Я сказала ей, что вообще-то мне сейчас не до спектаклей, потому что я вся в горе и печали, я потеряла своего друга Толю Шамардина, певца и композитора. «Я понимаю тебя, — сказала Тамара. — Но нельзя сидеть со своим горем в четырех стенах. Надо выходить на люди». Вечером мы встретились с Тamarой в Театре. Тамара сказала: «Нинуля! Ты (за то время, что мы не виделись с тобой) помолодела! Я не пойму, что в тебе изменилось, но ты помолодела. Стала прямо такая... девочка!». — «Это я от горя похудела на шесть килограммов. У меня совсем пропал аппетит, и я уже почти две недели почти ничего не ем, только пью чай с лимоном, да заставляю себя съесть кусочек чего-нибудь...» — «У меня тоже было такое... когда я ничего не могла есть, и даже пить ничего не могла... Это когда Валера завёл роман с... и я чувствовала себя так, словно я потеряла его навсегда. Это было хуже, чем если бы он умер...»

Мы с Тamarой сели на свое рабочее место за прилавком, разложили дневники Валерия Золотухина на столе. И говорили о Толе Шамардине, которого Тамара видела всего один раз в жизни, когда он, по моей просьбе, сделал Тамаре копию ключика от книжной кладовки Валерия Золотухина (копию с моего ключика) и принес ей его на Таганку и вручил при мне, причем повесил ключик на брелок с золотой лошадкой. Мне Толя — еще раньше — подарил брелок с сиреневой лошадкой, а Тамаре вот потом — с золотой. Это было 8 ноября 2013 года. В год Змеи, перед годом Лошади 2014 года. Толя тогда очень понравился Тамаре своей исходившей от него весёлостью, приветливостью, непринуждённостью и светлой энергией, и вообще — сам собой. Она сказала: «Мне редко кто нравится с первого взгляда. А Толя мне понравился! Хороший, светлый человек, и не тяжелый. Есть тяжелые люди, а он — легкий...» ...Унесла Толю Шамардина его гороскопическая Лошадь в иной мир.

Продать мы с Тamarой 9 Мая ничего не продали, но «День Победы» посмотрели. Правда, я не смогла сосредоточиться на этом спектакле.

И он не задел мою душу. Потому что я в медитациях своих уносила туда, где сейчас Толя Шамардин. Хотя и Дмитрий Высоцкий играл отлично, и Михаил Лукин, и Феликс Антипов, а Иван Зосин плясал великолепно, в чем наши с Тamarой мнения совпали.

13.0.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

В ЦДЛ НА ВЕЧЕРЕ ПОЭЗИИ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПРИСУТСТВОВАЛ СТИХАМИ О НЁМ

Вчера я была в ЦДЛ, в клубе одного стихотворения. Вечера этого клуба когда-то вела Римма Казакова, а теперь ведет Кирилл Ковальджи (а я иногда помогаю ему в этом), но вчера он где-то такое в другом месте принимал участие в церемонии вручения премии «Поэт» поэту Геннадию Русакову, и вечер клуба вела Елена Исаева. Меня пригласил туда писатель и критик Юрий Крохин, который представил там свою новую книгу (объемом почти в 600 страниц), эссе о знаменитых на весь мир поэтах, писателях, артистах, художниках, о великих деятелях культуры, но и не только о знаменитых, а и о не очень знаменитых тоже, в том числе и обо мне. Я при всем зале поздравила Юрия Крохина с этой экстраординарной книгой. А он рассказал о том, как работал над ней в течение десяти и даже двадцати лет. Потом Лена Исаева попросила меня прочитать свои стихи, какие сама захочу. Я сказала: «У кого что болит, тот о том и говорит. У меня сейчас болит одна тема — «Анатолий Шамардин», который на Красную горку ушел от нас в мир иной, Бог призвал его к себе, потому что таких певцов, с такими божественно красивыми голосами, и таких светлых, чистых людей, как он, нет не только на земле, но и на небе, в Раю, где он теперь будет петь свои песни, а нам он оставил свои кассеты и диски и вечную добрую память о себе...» Я прочитала у микрофона свои стихи, посвященные ему много лет назад, *«А этот мир и многолюден так, и тесен. / В нём появился Толя Шамардин. / Мне кроме Толечки никто не интересен. / Мне интересен Толечка один...»*, *«Вы милы, нарядны, кареоки, / Громкий микрофон у Вас в руках. / Вы поете мне под караоке / О любви на разных языках...»*. И еще я прочитала четыре строки, которыми открывала все его выступления на всех наших общих с ним концертах и литературно-музыкальных вечерах: *«Пред-*

ставитель русского бельканто, / Знающий и Бебеля, и Канта, / Анатолий Шамардин — / Это просто шарм один!» И по ходу рассказала о нем присутствующим то, что рассказало. Дух Анатолия Шамардина витал в зале, и я послала ему от себя и от всех присутствующих свою и нашу любовь. Жалко, что в зале не было прибора, на котором я могла «прокрутить» (дать послушать всем) какую-нибудь из Толиных песен.

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Борису Лукьянчуку, Галине Богапеко, Анастасии Колпиковой, Гоар Рштуни и многим другим это нравится.

Гонозов Олег: Это великолепно! 14 мая в 9:38

Галина Богапеко: Ниночка, какая ты молодец! 14 мая в 18:58

Надежда Кузнецова: Ниночка, всё правильно делаешь! Ваш с Толей союз создался на небесах, потому он вечен, тем более прошёл через многие годы совместного творчества! Надо подумать о вечере Памяти (после 40 дней) под его песни и твои стихи! Я помогу тебе в этом. Обнимаю и целую. 14 мая в 22:44

Нина Краснова: Да, Наденька, мы сделаем вечер памяти Толи! 15 мая в 12:10

14.05.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

**ЕЛЕНА ИСАЕВА ЛЮБИЛА АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА,
КАК И ЕЁ МАМА И ВСЯ ИХ СЕМЬЯ**

Лена Исаева сказала мне в конце вечера: «Я не знала, что Толя Шамардин умер! Я потрясена! Он такой светлый человек! Такой прекрасный певец, недооцененный (не публикой, которая любила его и которая всегда принимала его «на ура», а нашими рекламщиками и раскрутками. — Н. К.), незаслуженно недооцененный, он достоин несравненно большего... такой певец... и такой человек... Я не знаю, как скажу своей маме о том, что он умер. Моя мама так любит его... Она сильно расстроится...»

Вся семья Лены Исаевой любит Толю Шамардина, и ее ребенок, ко-

торый в два-три года, совсем маленьким, танцевал под песни Анатолия на мои стихи «Я не пью и не курю» и «Сон под пятницу», когда слушал их. Толя тоже любил всю семью Лены Исаевой и Лену. Не так давно, в январе (или феврале?), он пел свои песни на ее авторском вечере в редакции журнала «Юность» (и я написала и опубликовала в «Независимой газете», в Экслибрисе, статью об этом, то есть я написала ее, а Женя Лесин опубликовал).

14.05.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ЛЮБИЛ ТЁПЛЫЕ ТОНА В ОДЕЖДЕ

Анатолий Шамардин любил в одежде тёплые тона, жёлтые, оранжевые, красные, бордовые, вишнёвые, разной степени яркости. Здесь он (на фотографии в «Юности» 31 января 2014 года, на вечере Елены Исаевой) — в желтой рубашке, солнечный человек и солнечный певец.

14.05.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН С «ЮНОСТЬЮ»

Вот Толя Шамардин с авторами журнала «Юность» и с главным редактором «Юности» поэтом Валерием Дударевым, 31 января 2014 года, на вечере Елены Исаевой.

Как хорошо, что существует фотография, которая сохраняет прошедшие моменты твоей жизни и образы дорогих тебе людей.

Вот здесь Толя Шамардин и Валера Дударев в компании девушек. Милая картинка. Толя в своей любимой рубашке желтого цвета и в черной беретке, которую мне подарила со своей головы Тамара Золотухина, а я отдала эту беретку Толе, когда он потерял в метро свою вязаную шапочку, и ему не в чем было ходить, пока он ни купит другую. Ему так понравилась эта беретка, что он так и ходил в ней всю зиму и всю весну, до мая, несмотря на то, что она вроде бы женская. (В ней он и умер 27 апреля!!!!)

14.05.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

ГОД С ЛИШНИМ НАЗАД АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ВЫСТУПАЛ В ЭЛЕКТРОСТАЛИ

30 марта 2013 года, мы с Толей Шамардиным ездили выступать в город Электросталь, по приглашению библиотеки, где тогда работала наша литературная подружка поэтесса Зульфия Алькаева, которая и организовала наш вечер (он же и вечер «Золовой арфы») и сама же и вела его. По дороге в Электросталь мы с Толей узнали, что умер наш с ним друг Валерий Золотухин. И поэтому мы начали наш вечер с минуты молчания, почтили память народного артиста. Потом немножко рассказали собравшимся в библиотеке зрителям о своей дружбе с Золотухиным, я прочитала свои стихи, посвященные ему, и спела несколько веселых частушек, посвященных ему же, которые он обо-жал. А потом я рассказывала о себе и о Толе, а он о себе и обо мне, и я читала свои стихи из разных своих книг, а Толя пел песни народов мира на разных языках и песни и романсы на мои стихи. А Зуля прочитала свои веселые частушки обо мне, навеянные моими. Вечер получился чудесный в высшей степени. Зрители не хотели нас отпу-скать, говорили, что такого вечера у них не было никогда в жизни, что мы сделали им праздник для души! Толенькой Шамардиным они были совершенно очарованы, и его уникальным, нежнейшим, поистине ан-гельским голосом красивейшего тембра, и переливами этого голоса, и искусством пения, которое называется «русское бельканто» и кото-рым никто из певцов, кроме Толи, у нас не владеет, и, конечно, все были очарованы и самим Толей, излучающим свет, тепло, и радость и лю-бовь на всех, кто его слушает... Зрители были в основном люди в годах, дамы постбальзаковского и пенсионного возраста, но были юные де-вушки, и у всех реакция на Толю была одинаково восторженная... Это может подтвердить и Зульфия, которую все потом спрашивали: а ког-да же Толя Шамардин опять приедет к нам? Да, кто хотя бы один раз слышал этого «русского соловья», уже никогда не забудет его и будет очарован им навеки.

. . . Я, естественно, сделала тогда фотосессию, для истории, как де-лаю это на всех культурных мероприятиях, сфотографировала Ана-толия и сама сфотографировалась со всеми, кто был на концерте...

Дома отсортировала все фотографии на экране монитора... И они у меня потом... все куда-то исчезли. Я уже целый год не могу найти их у себя. Я скинула их на какой-то носитель, на диск или на флэшку, но не могу найти ни этого диска, ни эту флэшку. Прямо форс-мажор какой-то! К тому же у меня компьютер два раза за год полностью выходил из строя, и очень много информации пропало с жесткого диска.

У меня есть такой девиз: если ты потеряла что-то и ищешь это и не можешь найти, перестань это искать, и тогда оно само найдется через какое-то время. И вот сегодня, 14 мая 2014 года, я залезла в ту часть флэшки своего фотоаппарата, в которую не залезала раньше, и неожиданно обнаружила там два кадра, два осколка своей электростальской фотосессии. Значит, и вся фотосессия где-то хранится у меня, и я найду ее. А пока я помещу эти два кадра в своем фейсбуке, чтобы они сохранились пока хотя бы здесь.

На одном кадре — Анатолий Шамардин и Зульфия Алькаева. А на втором — мы с Зульфией и новые поклонницы Анатолия Шамардина. Первое фото — моей работы, а второе — Анатолия Шамардина.

Спасибо Тебе, Боже, что Ты послал мне сегодня вот такой фотопривет от Толи, душа которого летает около меня и около всех, кому он дорог!

14.05.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН:

«НЕ ГРУСТИ, НЕ ВЯНЬ. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...»

17 мая 2014 г.

Мой почивший в Бозе друг Толя Шамардин теперь разговаривает со мной своими песнями. Ехала я позавчера на автобусе со Сходни, где он жил последнее время, к «Речному вокзалу», проезжала маршрутом, которым не раз ездила вдвоем с Толей, смотрела на знакомые здания «Леруа Мерлен», «Ашан», «Икеа», где не раз бывала с ним, и на газонные и луговые пространства с зеленой травой и желтыми одуванчиками, и представляла себе, как бы я гуляла с ним по этим пространствам, хотя гулять нам с ним особо было некогда, мы иногда за целое лето

ни разу не могли прогуляться, например, по Терлецкому парку, полюбоваться природой, послушать птичек, и звучала во мне его песня на стихи Виктора Бокова «Луговая рань», самая первая из тех, которые он когда-то написал на стихи этого поэта, и невыразимо прелестная, со светлой печалью. Она есть на его пластинке и на его дисках:

Луговая рань.
Луговая тишь.
Луговая тень.
Это ты стоишь.

Вся трава в росе.
Вся роса — хрусталь.
На твоём лице
Вижу я печаль.
Ну зачем она?
Не грусти, мой друг.
Я приду к тебе
На зелёный луг.

Я развею грусть,
Я сниму печаль,
Уведу тебя
В голубую даль.

Луговая рань.
Росы на лугу.
Не грусти, не вянь,
Я тебя люблю.

Когда Толя своим проникновенным тенором пел эту песню в концертах, юные девушки и дамы в годах слушали его и плакали. Каждая из них вспоминала что-то свое, милое её душе и, может быть, утраченное, и каждая из них представляла, что он поет это ей и утешает ее, пытается развеять ее грусть. Толя говорил мне:

— Странно... Я иногда пою светлые песни, а девушки и дамы сидят в партере и плачут. Почему?

— А потому что у тебя очень трогательный голос и очень трогатель-

ные мелодии... Их нельзя слушать без слёз. Я тоже плачу от твоих песен и от твоей «Луговой рани».

...Ехала я позавчера от Толи, со Сходни, думала о нём, отрешившись от всех пассажиров и от мегаполисной суеты, и во мне звучала эта его песня и его неземной голос, льющийся в небес:

Луговая рань.
Росы на лугу.
Не грусти, не вянь.
Я тебя люблю.

27.05.2014, 13:31 (Из фейсбука Нины Красновой)

**АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН:
«МЫ С ТОБОЮ РЯДЫШКОМ ПО ТРОПИНКЕ ШЛИ...»**

17 мая 2014 г.

Тогда же, когда и «Луговую рань», Анатолий Шамардин сочинил и песню на стихи Виктора Бокова «Вишенья, орешенья». Пришел с этими песнями в Москонцерт, показать их худсовету. Худсовет посмотрел тексты и ноты и сказал: «Нет, эти песни нам не нужны. В них нет гражданского звучания и боевого духа, они слишком лиричные и не связаны с нашим временем строительства социализма и коммунизма». Но Толя открыл рот и запел «Луговую рань». И в это время открылась дверь, и в зал, где заседали члены худсовета, вошёл руководитель оркестра народных инструментов Владимир Федосеев:

— О! Какая прекрасная песня! Какой чудесный певец! Как Вас зовут, молодой человек? Анатолий Шамардин? Толя, давайте я запишу Вас с Вашей песней и со своим оркестром на фирме «Мелодия»... А что Вы еще поете? Толя запел «Вишенья, орешенья», плавным раздольным голосом Ивана-царевича из сказки:

Вишенья-орешенья,
Яблони цвели.
Мы с тобою рядышком
По тропинке шли.

Было раным-раненько,
Тишина вокруг.
Славила касатая
Шелковистый луг.

Встали мы под вязами,
Сердце тук да тук.
Это ты рассказывал
О себе, мой друг.

Ветерок поигрывал
У родных берёз.
Журавель журавушке
В клюве воду нёс.

Хлопотала ласточка
Что-то над гнездом.
Славила касатая
Глиняный свой дом.

Вишенья-орешенья,
Яблони цвели.
Мы с тобою рядышком
По тропинке шли.

— О! И эта песня прекрасна! Я и её запишу... — воскликнул Владимир Федосеев, потрясенный песнями и голосом Анатолия Шамардина.

И вскоре Толя записал с Федосеевым обе песни на фирме «Мелодия», и обе они попали в Золотой фонд Всесоюзного радио и вошли в долгоиграющую пластинку певца.

...Когда Толя Шамардин в 1993 году приехал ко мне в Перово первый раз и дал мне послушать «Вишенья, орешенья», я обомлела от этой песни, как и от «Луговой рани», и подумала: «А почему эти песни не звучат по радио? Почему люди лишены удовольствия слушать их? Это такая страшная несправедливость! Если бы Толя выступал по радио, он был бы популярнейшим певцом, кумиром миллионов, и не искусственной звездой, а самой настоящей». Для меня он и был и всегда будет таким певцом, такой звездой первой величины, и для всех, кто

его знал и слышал хотя бы один раз. Но, увы, не всем выпало такое счастье — слышать его.

...Ехала я позавчера от Толи, со Сходни, к себе домой, смотрела на весенние майские пейзажи с черемухами и яблонями и вспоминала, как мы с Толей иногда гуляли среди черемух и яблонь в Перове или где-нибудь еще, например, в парке, который есть на некоторых наших фотографиях, а как называется тот парк, тот райский сад, и где, в каком районе Москвы находится, я не помню. И всё тогда было, как в песне, которую пел Толя:

Вишенья, орешенья,
Яблони цвели,
Мы с тобою рядышком
По тропинке шли...

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев (некоторые):

Элле Храмовой, Борису Лукьянчуку, Михаилу Багларидису и 22 другим это нравится.

Владислав Доброславский: Чудесные песни были у Анатолия Шамардина! В том числе «Вишенья, орешенья»! Таких сейчас уже нет! 18 мая в 16:19

Нина Краснова: Да, Владислав! Спасибо Вам за такой комментарий, который очень понравился бы Анатолию, как нравится мне! 18 мая в 23:04

15.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

«АХ, ОДУВАНЧИК!...»

В марте мы с Толей Шамардиным прослушивали у меня в Перове некоторые кассеты с записями его песен на стихи разных поэтов, которые он собирался отдать кому-то на отцифровку, чтобы потом сделать из них новый компакт-диск. Прослушали мы их, поместили плюсами лучшие варианты, и он увёз их к себе домой, на Сходню. А когда

на Красную горку неожиданно ушёл в мир иной и я стала разбирать архивы у него дома, я подумала: где теперь эти кассеты? Если он отдал их на отцифровку, я могу никогда не узнать, где они, и не смогу осуществить его мечту — выпустить за него новый компакт-диск с его песнями. И вот сегодня я была у Толи на Сходне и, слава Богу, нашла у него в комнате эти кассеты, они лежали в белой коробке из-под обуви «Capino». Среди них есть запись одной песни, которая никогда не звучала ни в его концертах, ни по радио. «Ах, одуванчик!» — на стихи Ивана Киуру (мужа Новеллы Матвеевой). Это песня в лёгком и трогательном моцартовском стиле. Когда Толя в своё время напел её одной камерной певице, Алле Соленковой, та пришла от неё в восторженное изумление — и от стихов, и от мелодии, и от голоса Толи — и хотела петь её на пару с Толей, под фортепьяно. Про девушку, которая окапывала и собирала вишни в отцовском саду, и собирала там фиалки и хмель и любовалась на одуванчик у дороги, и ничего не знала о любви, пока не повстречала там своего любимого, но потом она по воле судьбы рассталась с ним и плачет:

Окапывала вишни я в отцовском саду,
О любви ничего я не знала.
О любви ничего я не знала.

Лужок-дуг зелёный уже был в цвету,
Лужок-дуг зелёный уже был в цвету,
Но...
О любви ничего я не знала.
О любви ничего я не знала.

Ах, одуванчик,
Цветок лёгкий,
Что на ветру стоишь ты
В траве у дороги,
В траве у дороги?

Фиалки собирала я в отцовском саду.
Повстречала я там дорогого,
Повстречала я там дорогого.
(...)

Где ты теперь любимый мой? Напрасно зову...
Горький хмель я зачем собирала?
Горький хмель я зачем собирала?

Текут мои слёзы в зелёну траву,
Текут мои слёзы в зелёну траву,
Где
Вишню-ягоду я собирала,
Вишню-ягоду я собирала.

Ах, одуванчик,
Цветок легкий,
Что не стоишь ты больше
В траве у дороги,
В траве у дороги?

Акомпанирует Толе в этой песне и даже подпевает в конце, владимирский гитарист Андрей Лебедев, с которым Толя в 90-е годы выступал в Германии и который потом остался там жить и работать.

...На улице в Москве сейчас зелёные деревья, зелёная трава, и фиалки, и жёлтые одуванчики, как в песне Толи Шамардина «Ах, одуванчик!..» АТоля не видит ничего этого, он покинул этот мир (раньше времени). И я слушаю Толю, и «текут мои слёзы в зелёну траву...».

29.05.2014, 13:41 (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ВСЕГДА СПРАШИВАЛ У МЕНЯ: А ЧТО ПИШУТ ПРО НАС В ФЕЙСБУКЕ?

Я хочу внести веселую ноту в невеселую для меня страницу фейсбука и для всех фейсбуковцев, которые соболезнуют мне в моем горе — в моей печали о том, что Толя Шамардин ушел в мир иной.

Днем 27 апреля, на Красную Горку, и до этого Толя Шамардин несколько раз звонил мне по телефону и спрашивал у меня со свойственным ему юмором:

— Нинетка! А чем ты сейчас, в данный момент занимаешься?

— Я сейчас сижу в фейсбуке и приглашаю всех фейсбуковцев на вечер Союза писателей XXI века 6 мая и сообщаю всем, что на вечере будет выступать Толя Шамардин! — отвечала я в пандан Толе.

— А что на это говорят фейсбуковцы? Как они реагируют на это?

— Они радуются и говорят: «Как хорошо, что Толя Шамардин будет выступать на этом вечере и будет петь нам свои чудесные песни, да еще таким божественно чудесным голосом!

— Да-а?

— Да-а!

— Это очень хорошо!

Толя Шамардин не владел компьютером, но всегда спрашивал у меня по телефону, когда звонил мне:

— Нинетка, а что — пишут ли про нас в фейсбуке? (Эта фраза была у Толи как такая поговорка, как зачин).

— Пи-и-шут! Пи-и-шут! — отвечала я.

— И что про нас пишут?

— Пишут, что мы очень хороши! И главное — все хотят послушать Толю Шамардина! И все спрашивают у меня: а где и когда будет петь Толя Шамардин?

— Да-а?

— Да-а!

— Это очень хорошо!

Анатолий Шамардин не умел пользоваться фейсбуком, но очень уважал и любил фейсбук и фейсбуковцев!

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев (некоторые):

Евгений Степанов, Элеонора Акопова, Евгений Степанов, Dejan Ilic и 29 другим это нравится.

Александр Кирнос: Нина, прими самые искренние соболезнования!
29 апреля в 7:18

Зульфия Алькаева: Ниночка, дорогая! Плачу вместе с тобой! Светлая

память твоему и нашему ДРУГУ Анатолию! Мы его не забудем! Такой был красивый, светлый, талантливый человек, так много дарил радости людям, Анатолий Шамардин. В Электростали меня после вашего вечера все участники, и не фейсбуквцы вовсе, все спрашивали меня: когда вы снова приедете и когда Анатолий Шамардин споет таким удивительным голосом солнечные песни! 29 апреля в 8:42

Владимир Двуреченский: Анатолий не умел пользоваться фейсбуком — он из уст в уста передавал мудрость позитивного отношения к жизни; Анатолий не умел пользоваться компьютером, как, впрочем, и любой техникой — он просто донёс до сердец, что есть главное человеческое счастье... 29 апреля в 8:42

Виктор Широков: Nina, nekoliko raz pialsia vhera napisatebe, virazit soboleznovania... no nikak ne poluchalos. vse sletalo. cvetlaia pamiat! Tolia ushel neozidanno. 29 апреля в 14:17

Нина Краснова: Зулечка, ты тогда, в Электростали, в библиотеке, подарила Толе Шамардину свою книгу. Он читал ее с удовольствием и не закинул куда подальше. Когда я была у него дома на поминках по нему, после его похорон, я увидела, что твоя книга лежит у него на тумбочке. Спасибо тебе за праздник, который ты устроила Толе год назад, пригласив нас с ним выступить от «Эоловой арфы» в Электростали! Толя всегда вспоминал тебя с благодарностью. И, глядишь, написал бы песню на твои стихи, если бы... Спасибо тебе за твои слезы о нем... 2 мая в 22:11

Зульфия Алькаева: Нина! 2 мая в 22:44

Галина Йонаш: Нина, дорогая! Боль утраты — НЕВОСПОЛНИМА!!! НИКТО, НИКОГДА ЕЕ (эту утрату) — НЕ ВЕРНЕТ! Поэтому НАДО научиться с этим жить, хорошее — вспоминать, во имя тех, кто нам, — «не наср..ь!». Ну, если понимаете, о чем я. 2 мая в 22:30

29.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПРИСНИЛСЯ МНЕ И СКАЗАЛ: «МНЕ ТУТ ХОРОШО!»

Анатолий Шамардин ни разу не снился мне с 27 апреля, с того дня, как ушёл в мир иной, на Красную горку. Я перед сном клала расческу под подушку и просила его: «Толя, приснись мне. Скажи мне во сне,

где ты сейчас есть и как ты себя сейчас чувствуешь? Поддай мне знак, поддай мне весть оттуда, где ты находишься сейчас (не в могиле, там только твоя оболочка, а где? там, где твоя душа?)» — Снилось мне что-то смутно связанное с ним, но он не снился. А сегодня — приснился! Он был весёлый, радостный, и весь светился добрым лучезарным светом и улыбался мне, и глаза у него светились. Он стоял метрах в пяти-шести от меня, а я — метрах в пяти-шести от него. Мы стояли на какой-то полутемной площадке. Я не приближалась к нему, а он ко мне. «Как ты (живёшь там, где ты сейчас)?» — спросила я его молча, не говоря ни слова. — «Мне тут хорошо!» — ответил он, тоже молча, не говоря ни слова. Где — тут? На том свете или на этом? Мы с тобой находимся во сне, на одной площадке, в одном пространстве... между двумя мирами, между которыми на самом деле нет никакой границы, как между сном и явью? Ты — тут, вот он ты, и я — тут, вот она я. «Мне хорошо тут, где ты», — уточнил он молча, не говоря ни слова. Значит, его душа находится со мной. Его душа — там, где я, и ему хорошо около меня. Так я растолковала свой сон и слова Толи Шамардина. И, значит, его душа всё видит и всё знает. И она видит и знает, как я печалюсь о нем.

...Не зря моя подруга из фейсбука Клава Лунина посмотрела на фотографию Толи Шамардина, которую я вставила в фейсбук, и написала мне: «Ниночка! Какая чудесная фотография Анатолия! У него глаза так и светятся! Это тебе Большая награда от Бога за дружбу с таким прекрасным человеком и певцом! И ты молодец, что хранишь и дополняешь память о нём! И свет его добрых глаз льётся на тебя, Ниночка, и сейчас! Я это точно знаю!!!» — Она как будто подсмотрела мой сон, в котором Толя улыбался мне, и глаза у него светились добрым лучезарным светом, и этот свет лился на меня.

КОММЕНТАРИИ фейсбукеров (некоторые):

Sergey Garcia, Элле Храмовой, Раде Полищук, Владимиру Григорьевых и многим другим это нравится.

Клавдия Лунина: Ниночка, рязанская душа моя! А Анатолий на этой фотографии (которую я вставила в фейсбук. — Н. К.) еще чудесней, ещё лучезарней и добрей! И очень счастлив, что ты разговариваешь с ним! Ка-

кая прекрасная у него душа, об этом и говорят нам его удивительные глаза! Спасибо тебе, моя дорогая! Пошлём ему букет цветов!

Нина Краснова: Да, Клабочка, пошлём Толе Шамардину букет!!! Букет невянущих полевых цветов от Клавы и Нины! Этот букет очень понравится Толе, и Толя будет очень рад ему! И скажет: спасибо вам, прелестные создания, Клава и Нина!»

Надежда Кузнецова: Ниночка, в Память о нём мы будем делать «великие дела», как любил он говорить.

Нина Краснова: Да, Наденька, в память о Толе будем делать «великие дела»!

Нина Краснова: Наденька, я вчера была в издательстве «Вест-Консалтинг», получила там верстку своей новой книги, 1-го тома двухтомника. Там есть стихи, посвященные тебе. И целый раздел, посвященный Толе Шамардину, и стихи вне этого раздела, тоже посвященные ему.

30.05.2014, 20:20 (Из фейсбука Нины Красновой 29.05.2014)

СБЫЛАСЬ МЕЧТА АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Станным образом иногда сбываются у человека мечты после его смерти. Мой друг, певец и композитор Анатолий Шамардин мечтал о том, чтобы в Экслибрисе «Независимой газеты» когда-нибудь появилась статья о нём. Правда, заметок о нём там было много, в связи с литературными вечерами, на которых он выступал, пел свои песни. Но он мечтал еще и о статье. И вот она появилась сегодня в Экслибрисе «Независимой газеты». Некрологическая статья о нём — «Бог призвал песнопевца в рай». Толя был человек с повышенным чувством юмора. И если бы сейчас воскрес, то очень обрадовался бы этой статье и сказал бы: «Наконец-то моя давняя золотая мечта сбылась!» Причем у него после смерти уже три золотые мечты сбылись: статья о нём появилась в «Московском комсомольце», а в «Литературной газете» появилась отдельная заметочка о нем, а в «Слове» — аж целая полоса (правда, все некрологические, но ведь и этого не каждый удостоится, а он удостоился)!

Воистину смерть — продолжение жизни, как очень точно сказал поэт Евгений Степанов.

31.05.2014, 11:00. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ВЫСТУПАЛ ВО СНЕ НА СВОЕМ СОЛЬНОМ КОНЦЕРТЕ

Сегодня мне опять приснился Анатолий Шамардин. На своем сольном концерте. На большой сцене большого зала, до отказа набитого зрителями, которые осыпали певца цветами и бурными аплодисментами. Анатолий стоял на сцене, нарядный, в своём любимом чёрном бархатном пиджаке, в своих любимых жёлтых вельветовых брюках, в розовой рубашке с пёстрым, черно-вишневым нашейным платочком, и улыбался залу своей лучезарной улыбкой, и весь сиял и светился от счастья и был живым олицетворением счастья. Потому что он выступал в большом зале при большом количестве зрителей и имел у них невероятный успех!

Ведущий объявил: «Концерт окончен! Анатолий Шамардин пел для вас! Он спел вам все свои песни!» Зал разразился овациями и криками «Браво!»

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев (некоторые):

Александре Ирбе, Евгению Смирнову, Ольге Таир и другим это нравится.

Людмила Щипахина: Нина, до чего же трогательны Ваша верность и постоянство!

Нина Краснова: Дорогая Людмила Щипахина, а Анатолий Шамардин еще в советское время не раз видел Вас на каких-то литературных мероприятиях. Он хвалил мне Вашу поэзию и Вас, говорил, что Вы очень обаятельная и красивая.

Клавдия Лунина: Ниночка! Какая чудесная фотография! Прекрасная улыбка Анатолия Шамардина в окружении цветов! Это он Вам прямо с небес улыбается и приходит во сне! Спасибо Вам, дорогая Ниночка, за светлую память о нём!

Нина Краснова: Дорогая Клава! Толя улыбается тебе и всем, кто его любит и ценит! И всем, кто его еще не знает, но когда узнает, будет ценить и любить.

Клавдия Лунина: От фотографий Анатолия Шамардина исходит на нас энергетика счастья! Спаси Вас Госпрдь, Ниночка! Берегите себя!

Нина Краснова: Клавочка! У Анатолия и от его голоса исходит эта энергетика. От его голоса, от его песен поднимались лежащие больные, прикованные к постели. У меня есть записи радиопередач, где слушатели говорили об этом в прямом эфире. А когда Толя выступал в Германии перед немцами, немцы попросили его выступить перед раковыми больными, считая, что его голос поможет больным исцелиться, и люди и правда исцелялись от его голоса, заряжаясь положительными эмоциями.

13.05.2014. 28.01.2015. (Из фейсбука Нины Красновой)

У МОГИЛЫ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО НА НОВОДЕВИЧЬЕМ КЛАДБИЩЕ

1. Я помянула Анатолия Шамардина как «светлого Спасителя рукописи» Андрея Вознесенского.

12 мая 2014 года, в день рождения Андрея Вознесенского, я ездила на Новодевичье кладбище, где каждый год собираются у могилы Андрея Вознесенского его родные и близкие, его друзья. Я приехала туда, когда там собрались уже почти все, кто хотел. Была там муза и вдова поэта Зоя Богуславская, Зоя-Оза, был поэт Андрей Дементьев, был поэт Герман Гецевич, были девочки из Фонда им. Андрея Вознесенского, сестра Зои Эмма, племянница Зои Наташа Скрыпник, помощники Зои по разрешению многих проблем Шамиль Хазиев и его жена Лена, все это и мои друзья. Зоя попросила Андрея Дементьева, Германа Гецевича и меня прочесть стихи, свои или Андрея Вознесенского. Что мы и сделали. Андрей Дементьев прочитал свои стихи «Сказание об Андрее Вознесенском», напечатанные в моем альманахе «Эолова арфа» (№ 6, 2013). Герман Гецевич прочитал два стихотворения самого Вознесенского — «Начни сначала» и еще одно. Я прочитала короткое стихотворение Вознесенского «Выйдешь — дивно. Свитязь видно». И свое «Я Есенина люблю за всё Есенинское. Вознесенского люблю за Воз-

несенинское...» И почтила память не только Андрея Вознесенского, но и Анатолия Шамардина, который когда-то ехал в Переделкино к своему другу Виктору Бокову, на машине, и нашел в канаве верстку книги Вознесенского «Ров», которую поэт случайно потерял на дороге, Толя разыскал Андрея и Зою, вернул им верстку, они спросили его: «А кто вы будете, чем вы занимаетесь?» — А Толя скромно сказал: «Да я просто прохожий...» — и не сказал им, что он солист оркестра Утесова и что он композитор, автор песен на стихи Бокова. Андрей тогда подарил ему свою книгу «Прорабы духа» и написал на ней такой автограф: «Дорогому Анатолию — светлому спасителю моей рукописи — с сердечной благодарностью — Андрей Вознесенский 1986». Этот сюжет Анатолия Шамардина есть в 6-м номере альманаха «Эолова арфа», посвященного Андрею Вознесенскому. Я передала покойному поэту и всем, кто пришел к нему на могилу, поклон от новопреставленного Анатолия Шамардина, душа которого будет летать на земле до сорока дней. Вечная память Андрею Вознесенскому и Анатолию Шамардину, а нам жизнь долгая, чтобы успеть сделать то, что мы не успели, во благо нашей поэзии, нашей культуры.

*13 мая 2014 г.,
фейсбук*

2. Я прокрутила запись песни Андрея Вознесенского «Миллион алых роз» в исполнении Анатолия Шамардина.

31 мая 2014 года, в день памяти Андрея Вознесенского, я опять ездила на Новодевичье кладбище, где, как и в день рождения Поэтарха, каждый год собираются его друзья. Там опять были, ба, знакомые все лица, Герман Гецевич, Наташа Скрыпник... Лена и Шамиль Хазиевы... ещё была поэтесса из Волгодонска Татьяна Мажорина со своей подругой... и другие поклонники поэта... Приехала из Америки ученица Андрея Вознесенского Инна Богачинская. Жалко, что самой Зои Богуславской не было, она навестила Андрея на кладбище ещё утром.

Инна Богачинская когда-то помогала Андрею Вознесенскому организовывать творческие вечера в Америке, в культурных точках. Андрей и Зоя лет пятнадцать назад подарили ей мою книгу «Храм Андрея

на виртуальном ветру», и Андрей упоминал эту книгу в своём интервью с Инной, которое она брала у него. А осенью 2013 года я впервые встретилась с Инной в библиотеке Чехова на конференции... И вот — встретилась с ней опять уже у могилы Андрея Вознесенского... Инна прочитала свою литературную композицию посвящённую ему, с которой она выступает на вечерах. Прочитала его стихи и свои стихи о нём. Мы с Германом тоже прочитали его стихи и стихи о нём.

А я прихватила с собой на кладбище ещё и одну кассету Анатолия Шамардина, 90-х годов, на которой он поёт в московском японском ресторане «Саппоро» песню на стихи Андрея Вознесенского «Миллион алых роз». Причём поёт он её на японском языке, с певицей этого ресторана Ритой. Толя говорил мне, что он всегда пел в «Саппоро» эту песню, но я никогда не слышала этого. А в марте 2014 года Толя нашёл в своём фоноархиве и первый раз в жизни прокрутил мне кассету с рабочей записью этой песни, сделанную прямо в ресторане и чудом сохранившуюся. Это такое непередаваемо красивое исполнение «Миллиона алых роз», и такое трогательное... А теперь, когда Толи уже нет (как и певицы Риты, которая умерла в молодом возрасте, в 30 лет, от рака, лет пятнадцать назад), оно звучит ещё трогательнее... и просто переворачивает мне всю душу...

— Ребята, я сейчас привезла Андрею Вознесенскому музыкальный привет от Толи Шамардина — песню «Миллион алых роз» в исполнении Толи и певицы Риты... и хочу прокрутить здесь эту песню... чтобы и он, и все вы послушали её... — сказала я и прокрутила на диктофоне плёнку с этой песней... И как же божественно звучала она под шелест листвы, под дуновение ветерка, под ясным лазоревым небом, на Новодевичьем кладбище, у могилы автора стихов «Миллион, миллион, миллион алых роз»...

Солнце вспыхнуло яркой вспышкой и осветило могилу с розами, хризантемами, гвоздиками, гладиолусами и васильками в вазах, и наши лица своими лучами и напустило на нас свои солнечные зайчики.

— Андрей услышал песню и послал нам свой привет! И Толя услышал эту песню и тоже послал нам свой привет! Прокомментировали мы это явление.

У Инны был с собой гадальный маятник на цепочке.

Я спросила, затаив дыхание:

— Инна, Андрей Вознесенский сейчас здесь? Его душа с нами?

— Да, и он и его душа всё видит и слышит... И радуется... — сказала Инна, совершив гадальный ритуал с помощью маятника.

— А Толя Шамардин... здесь?

— И Толя здесь... Он тоже всё видит и слышит и тоже радуется. И ни оба посылают нам свои приветы...

28 января 2015 г.,

Москва

31.05.2014, 22:15 (Из фейсбука Нины Красновой)

«БЕЗВРЕМЕННО УШЕДШИЕ»

1.

Каждый раз, когда мы с моим другом-певцом-композитором Толей Шамардиным садились у меня в Перове за стол обедать или ужинать и я подавала к столу щи в керамических шведских мисках из магазина «КЕА», или вареную картошку с салатом, петрушкой, укропом и зелёным луком, или котлеты из индейки, или яичницу... и мы начинали «пиршествовать», если пользоваться его словом, то мы всегда первым делом поминали «безвременно ушедших», к которым принадлежат наши с ним общие литературные друзья — Владимир Солоухин, Николай Старшинов, Виктор Астафьев, Андрей Вознесенский, Валерий Золотухин, Виктор Боков, и наши с Толей родные, мамы, его и моя, братья, его и мой, моя сестра Таня...

— Вот если бы Николай Старшинов не курил, а до этого и не пил по-чёрному (он начал пить на фронте, потом «завязал» с этим делом, но успел подорвать своё здоровье), то он не умер бы таким молодым, в 73 года, — говорил Толя, сочувствуя Николаю Старшинову. — И Астафьев, если бы он не покалечился на войне, не получил там серьёзные ранения, то тоже не умер бы таким молодым, в 77 лет... и Андрей Вознесенский... тоже жил бы и жил, если бы не попадал в автоаварии и если бы не заболел Паркинсоном... и если бы не вёл такой напряжённый образ жизни, какой ведут все знаменитости... И Золотухин — если бы не пил и если бы меньше суетился и гонялся по всей стране и по всему миру за заработками для своих семей... И Солоухин —

если бы не лёг на операцию, которая ничем не помогла ему... Мало они все пожилы. Кто 72, кто 73 года, кто всего 77 лет. А мой брат Эдик, и твоя сестра Таня... и того меньше... лет на тридцать укоротили свою жизнь... жили бы они и жили бы, если бы не пили и не курили и вели правильный образ жизни, как мы с тобой. И сидели бы они сейчас за столом и ели бы щи, как мы с тобой, и радовались бы жизни, — сочувствуя всем «безвременно ушедшим» и жалея их всех, говорил Толя, а в пандан ему и я.

Бокова, который умер в 95 лет, Толя тоже считал «безвременно ушедшим», как и я, и говорил, что он мог бы дожить и до 100 лет, раз дожил до 95-ти... если бы употреблял лекарств поменьше... живёт же Зельдин, которому скоро исполнится 100 лет...

— Царствие Небесное всем «безвременно ушедшим»! — говорили мы с Толей и начинали есть щи и при этом нахваливали и их, и друг друга, Толя меня — за то, что я сварила очень вкусные щи, а я его — за то, что он принёс продуктов для щей, по моему списку, и оба мы нахваливали друг друга за то, что мы оба ведём правильный образ жизни, не имеем вредных привычек, то есть не пьём и не курим, и умеем радоваться всему хорошему, например, шам.

2.

Мы оба рассчитывали и предполагали жить долго. Чтобы успеть выполнить свою «небесную программу», если пользоваться лексикой Вознесенского, то есть свои творческие планы.

Но человек предполагает, а Бог располагает. 27 апреля, на Красную горку, Толя Шамардин неожиданно и для меня, и для всех, покинул этот свет. Сел под деревом по дороге к своему сыну-музыканту, с которым собирался отцифровывать кассеты со своими записями для нового диска (а потом собирался привезти мне картошку для новых щей, чтобы сварить их в честь праздника), и отдал душу Господу Богу. И Бог забрал его к себе в Рай, чтобы он пел там среди ангелов и святых душ.

...И теперь, когда я сажусь за стол обедать или ужинать, я уже одна поминаю всех «безвременно ушедших», в число который попал и золотой песнопевец Толя Шамардин, который еще утром и ещё днём 27 апреля даже и не думал, что он тоже вот-вот, совсем скоро, станет «безвременно ушедшим».

04.06.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

НИНА КРАСНОВА НА МОГИЛЕ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

...3 июня я была на могилке Анатолия Шамардина, моего самого любимого певца и композитора, моего самого близкого и самого верного друга и родного человека, с которым нас связывала 25-летняя дружба, та, о которой поётся, что она «сильнее страсти, больше, чем любовь». Могилка его находится на Новосходненском кладбище, в двадцати минутах ходьбы от его дома на улице Овражной, а потом ещё в десяти минутах езды на 370-м автобусе. Она ещё не огорожена оградкой, и на ней нет никакого памятника, только православный крест с табличкой и два венка из белых и бордовых цветов, с траурными лентами. Я нарвала около Толиного дома букетик полевых цветов — жёлтых лютиков, фиолетовых люпинов, белых зонтичных растений и белых звёздочек, а около кладбища купили куст искусственных розовых гербер с жёлто-зелёными сердечками, на подставочке с искусственной травой и принесла всё это Толе, а для птичек принесла грушу, помидор, кусок лепёшки из тандыра и две конфеты — «Коровку» и желе сливы в шоколаде. И целый час или полтора общалась с Толей, рассказывала ему новости, касающиеся нас обоих, передавала ему поклоны от его и наших с ним друзей и почитателей. В том числе и от фейсбуковцев, прочитала ему свои новые стихи, посвящённые ему, попросила у него прощения за всё, в чём я «был и не был виноват», поплакала и помолилась о нём и сказала ему всё, что хотела сказать, и всё, что лежало «на сердце у меня». Никого со мной и около меня не было, и никто не мешал мне общаться с ним.

Вокруг Толиной могилы после его похорон появилось, выросло ещё четырнадцать могил... и его домовина теперь находится не в первом, а в третьем ряду... не сразу её найдёшь...

Потом я поставила свечки в Новосходненском храме Преподобного Сергия, за Толю, за упокой его души, и за свою матушку, сестру и брата, Царствие им всем Небесное...

Погода была хорошая, солнечная, летняя, птички пели на деревьях свои песенки для нас с Толей и для всех, кто мог слышать их.

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев (некоторые):

Dejan Ilic, Риме Хисамутдиновой, Наталье Лясковской и другим это нравится.

Клавдия Лунина: Ниночка, родная рязанская душа! Какая же ты — молодец! Чистая и преданная душа! И душа Анатолия взирала на тебя с неба и радовалась твоему приходу, и твоим цветам, и твоим словам Ему! Светлая память Анатолию Шамардину! Царствие ему небесного! 4 июня в 9:19

Рада Полищук: Светлая память Анатолию. Да упокоится с миром его душа. Ведь завтра уже 40 дней, да, Ниноля? Крепись, родная. 4 июня в 11:20

Надежда Кузнецова: Ниночка, скоро Толина душа улетит в мир иной, но только не из нашего сердца и ума! Вечная память ему! 4 июня в 12:29

Лена Воронова: Хорошего места ему на Небесах! 4 июня в 13:47

Марина Ахмедова: Ниночка, дай Господь тебе сил пережить твое горе. А другу твоему Вечная память! 4 июня в 22:13

Владислав Доброславский: Царство ему небесное! Вечная память! 4 июня в 22:18

Нина Краснова: Спасибо за поддержку и утешение в горе, дорогие друзья, дорогая Клава, дорогая Рада, дорогая Надя, дорогая Лена, дорогая Марина, дорогой Владислав!!!!!!!!!!!! 5 июня в 1:34

Нина Краснова: Толя ушёл, но приказал нам долго жить!!! 5 июня в 1:34

Наталья Лясковская: Нина, сил Вам и крепости душевной! 5 июня в 7:50

04.06.2014. 23:30 (Из фейсбука Нины Красновой)

**НИНА КРАСНОВА С ОДНОКАШНИЦЕЙ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА
У НЕГО НА МОГИЛЕ**

(Накануне его Сороковин)

1.

...4 июня, накануне Сороковин Анатолия Шамардина, я опять ездила на его могилу. На этот раз — с его однокашницей и ровесницей Тamarой Королёвой, которая училась с ним в пединституте в городе Пятигорске на факультете иностранных языков и знала Анатолия совсем молодым человеком, юношей, очень подвижным, весёлым, тем-

пераментным, но при этом очень стеснительным внутренне, который обладал изумительным голосом и пел песни на вечерах художественной самодеятельности и пленял собой всех и пленил и её, и они оба увлеклись друг другом. Их пути потом разошлись на тридцать с лишним лет. А потом она услышала его в Москве по радио, в программе Павла Морозова «Москва и москвичи» и позвонила ему по телефону, причём на этом настоял её муж Евгений, который оказался горячим поклонником этого Орфея. И Анатолий стал другом дома Тамары и Евгения. И Тамара помогала Анатолию организовывать концерты и аккомпанировала ему на пианино, когда он пел русские романсы.

Мы с Тамарой купили Анатолию ещё цветочков на его могилку (в добавление к тем, которые там уже есть), крупных синих васильков, белых ромашек и каких-то маленьких жёлтеньких и красноватеньких цветочков, зверобоя, кислицы, не живых, а искусственных. Он живые цветы любил только растущими на клумбах или на газонах или на вазонах или на лугу, или в уличных кашпо, или в горшках на подоконнике, но не сорванными (а сорванные, даже, например, и букеты оранжевых цветов в целлофановых упаковках, подаренные ему зрителями на концертах, он не любил, потому что считал, что это цветы, умирающие медленной, мучительной смертью, и ему было их жалко).

Мы с Тамарой расстелили на травке около его могилы скатёрку и устроили завтрак на траве, помянули Толю бальзамом, который закусили пирожками с капустой и яйцами, бутербродами с колбасной телятиной и зеленью, и помидорами. И запили это кваском... И уж так хорошо, душевно, откровенно и искренне поговорили и друг с другом, и с Толей, присутствие которого мы чувствовали и который радовался, что мы пришли к нему накануне его Сороковин.

2.

...А потом мы с Тамарой пошли к Толе домой на Сходню, на улицу Овражную, и еще и там посидели, за кухонным столом, на котором в уголке стоят иконки Спасителя и Чудотворца и стоит фотография Толи, и ещё там помянули его, кагором «Шемаха». И выпили чаю с ягодным тортом «Малина» и с лимоном. И Толя улыбался нам на своей фотографии и радовался, что мы сидим в его стенах и что он — с нами, а мы — с ним...

3.

...5 июня душа Толи Шамардина улетит в мир иной, но будет прилетать отсюда сюда, где его не забудут его родные и близкие люди, его друзья, его почитатели, старые и новые, и будут любить его всегда и слушать его песни. Царствие ему небесное и жизнь вечная!

КОМЕНТАРИИ фейсбукеров:

Надежде Кузнецовой, Inna Bogachinskaya, Владиславу Доброславскому и другим это нравится.

5.06.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

**ГАЗЕТА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА «ПОЭТОГРАД»
СДЕЛАЛА АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ ПОДАРОК К СОРОКОВИНАМ**

В 23-м номере газеты «Поэтоград» — прямо к Сороковинам певца и композитора Анатолия Шамардина — вышел мой большой материал «Вечер Союза писателей XXI века прошёл под песни Анатолия Шамардина». Спасибо тебе, дорогой Женя Степанов! И тебе, помощник Жени Степанова Володя Коркунов!!!!!!! Толя Шамардин улетит в Царствие Небесное с лёгкой душой, зная, что на земле его помнят и любят и будут помнить и любить...

КОММЕНТАРИИ фейсбукеров:

Надежде Кузнецовой, Inna Bogachinskaya, Клавдии Луниной, Андрею Патаркину, Наталье Лясковской, Яннису Кесисосу и другим это нравится.

Нина Краснова: Толя ушёл в мир иной, но приказал нам долго жить!
5 июня в 1:18

06.06.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

СОРОКОВИНЫ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА 5 ИЮНЯ 2014 ГОДА

1.

...За два дня до Сороковин Анатолия Шамардина, когда я сидела у него дома на Сходне и разбирала его архив, мне позвонила наша с ним юная подруга — поэтесса Александра Ирбе, Саша, с которой, и еще с гостем из Ростова-на-Дону писателем и красноведом Эмилом Сокольским, мы — я и Толя — встречали Рождество в Перове, 7 января этого года.

Саша изъявила желание помочь мне подготовиться к Сороковинам Толи и сходить со мной к нему на могилу. С Сашей вдвоем — 5 июня в 9 часов утра — я и поехала от «Речного вокзала» к Толе на Новосходненское кладбище. Причем добираться туда нам пришлось не на 370-м автобусе, которого долго не было и который мы решили не ждать, а на 482-м, до Сходни (до Ускова), а потом на машине частного извозчика — до конечного пункта.

Мы украсили могилу Толи новыми цветочками и сидели на травке около него — в его незримом, но ощущаемом нами присутствии — и пили за него яблочно-абрикосовый сок и разговаривали с ним как с живым, и даже шутили с ним, потому что он любил шутить. И читали ему мои стихи, посвященные ему и напечатанные в газете «Слово». И передавали ему приветы от всех его друзей. А еще мы прикасались руками к его могиле и гладили её своими ладонями и держали на ней свои ладони и через них вбирали в себя горячую, подогретую солнцем энергетику Толи, которая шла из могилы, и обменивались с ним своей энергетикой. Сашина бабушка говорила когда-то Саше, что так всегда надо делать, по какому-то старинному обычаю, чтобы таким образом получать силы от дорогого тебе усопшего человека и давать ему свои силы.

А в первом часу дня мы на машине всё того же частного извозчика поехали к Толе домой, на улицу Овражную, и душа Толи устремилась и полетела туда с нами, по воздуху, легко, свободно и радостно...

2.

В фейсбуке представлено фото: Нина Краснова прикасается руками к могиле Анатолия Шамардина и обменивается с ним своей энергетикой и общается с ним мануальным способом. 5.06.2014. Новосходненское кладбище. Фото Александры Ирбе.

3.

...Дома у Толи Шамардина мы с Сашей Ирбе сидели на кухне за столом и пили кагор с тостами за хозяина и закусывали кагор зелёным виноградом, грушами, мандаринами, помидорами, бутербродами... и слушали в его исполнении, на диске, золотые шлягеры народов мира на греческом, немецком, итальянском и японском языках и, если пользоваться фразеологией Толи, «предавались наслаждению», которое доставляли нам его песни, его божественный голос... И ещё мы смотрели на пейзаж в окне, который Толя очень любил: пейзаж с новенькими розовыми домами эконом-класса и с горой между ними, которая напоминала Толе его родное ставропольское греческое село Хасаут и родной Северный Кавказ, и Пятигорск с Машуком Лермонтова... Толя всегда смотрел на эту гору, на воробышков, которые летали там, и шутил и говорил: «Здесь над горой у меня орлы летают»...

Саша, тончайшая творческая душа, произнесла один очень оригинальный тост: «Выпьем за ключ Иппокрита...» — «А что это за ключ?» — «Это целебный источник, который находится на горе и который даёт человеку творческие силы и вдохновение. На горе у человека выправляется его главный жизненный стержень...» — Толя инстинктивно знал это и, наверное, поэтому всё время звал меня на эту гору. Говорил: «Нинетка, давай поднимемся с тобой на эту гору...» Один раз мы поднимались туда, когда там была деревянная лестница, как у Бальмонта в стихах, со скрипучими ступенями. А потом её кто-то сломал и снёс оттуда...

4.

...Кстати сказать, через несколько дней Саша Ирбе, которая работает в экскурсионном бюро, поедет на Ставрополье, где Толя родился

и вырос, и в Пятигорск, где Толя учился на инязе, то есть она поедет по Толиным следам, по Толиным местам... И мы с ней подумали, что неслучайно Толины Сороковины совпали с этими ее маршрутами. И мы подумали, что неслучайно именно Саша Ирбе оказалась на Толиных Сороковинах у него на могиле и у него дома на Сходне. Значит, Толя захотел этого и притянул её туда... и, значит, он благословляет ее на эту культурную миссию. Я подарила Саше несколько экземпляров газеты «Слово» со своей некрологической статьей о нём и его диски, чтобы она подарила это кому-то из его земляков, чтобы они знали, если не знают, что был и есть такой сладкозвучный песнопевец мирового уровня, единственный такой во всей России, владеющий искусством бельканто в самом чистом виде, Анатолий Шамардин, которым Ставрополье может гордиться как своим бесценным достоянием... и которого мы всегда будем помнить и любить и песни которого будем слушать с неизъяснимым удовольствием и восхищением. И как хорошо, что он успел спеть и записать их на компакт-дисках, для нас. Царствие ему небесное, где он теперь будет петь для ангелов и для птичек райского сада, устраивать там свои сольные концерты, для чего Господь Бог и взял его туда, жалко, что намного раньше срока...

КОММЕНТАРИИ фсбуковцев:

Александре Ирбе, Эмилю Сокольскому, Андрею Патаракину, Роберту Кесслеру, Анне Гедымин, Александру Ксенофонтову, Александру Данилову, Клавдии Луниной, Александру Ксенофонтову, Александру Данилову и другим это нравится.

Клавдия Лунина: Ниночка! Спасибо большое! Очень люблю читать твои рассказы. От них всегда исходит добрая энергетика твоей души!

Александра Ирбе: Нина, я сейчас как раз слушаю диск Толи. Действует, как чашка горячего кофе. 6.06.14. Утро.

Нина Краснова: Милая Сашенька! Толя Шамардин рад, что у него есть такая сверхчувствительная поклонница, как ты!

Александра Ирбе: Да, Я думаю, что ему приятно моё утреннее веселье.

Нина Краснова: Я тоже так думаю, Сашенька! Толе вообще приятно, что мы пришли к нему на Сороковины, и не огромной толпой, в которой с ним не пообщаешься по душам, а вдвоем. И передали ему приветы и по-

клоны от всех, кто не пришёл, но кто любит его и думает о нём и кому его теперь будет сильно недохватать в жизни.

6.06.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

МЕТАМОРФОЗЫ С ФАМИЛИЕЙ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

1.

Анатолий Шамардин не раз рассказывал мне и нашему окружению друзей, а временами и публике, которая присутствовала на его концертах, причём рассказывал всегда со смехом и юмором, о том, что некоторые устроители концертов не могли запомнить его фамилию и постоянно искажали её. То назовут его — ШамАрдин, с ударением на втором слоге, то — ШАмардин, с ударением на первом слоге, то — ШамАрдинов, то — ШамОрдин... а когда он приехал выступать в какой-то татарский город, там на стене висела афиша: выступает певец и композитор Анатолий ШараМУДИНОВ.

— Вообще-то это странно, что некоторые люди не могут запомнить мою фамилию, как будто не знают, что есть у нас в литературе и в истории ШамардИнский редут, и есть ШамардИнская Пустынь... и что моя фамилия ассоциируется с Шамардинским редутом и с Шамардинской Пустынью, а не с «мордой» и не с «мудями», ... — говорил Толя, не сдерживая своего смеха.

Один друг-арабист сказал ему, а ещё раньше Толя слышал это от кого-то ещё, что фамилия Шамардин имеет арабские корни и обозначает – «царь царей» (или сильный царь). А потом Толя вычитал в одной из книг моей домашней библиотеки, в этимологическом словаре «Русские фамилии» (Юрий Федосюк, М., «Детская литература». 1972), что фамилия Шамардин происходит от древнетатарского имени Шахмерден (или ШамардА) и означает «царь храбрых».

— Надо же, оказывается, у меня древнетатарская фамилия, а значит древнетатарские корни, — удивлялся Толя удивлением малого ребёнка, который только-только открывает для себя мир и узнаёт много нового, много такого, о чём он никогда и не думал.

— Ну не зря же говорится: копни в русского (в его родословную) поглубже, и найдешь в нём татарина, — просвещала я наивного Толю. — У меня, может быть, тоже есть татарские корни, раз моя матушка из рязанского края, из Солотчи, по которой когда-то, во времена монголо-татарского нашествия, шли татары, и шли по всей мещёрской ветке, где потом возник город Касимов, а на месте Старой Рязани — город Спасск... и там очень много рязанцев со светлыми волосами и голубыми глазами, но с широкими татарскими скулами и узкими татарскими глазами...

— Но у тебя-то скулы не широкие, а глаза не узкие...

— А зато я почему-то с малых лет люблю сидеть «по-татарски», в татарской позе, скрестив ноги, и это самая удобная для меня поза, в которой я люблю сидеть и отдыхать...

— ...как, между прочим, и индийский Будда.

— Ну да...

— Но фамилия у тебя — Краснова, и её трудно исказить так, как мою фамилию...

...И вот прихожу я 2 июня 2014 года на Новосходненское кладбище, на 16-й участок, на могилу к Толе Шамардину... за три дня до его Сороковин... и начинаю фотографировать её, сама для себя и для своей книги о нём. И что же вижу? На кресте, в ногах у упокоившегося Толи, висит чёрная табличка с золотыми буквами: ШАМАРДИН Анатолий Викторович... А на второй табличке, в головах у него, вкопана в землю чёрная табличка с серебряными буквами: ШАМОРДИН А. В.

...Толя всегда говорил мне, что трагическое всегда соседствует с комическим, и что даже смерть человека порой несёт в себе черты чего-то комического... «Воистину так!» — сказал бы Толя Шамардин в подтверждение своих слов, если бы неожиданно воскрес сейчас и если бы увидел на своей могиле табличку с фамилией Шамордин. А может быть, это Толя и водил рукой гравировщика, когда тот писал фамилию Толи на табличке? Может быть, Толя хотел, чтобы я прочитала её и увидела там ошибку и вспомнила бы, как он со смехом и юмором рассказывал мне о том, что люди всё время искажают его фамилию, и чтобы я перестала плакать и улыбнулась сквозь свои слёзы, получив вот такой весёлый символический привет от Толи из мира иного?

31.10.2014 (Из фейсбука Лидии Григорьевой)

Лидия Григорьева

Вчера, в 5:08

И кто поставит круглую печать,
Мол, завершилось чье-то бытие?
Поэт имеет право на печаль,
Но не имеет права на нытьё!

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ

*Михаил Пискарёв,
филолог, арабист*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН — НЕПРЕВЗОЙДЁННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ БЕЛЬКАНТО

Анатолий Шамардин — это единственный и непревзойдённый исполнитель истинного Бельканто, а не номинального. Со слов опытных и взрослых итальянцев, не вызывает сомнений, что сейчас в Италии никто так не может петь Бельканто, как А. Шамардин, он — во истину Божественный голос, золотой соловей! Бельканто — это не стиль и не жанр, а феномен мужского тенора исполнителя, способность вызывать в сознании и подсознании слушателя одновременно 3 образа. Сладострастно-чувственный, Идеально-романтический и образ мужского здравомыслия, который ведёт и к первым двум...

18 декабря 2009 года в Доме Учёных на Пречистенке, д.16, в Большом зале, с огромным успехом прошёл его сольный концерт с оркестром, «Время нежности», это песни народов мира на немецком, итальянском, греческом, японском языках, а также восточные песни и русские романсы на его музыку. Это просто поэма экстаза! В том я сам смог лично убедиться.

*12 января 2010 г.,
Москва*

*Игорь Михайлов,
писатель, критик, член Союза писателей России,
заместитель главного редактора журнала «Юность»*

ОРФЕЙ СПУСКАЕТСЯ В ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Есть на нашем телевидении передача «Голос», жалконьякая лицензионная копия западных аналогов. В Италии подобная передача, где все одно и то же: цвет кресел, количество членов жюри и даже кажется само жюри, называется *Voce*.

Кстати, за одно участие в этой передаче многие итальянцы воспылали ненавистью к в общем-то неплохой певице Рафаэле Карра.

Никаких особенных голосов ни там, ни здесь эти передачи не открывают, да и не способны открыть. Манера пения довольно однообразная: англоязычная попса, рок, в лучшем случае соул или джаз.

Но настоящий голос — от Бога. Слух можно поставить, нотной грамоте научиться, а вот голос — инструмент довольно таинственный и тонкий.

К примеру, один из величайших теноров XX века Марио Ланца вообще не знал нот. Его не принимали ни в одну уважающую себя оперу. Но Ланца был Голос!

У Анатолия Шамардина был не просто голос, а — Дар!

Его сладчайший тенор напитался солнцем юга. Предки Анатолия по отцовской линии — донские казаки, а по матери — понтийские греки.

Греция — родина трагедии, что в переводе с греческого — козлиная песнь. Вряд ли после великой Марии Каллас, Демиса Руссоса надо кому-то доказывать, что греки — природные певцы. Один из самых популярных британских поп-певцов Джордж Майкл по происхождению грек: Ги́оргос Кириа́кос Панайо́ту.

Греки — певучая нация, которая к необыкновенной жизнерадостности и темпераменту привила дичок европейской культуры.

Анатолий родился на Ставрополье, в селе Ольгино. Его — родина юг России с его напоенной солнцем природой, выжженной степью, лучезарной голубизной неба. Биография его извилиста и не проста. После средней школы — Горьковский институт иностранных языков и Ленинградская аспирантура.

Немецкий — профильный язык — потом переключает в репертуар, вызвав из небытия песни певцов ГДР.

Карьера Анатолия берет свое начало в 1970 году, когда приказало долго жить итальянское эстрадное бельканто. Именно в этом году он получает диплом певца-вокалиста и работает в оркестре Леонида Утесова, в котором в роли конферансье выступает будущий «выпускник кулинарного техникума». Потом — Росконцерт, Анатолий мотается с концертами по стране и пользуется у слушателей невероятным успехом.

В 1974 году в журнале «Кругозор» вышла его первая гибкая пластинка с напутствием Виктора Бокова. Потом увидела свет долгоиграющая пластинка «Гитары любви», выпущенная фирмой «Мелодия» тиражом 100 тысяч экземпляров с предисловием Людмилы Зыкиной.

Глядя на греческий профиль Шамардина, Утесов говаривал:

— Толенька, с твоим носом пять русские народные песни безнравственно!

Это и предопределило его выбор в тот злополучный момент, когда оркестра Утесова не стало.

В 1980–90-е годы он жил и работал в Европе, в том числе — в Греции и Германии. Записывал песни с легендарным гитаристом Ореховым. Весьма возможно, что немногие сохранившиеся записи Орехова существуют благодаря песням Шамардина, которым он аккомпанировал.

Говорят, Бог шельму метит. Даровав своего отпрыска необыкновенным талантом, Всевышний отнял у него возможность устроить свой быт, заработать на хлеб.

Квартиру он получил лишь пару лет тому назад на Сходне. По какой-то злой иронии судьбы, в последний путь Анатолия проводят именно на Сходне. Он похоронен на Новосходненском кладбище.

Но до этого благословенного момента он приходил в ЖЭК и частенько интересовался судьбой своей очереди на жилье.

Ему говорили, что очередь движется благодаря естественной убыли очередников. Толя перехитрил государство, все же перед самой своей кончиной получив жилье.

Последнее свое пристанище!

Но, словно и не нужно певцу никакой прописки и жилья, как соловью.

Поэтому, будто в насмешку его прописывали в общежитии работников культуры «без права проживания», он скитался по съемным квартирам, работал за довольно символические гонорары в ресторанах, в основном итальянских и греческих.

Но время его песен безвозвратно ушло, как и публика. Голос эпохи — колокольный перезвон монет. Это — набат в память великих русских теноров, Александровича, Виноградова, Лемешева, Козловского, Магомаева.

Но Анатолий пел, потому что родился певцом. Просто потому, что не петь не мог.

Он частенько приходил в «Юность», чтобы простодушно похвастаться новой песней. Пение было единственной формой его существования.

Никто ни разу не видел его унывающим. Всех своих знакомых и друзей он встречал с неизменной лучезарной улыбкой:

— А это мой самый дорогой друг ...!

Толя был просто пронизан теплом и радостью, как будто впитал все эти чувства из песен, итальянских и греческих, швейцарских йодлей, впитал с молоком матери его исторической родины.

27 апреля его старое, словно командирские часы, сердце на 77 году, остановилось.

Но песни, а он кроме всего прочего писал песни на стихи Бокова, Нины Красновой, Валерия Дударева, Николая Старшинова, Владимира Кострова и других, до сих пор, несмотря ни на что, живые и свежие, словно цветы поклонников на его скромной могилке.

Вот одна из них. Песня на стихи Нины Красновой. Удивительно томная, лиричная, сладостная, подлинное русское бельканто:

СОН ПОД ПЯТНИЦУ

Мне приснился сон под пятницу:

Я надела «белу платьницу»

С вышивкой по рукавам

И пошла на вечер к Вам.

Я пойду на вечер в пятницу, Вместо брюк надену «платьницу» С вышивкой по рукавам, Чтобы стать милее Вам.

До свидания, бельканто! Последний русский голос. Солнце сладостного пения закатилось на Сходне. Орфей спустился, снизошел в ад, чтобы воскреснуть в раю наших воспоминаний о нем, нашей всепременной и бесконечной любви!

6 мая 214 г.,

Москва

«Московский комсомолец», 5 мая 2014 г.

Журнал «Юность», № 6–2014

**ВАЛЕРИЙ ДУДАРЕВ: «АНТИЧНАЯ ЛЁГКОСТЬ,
АНТИЧНАЯ ВЕЧНОСТЬ ЖИЛА В НЁМ...»**

22 мая 2014 года в редакции журнала «Юность» состоялся первый — стихийный — вечер памяти Анатолия Шамардина, верного друга «Юности», участника культурных мероприятий этого журнала, в том числе и «посиделок», а кроме того — автора песен на стихи авторов «Юности».

За длинным накрытым столом в родных стенах «юностиевцы» — Валерий Дударев, Игорь Михайлов, Игорь Рутковский, Генрих Палоян, Ирина Алексеева, Нина Краснова и т. д. — поминали своего русского Орфея добрыми словами, рассказывали о нём каждый своё, с теплотой и любовью, и слушали его песни и пили за него не чокаясь и чокаясь, потому что у Господа Бога все живы, и Анатолий Шамардин, Толя для всех нас жив.

Вот часть «речи» поэта Валерия Дударева, главного редактора «Юности» и младшего друга Анатолия Шамардина, которая записалась у меня на диктофон и которую я расшифровала.

Нина Краснова,
19 января 2014 г.

*Валерий Дударев,
поэт, член Союза писателей России,
главный редактор журнала «Юность»*

— Толя Шамардин был человеком искусства, человеком служения искусству. Он нашёл какой-то свой особенный путь. И этот путь был узнаваем, и узнаваем был сам Анатолий Шамардин. И — удивительное дело — казалось, что он будет всегда. Есть такие люди, которые должны быть всегда. С ним, то есть без него, с его уходом теряется какая-то светлая-светлая чёрточка в этом мире. Как там у Бунина? — «Лёгкое дыхание снова развеялось в мире...» Когда ещё Господь Бог создаст такого человека? А может быть, уже и никогда... Может быть, всего один раз Господь создаёт такого человека, который был как-то лёгок... Лёгок в общении с людьми, лёгок к изучению чужого языка. И говорил на немецком, как на родном русском, хотя был по национальности греком. Какая-то античность в нём жила, какая-то такая античная лёгкость, античная вечность. И его концерты, на которых я бывал, и на которые собирались люди, это были концерты вообще не для телевидения (не для саморекламы, не для самораскрутки) и не ради славы (и тем более не ради денег), они были для людей, которые живут в вечности, живут вечностью.

Он мог бы петь где-нибудь на берегах Древнего Понта, где его собирались бы слушать какие-нибудь женщины в особых одеяниях того времени, в туниках... То есть Толя был вот таким! И вот эта какая-то его лёгкость... она передавалась всем! И он, главное, что ещё интересно... он никогда ничего не требовал для себя. Он просто был бессеребrenиком. И я вспоминаю одну историю, которую он рассказывал... Однажды к нему в комнату залез вор, походил по комнате, ничего не нашёл там из того, что можно было бы украсть, и оставил ему в шкафу свой пиджак, где-то украденный пиджак, и написал записку: «У вас ничего нет, я вам даже свой пиджак оставляю...».

(Нина Краснова: «... а в следующий раз ещё что-нибудь вам принесу (на вашу бедность».)

Между прочим, Шамардин был потрясающим рассказчиком! Вот эти его истории из жизни, которые он рассказывал, были очень интересны. И надо отдать должное всё-таки Леониду Осиповичу Утёсову — он не ошибался в людях (и в людях с Божьим даром). Утёсов сразу увидел и разглядел Толю, и сразу оценил его дар (и взял Толю в свой оркестр). Но Толя... в чем трагедия настоящего таланта... в том, что он не умеет идти по карьерной лестнице.

(Реплика: «Ой, совершенно!»)

Это беда истинного таланта!

(Реплика: «Беда-а...»)

Он не был рождён для того, чтобы идти по карьерной лестнице... Он был такой... Куда судьба забросит его, там он и будет радовать людей.

Давайте помянем его... И я думаю, что он — где-то рядом с нами, и что он нас обязательно слышит...

Голос Анатолия Шамардина... Я думаю, кто-то ещё скажет о его голосе, о его песнях, скажет, что он создавал песни на стихи русских поэтов, причём поэтов разных времён, разных поколений...

Светлая ему память! А искусство — оно вообще бессмертно! И все мы — часть искусства. А Толя Шамардин — та особая часть искусства, которая будет всегда существовать с нами и для нас, и Толя будет с нами всегда!

Давайте помянем Анатолия Шамардина, народного и великого артиста Земли Русской!

Феликс Шведовский
член Союза писателей России

НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА БОЛЬШЕ НЕТ

Анатолий Шамардин — впервые я услышал его чудесное пение на одном из литературных обсуждений в журнале «Юность». Как водится, это была не просто говорильня по поводу чьей-то публикации, но еще и разнообразное услаждение собравшихся: чрева — вкусной едой с бодрящим питием, зрения — ликами прекрасных дев и юношей, а слуха — песнями Анатолия под гитару. Потом я слышал его много раз и всегда ловил себя на том, что мне не так важно, поет ли он зажигательные частушки или лирические стихи Нины Красновой (которая часто подпевала ему), или же песни на иностранных языках (которые он знал в чарующем множестве). Главным в этом процессе для меня было просто внимать голосу Шамардина, и в них самих, в этих звуках, и заключались какие-то бесконечные дополнительные смыслы того, что он пел.

С какого-то момента Анатолий стал выступать и на вечерах, связанных с моими публикациями и книгами. Он искренне радовался им, и я всегда буду гордиться такой высокой оценкой моего творчества со стороны этого человека-легенды из оркестра Утесова, признанного «Золотым голосом России».

Помню, как Анатолий пригласил меня в числе других авторов и членов редколлегии журнала «Юность» на свой концерт в ДК МВД. Был полный зал. Его чествовали на самом высоком уровне. А он приходил так запросто на наши посиделки в редакции... В нем не было никакой заносчивости — один только талант.

И еще он очень любил на этих посиделках рассказывать разные анекдотические истории о своих встречах со знаменитостями. Делал он это мастерски. Мы забывали свои споры о литературных вкусах и слушали только Анатолия. Смех объединял нас.

А еще Анатолий Шамардин был человеком с ясной гражданской позицией. Помню, какой приятной неожиданностью оказалась для меня наша с ним встреча на Садовом кольце в феврале 2012 года, когда москвичи, которые требовали честных выборов, встали, взявшись за руки, вдоль улицы, окружавшей центр города, и называлось это «Белый круг свободы». Анатолий был среди них. Для него, человека с необыкновенным талантом, это было необязательно, ведь красота спасает мир сама по себе. И все же он «вышел на площадь»...

Не верится, что Анатолия Шамардина больше нет.

Июнь 2014 г.

*Николай Железняк,
член Союза писателей России*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН — УНИКАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, УНИКАЛЬНЫЙ ПЕВЕЦ

Я недолго знал Анатолия Шамардина, всего несколько лет. Но мне посчастливилось знать его. Уникальный человек, по своим человеческим качествам, и уникальный певец, с неповторимым голосом. Подлинное бельканто России.

Сплав его звучания вышел из его родовых корней: напевность донских казаков и мелодичность греческих мотивов, — они соединились в вихрь эмоций, выводящий к неизменной радости, счастью жизни.

Анатолий не расставался с гитарой, каждый раз радуя преданных друзей и завоевывая все новых поклонников, которые уже никогда не могли забыть пропетых им песен. Звучавших и в маленькой гостиной «Юности», и с огромных сцен концертных залов. Одними из любимых в его репертуаре были пронзительные песни на прекрасные стихи Нины Красновой. Анатолий выпевал их как волшебник, чародей, вышедший к людям. И никто не мог поверить, что этих песен не сложил народ в глубинке России.

Обладая абсолютным слухом, он исполнял песни разных народов, не только любимые родные русские и греческие, а и итальянские, немецкие, французские, английские, даже японские, да и множество иных. И снова и снова благодарные слушатели признавали в нем соотечественника, ибо так петь мог только человек, понявший душу народа.

Никогда я не видел Анатолия в унынии. Ему был неведом самый страшный грех — грех отчаяния. Оптимистичнее и веселее его не было в любой компании. Что скрывал он в своем сердце, какие трудности жизни, предательства и преграды, коих немало на пути настоящего таланта? Тем более пришедшего с окраины страны, из народа, и не имевшего покровителей.

Россия, к сожалению, потеряла один, но незаменимый голос солиста в своем хоре.

Анатолий остался в сердцах друзей, поклонников, в своих песнях, записанных еще на кассеты, но и прошитых на современные диски. Остались его статьи, эссе, рассказы. Его не забудут. Это просто невозможно. Анатолий Шамардин с нами. Я слышу его голос.

9 июля 2014 г.,
Москва

*Генрих Палоян,
член Союза писателей России
и сотрудник журнала «Юность»*

НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК ИСКУССТВА (О певце и композиторе Анатолии Шамардине)

Нина Краснова — Генриху Палояну:
20.11.2014, 22:36

Генрих!
СПАСИБО тебе за твои «полстранички» о Толе Шамардине. Это — полстранички, но какие! В сжатой форме ты смог много сказать о Толе, и очень точно и ярко нарисовать его образ,

и сделал это с любовью к нему. Твои полстранички стоят целой монографией! Толя радуется им, пребывая на небесах!!!

Посылаю тебе твои фотографии сегодняшнего дня. Спасибо тебе за вывоз и доставку тиража моей книги «Тайна» ко мне домой, в мой склад.

До встречи в «Юности»! Успехов тебе на всех дорогах жизни и творчества!

Нина Краснова

— Чрезвычайно рад! Чрезвычайно рад! — всегда с распахнутыми объятиями и искренней улыбкой приветствовал Анатолий своих друзей. А при встрече на улице его всегда можно было выделить из толпы по его яркой одежде, неизменной гитаре в руке и, частенько, огромному старому магнитофону (с записями минусовок песен) в другой.

Любой человек с первых минут знакомства с Анатолием подпадал под власть его обаяния. Ведь каждому сразу становилось ясно, что перед ним — человек искусства, все интересы которого лежат исключительно в области песен, литературы и музыки.

Когда я познакомился с Анатолием, я в то время сотрудничал с «Литературной газетой». Там изредка выходили мои тексты в юмористической рубрике. И оказалось, что Толя был ее постоянным читателем. Как только появлялся в печати мой рассказ, он всегда первым спешил меня поздравить с этим. Таким образом, с уходом Анатолия я потерял не только хорошего друга, но и своего самого благодарного читателя.

Прощай, Анатолий, замечательный друг, великолепный певец, композитор и переводчик иностранных художественных текстов. Настоящий человек искусства.

20 ноября 2014 г.,

Москва

*Игорь Рутковский,
член Союза писателей России,
ведущий рубрики «Плутшишка Гео» в журнале «Юность»*

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КРАСОТА АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА СОЧЕТАЛАСЬ С КРАСОТОЙ ЕГО ГОЛОСА

Жизнь входит, а подчас врывается в нас новыми людьми. Таковым был и наш друг Анатолий Шамардин — талантливый, энергичный, яркий, всегда заряженный оптимизмом, творческими планами и своей работой Человек.

Анатолий часто приходил в нашу «Юность», весело и громко здоровался со всеми и представлял нам свои песни, и делился с нами своими мыслями и находил у нас поддержку и обретал всё новых горячих поклонников и поклонниц своего певческого дара.

Анатолий имел своё мировоззрение и свои суждения обо всём и приходил к нам всегда с какой-то интересной темой: о воспитании людей (как правильно воспитывать их), о нашей ответственности перед окружающими, о творчестве, об отношениях людей в творческой и просто человеческой среде, о коррупции, об организации общества вообще.

Однажды произошло непредвиденное: во время застолья в редакции журнала «Юность» я, жестикулируя с бокалом шампанского в руках, неожиданно для себя пролил его содержимое на Анатолия... Все огорчились, засочувствовали ему, а он (как истинный интеллигент по Чехову, который не оговаривает человека за то, что тот пролил в гостях кофе на скатерть. — Н. К.) по-доброму отшутился, не стал упрекать меня за мою неуклюжесть, а по-дружески похлопал меня по плечу. А я даже нашёлся, что сказать, и заявил, что это должно стать у нас в редакции доброй традицией — обливать певца Шамар-

дина шампанским, виски и коньяком в знак признания его человеческого Я.

Человек талантливый, он был интересный рассказчик разных историй из своей жизни и из всего виденного им, и при этом страстный публицист и оратор, часто исповедывающийся перед своими слушателями.

О талантливых людях он всегда говорил смело, открыто, с восторгом и со знанием дела, ибо сам он был талантливый — мыслящий, верящий во всё хорошее, высекающий свои искры высокого смысла среди унылой, серой обыденности.

У него был Духовный Стержень, присущий настоящим людям, Неравнодушным, Созидающим, и Музыкальный склад Натуры, и своё тонкое и глубокое понимание Песни, её композиционных, языковых, смысловых и эмоциональных особенностей, национального колорита. Всё это составляло его человеческую основу и являлось жизненной опорой и для него, и для всех, кто ценил неординарность Анатолия.

Анатолий много работал сочинял песни, репетировал, давал концерты и в узком кругу, и на больших сценах (в Политехническом музее, в Доме учёных, в ЦДЛ, в ДК МВД, в греческой аудитории, где его очень любили), он широко гастролировал по России (Алтай, Рязань, Ярославль, Нижний Новгород, Кубань, Урал, Северный Кавказ, Тверь).

Лингвист по первому своему образованию, грек по своим корням (по материнской линии), Анатолий испытал на себе влияние не только русской, но и греческой и европейской культуры, и любил культуры разных народов мира и с удовольствием исполнял и русские народные и песни и романсы, и эстрадные советские песни, и свои авторские, и греческие певческие шедевры, и итальянские, и немецкие, и английские, и даже японские. У него был очень широкий и богатый по своему диапазону репертуар, который формировался более пятидесяти лет. И сформировалась своя творческая эстетика, свой индивидуальный стиль и своя техника пения. При этом он следовал высоким классическим традициям и канонам вокального искусства.

Бог наградил Анатолия изумительным голосом, тенором специфического звучания. И у Анатолия человеческая красота сочеталась с красотой его голоса и самым тембром этого голоса, который был узнаваем и очень привлекателен и притягателен для всех, на него нельзя было не обратить внимание. И сама манера пения у Анатолия была мягкая, лиричная, сердечная, доверительно-задушевная, тёплая. Он никого не оставлял равнодушным. Он радовал всех нас своими песнями и сам собой. И мог бы радовать и дальше.

Но всему на этой земле есть свой срок. Есть время восхода солнца и его заката. Есть время лету и другим временам года. Есть время жизни и конца жизни человека, жизни людей в некоем хронологическом отрезке бытия.

(Как жалко, что Анатолий Шамардин ушёл от нас раньше срока... — *Н.К.* 26.01.2015.)

*13 августа, сентябрь, ноябрь 2014 г.,
Москва*

*Татьяна Черыгова,
член Союза писателей России*

«ПРОСТО АНАТОЛИЙ...»

Поэтесса Татьяна Черыгова, живущая в городе Пушкино Московской области, автор журнала «Юность», написала и дала мне свои воспоминания об Анатолии Шамардине для книги о нём. Вот они.

*Нина Краснова
31 августа 2014 г.*

Занавес... Сцена... Человек с гитарой перебирает струны нашего сердца. Анатолий Шамардин! Просто Анатолий. Исполнитель песен народов мира.

Он был приветлив. Таким был и танцор Махмуд Исинбаев, кото-

рый посвятил свою жизнь не песням, а танцам народов мира. Творческое устремление обоих было обаятельно... И Анатолий, и Махмуд были влюблены в национальные особенности разных народов, ловили тончайшие нюансы этих особенностей, утепляя наши сердца, и поэтому наша планета была для них местом проживания друзей. Вот и наш Святой Серафим Саровский напутствовал всех обращающихся к нему за советом: «Стяжай мир в самом себе, и многие спасутся вокруг тебя...»

Все рвутся в «первачи», а Анатолий пел, как поют птицы, отдаваясь своему Дару.

Во мне всегда было желание — обратиться к Шамардину по имени и отчеству. Не знаю, почему? Помню, на вечере Нины Красновой в ЦДЛ мы с Анатолием встретились в антракте. Когда я произнесла «Анатолий...» (и не знала, как назвать его по бабушке), возникла пауза. Он это заметил и сказал: «Да. Анатолий (без отчества). Просто Анатолий». Моя заминка растворилась в его улыбке. Сейчас эта улыбка оживает у меня в памяти, восстанавливает равновесие в заболтавшемся мире.

Однажды Анатолий меня спросил:

— Вы стали редко появляться в редакции (журнала «Юность»). Очень рад увидеть Вас!

Я призналась:

— У меня сейчас нежный возраст, потому что у меня родилась внучка. Я боюсь переохладений и редко выбираюсь из дома. Занимаюсь внучкой.

У Анатолия вскинулись брови.

— Чудо! Я Вас поздравляю! Как зовут Вашу радость?

— Мария-Франческа.

Округляя раскосые глаза, он выдохнул:

— О! Красиво! Итальянка?

— Да... наполовину. Её папа из Италии.

— Чудо! Любовь не знает границ!

...Уход Анатолия из нашего земного мира был удивительным. Анатолий сел под деревом отдохнуть, чтоб перевести дух, а этот дух возьми и отлети в благословенные миры. Там, очевидно, готовилась встреча Анатолия с его Учителем — Леонидом Утёсовым, в небесном оркестре которого, наверное, очень не хватало Анатолия Шамардина. А Ученик в полной творческой форме. Мы можем искренне пожелать им творче-

ских успехов в звёздной филармонии, где собираются, пройдя земные испытания, лучшие из лучших. Устремления душ влетают в космические гармонии, доносят нам миролюбивые послания. Надо слушать и слышать то, что исходит из Сердца Мира, пробивая надземные слои разложений.

Анатолий Шамардин нёс своё Поручение от Бога, бережно прижимая к груди гитару, служа посеву добролюбия в нелёгких земных обстоятельствах.

*31 августа 2014 г.,
г. Пушкино Московской области*

*Владимир Пустовитовский,
поэт, прозаик, член Союза писателей*

ВРЕМЯ ЛЕЧИТ, НО ЕГО ТАК МАЛО

Купив в церковной лавке свечу, я иду узкой дорожкой. Справа за металлическим забором кладбище. Тишина и покой. Огромные крашенные ворота открыты. Пытаюсь вспомнить, видел ли я хотя бы раз их запертыми? Нет, они открыты всегда, словно напоминая, что в любой год, в любой день, в любую минуту, и ты, и кто-то другой могут попасть сюда в качестве гостя или постояльца. Подойдя к храму и перекрестившись, я вхожу в церковную тишину, покой и яркое убранство. Божий одуванчик в платке, повязанном на крошечную головку, тряпкой натирает святого Пантелеймона. Точнее икону с его изображением. На зацелованном стекле исчезают еле заметные следы от страстных губ верующих.

Я подхожу к канону и зажигаю принесённую свечу от свечи догорающей. Моя свеча, как исполин, возвышается над другими, зажжёнными раньше и почти до конца отдавшими свой неяркий огонёк времени и пространству. Снова крещусь и желаю царства небесного почившему

рабу Божьему Анатолию Шамардину. Пытаюсь вспомнить, когда я увидел этого светлого человека в первый раз. Это было больше четверти века назад. Он пел песни на презентации альманаха «Истоки» в Доме литераторов. Его звонкий голос разливался по крошечному залу. Звучало было тесно в узких стенах, и они пытались раздвинуть сталинскую постройку, воздвигнутую для литераторов. Улыбка Анатолия! Это что-то такое истинное, которое нельзя принять за искусственное (в отличие от искусственного, которое иной раз принимаешь за истинное).

...Наши с ним встречи были редки, только на презентациях очередного альманаха. Но его не гаснущая улыбка — как зерно, брошенное не на камень, а в землю, проросло.

...Я вижу худощавую фигуру певца, и слышу его звонкий голос, идущий из глубин, не разгаданных до конца. И ощущаю всё это как потерю и ощущаю глубину этой потери, она по-особому жестока и несправедлива.

Я знаю — время лечит, но у нас его так мало...

2 июня 2014 г.,
Москва

*Сергей Белянин,
фотокорреспондент,
член Союза журналистов России*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПЕЛ НЕ ТОЛЬКО ГОЛОСОМ, НО И ДУШОЙ

Позавчера наш с Анатолием Шамардиным общий друг фотограф Сергей Белянин, мой сосед по Перову, который много раз бывал на наших литературно-музыкальных вечерах, в основном в ЦДЛе, и фотографировал нас для истории и которого ошеломила внезапная и — главное — безвременная смерть Анатолия, всегда такого жизнерадостного, никогда ни на что не жалующе-

гося, и сказал, что написал свои воспоминания о нём, которые хотел бы передать мне. Мы встретились с Серёжей на автобусной остановке около моего дома, и он дал мне два листочка своих воспоминаний вместе со своими соболезнованиями по поводу смерти золотоголосого песнопевца, которому жить бы ещё и жить и петь бы и петь свои песни и радовать людей, поднимать настроение людям.

Нина Краснова
9 июня 2014 г.,
Москва

Ушёл из жизни Анатолий Шамардин — певец, композитор, музыкант и, что самое главное для меня, — светлый, искренний и доброжелательный человек.

Мы с ним не были, что называется, друзьями, встречи наши были несчастными, в основном в ЦДЛе, где он выступал на литературно-музыкальных вечерах, и в Перове, на улице или в метро, но эти несчастные встречи давали мне огромный запас оптимизма и тепла...

Где бы ни пересекались наши с Анатолием пути, он всегда представлял свои руки широко в стороны и шёл ко мне с радостным приветствием: «О, какая приятная встреча!» — и обнимал меня за плечи с радостной улыбкой, будто мы не виделись с ним несколько лет. Так широко раскрывалась его душа. При этом он будто не говорил свои слова приветствия, а пел какую-то весёлую песню. Таким же он был и на сцене, слегка приплясывая и искусно варьируя переливы своего красивого высокого голоса, который сохранил до конца жизни.

У Анатолия была своя преданная ему аудитория поклонников. И очень разнообразный репертуар, которому мог бы позавидовать любой известный певец. Анатолий пел не только русские песни, но и иностранные, причём знал все иностранные языки, на которых он поёт.

В начале своего артистического пути Анатолию довелось поработать в оркестре Леонида Осиповича Утёсова. И, может быть, общение с Утёсовым повлияло на то, что Анатолий, при своих исключительных вокальных данных, пел в первую очередь душой. И все, кто знали его, отмечали это.

Сочинённые им мелодии песен на стихи современных поэтов легко запоминались и входили в душу каждого слушателя, так как имели свойство поднимать настроение.

Сегодня, когда я включаю записи песен Анатолия Шамардина и просматриваю его фотографии, я чётко вижу этого приятного и потрясающе талантливого человека, который оставил светлую полосу на небосклоне жизни.

7 июня 2014 г.,

Москва

*Надежда Мухина,
член Союза художников*

НОТНЫЕ ЗНАКИ

Анатолию Шамардину посвящается

Всё, что было в моей душе, — было миром. И песни слагались сами собой, как те белые облака, что летели над миром. Я слушал шорох сонной травы и, видя пробуждение бабочек, смотрел, как, тяжело отрывая крылья от земли, они сливались в синей бездне.

Я получил Дар от Бога — Голос! И как часто мне хотелось слиться с шумом берёз... подладиться к пению соловья или вместе с ветром выплеснуть из груди всю тоску по безвременно ушедшим из жизни. Я не стремился к славе! Она тихонько обошла мои голосовые связки, и оттого, видно, я сохранил свой Голос до 76 лет.

Здесь, на земле, сейчас все так много поют... поют... и думаю я — долетят ли их голоса до Бога? До тех высот, где звёздный покров окутывает всю землю и, чувствуя усталость от звуков, порой окутывает землю плотным, едким дымом. Смог разъедает голосовые связки, и, задыхаясь, люди молят Бога о дожде! Об очистительной влаге, которая обильно вольётся в землю нашу. Горько осознавать, что тщеславие

вальсирует по ссохшей осенней листве... Бредёшь по такому кладбищу листьев и читаешь: родился — умер... умер... Перешёптываются между собой страницы, строчки, стихи... Нотные знаки рвутся куда-то ввысь! Пролетающие птицы будто бы подхватывают этот неясный звук, и сливается он с перезвоном церквей.

«Да! Да! — говорят листья. — Не успели... Не успели... а теперь осень, и скоро снег ляжет на наши стихи. А люди, прохожие? Им нет дела этого. Там... там... там закопали гениальность! полугениальность!.. или просто ничего». Или бывает так, книжные развалы аккуратно разложены на земле: «Бросили нас! Бросили! А в нас так много истины... истины и жизни! Берите Истину бесплатно! Даром! Нейдёт никто...»

...Прощение надо сохранить в себе до самой смерти. Этот неясный нотный знак, который неразличим в синей бездне.

11 мая 2014 г.,

Москва

P. S.

Надежда Мухина:

«Когда я первый раз увидела и услышала Анатолия Шамардина, на презентации альманаха «Эолова арфа» в Малом зале ЦДЛ (в 2009 году), я обалдела от голоса этого певца, я просто офигела! И первое, что я подумала: «Да разве в таких залах надо выступать такому певцу?! Ему надо выступать в самых больших и самых лучших залах! Певцу с таким неповторимо красивым, с таким чудесным голосом? Певцу такого — мирового — класса! И каждый раз, когда я видела и слышала Анатолия Шамардина, в ЦДЛ или где-нибудь еще (в хороших, но маленьких залах), я всегда думала: «Да разве в таких залах надо выступать такому певцу?!» 14.01.201.

То же самое говорили мне и другие — давние и недавние — почитатели Анатолия Шамардина: «Да разве в таких залах надо выступать такому певцу, как Анатолий Шамардин?» — *Прим. Н. К.* 27.01.201.

*Юрий Шуников,
поэт, фотограф, оператор*

ОН НЕ УМЕР ДЛЯ МЕНЯ...

1. «ЗАЛИВАЛСЯ СОЛОВЕЙ МЕЖ КУДРЯВЕНЬКИХ ВЕТВЕЙ...»

12.08.2014 г.

Юрий Шуников — Нине Красново

(в Живой Журнал, по Интернету):

Нина! Привет! Вот почитай — Юра Шуников.

22.08.2014, 1:28

Нина Краснова — Юрию Шуникову:

Юрочка! За этот отклик на уход Толи Шамардина в мир иной тебе тоже большое спасибо! И вообще за твою любовь к Толе, которая взаимна! Я этот твой отклик уже вставила в фейсбук, как и твой этюд, и вставлю в альманах «Эолова арфа» и в книгу. Хорошо, если бы и Дима два слова от себя написал, и Джавид... которым приветы от меня!

Нина Краснова

...Глазки молоденьких Девушек Сверкали Изумрудной Росцвелью, Богатой Палитры Тонов и Оттенков, и Влюблялись, почти, как в Первый Раз, в не менее молодого Певца, покорившего с первых тактов их Трепещущие и Ждущие Любви Сердца...

«В не менее молодого» — именно так, а не иначе воспринимался весь Облик Анатолия Шамардина, и как Артиста, и как Человека. Не помню такого, чтобы, выходя на Сцену, не буду упоминать его Возраст, он выглядел Старым Пнем или наподобие некой развалины.

...Заслышав Мелодии Солнечной Италии, Девушки перестали удерживаться и Грациозно и Плавно, поплыли навстречу к Исполнителю, который уже, как Истинный Итальяно, наполнял Пространство Лирикой своей Песни...

Для Языковеда, возможно, в этом и не было ничего сверхъестественного, но для Человека Обыкновенного, одаренного, конечно же, в чем-то другом, Выступления Анатолия Шамардина, являлись, несомненно, Интернациональным Праздником, превращающимся в безвизовое Шествие Добра и Любви, который с виртуозной легкостью Жонглера чередовал Песни Народов Мира настолько легко и непринужденно, что думалось, что и ты уже владеешь этими, оказывается, не такими уж и сложными Языками, вплоть до нюансов всех тонкостей Повествования.

Шагая по Городам и Странам налегке с Верной Подругой — Гитарой, он приглашал всех желающих в Удивительное и Незабываемое Путешествие посредством Музыкальных Рассказов о внутреннем Мире и Жизни своих Героев.

...а тем временем, Эротичные ножки Девушек, Ритмично чувствующих Музыку, завораживали, да, и своей Прелестью, и своим Вниманием к Переливам Души...

Но...

Заливался Соловей,
Меж кудрявеньких ветвей...
Не обращал вниманье
На недопониманье.

О Добре Пел и Любви
Песни Звонкие свои...
Звучала его Лира
Разноголосьем Мира!

Создавая Миражи,
Все куда-то Мир спешил...

Себя в себе не чая
И редко замечая

Переливы Соловья
В раскудрявеньких ветвях...
Сейчас и за конфетку,
Он не Взлетит на ветку.

Чередование маленьких Сюжетиков Воспоминаний с Мыслями об Анатолии Шамардине в таком мини-варианте, со Временем, можно и больше, что-то и вспомнить и написать, а стихи, может быть, не совсем отражают, но, думаю, выражают мою Искреннюю Любовь к этому Человеку! Я специально сделал его разноРитмичным, чтобы при чтении, менялась Кардиограмма Дыхания и направляла Мысли в правильном направлении.

12 августа 2014 г.,
Москва

2. АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН — СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ, ИМЯ КОТОРОМУ — РАДОСТЬ!

СЕГОДНЯ ТОЛЬКО УЗНАЛ...

22 мая, 18:08

Юрий Шуников — Нине Красновой

21 августа 2014 г.:

Нина, Привет! Спасибо за наши Теплейшие Слова!

Вот, посмотри еще запись от 22 Мая, мне позвонил наш Дима Ситников и сообщил эту Печальную Новость.

Из книги «я так думаю...»

Сегодня только узнал Печальную Новость, что Умер Анатолий Шамардин. Странно. И, то, что только сегодня, и то, что... Он всегда Излучал Удивительной Особенности Тепло, а Нemoщь была не его Подругой. Поэтому и странно. Возможно, он что-то про свое Здоровье-то

и знал, но внешне это никак не проявлялось. Всегда внутренне собран, целеустремленно-активен, до безобразия Добр и Щедр и к тем, кого знал давно, и к тем, кого видел в первый раз. Есть Люди, с которыми только-только начинаешь Общаться, а через две-три Встречи тебе уже думается, что знаком с ними, без малого, Сто Лет! Таким был Анатолий Шамардин. Наше с ним Общение Всегда было Солнечно-Лучистым и Ровным, поэтому становится Горько до Слез оттого, что Туча Смерти закрыла от меня и от всех тех, кто его Знал и Любил, этот Солнечный Луч, Имя которому — Радость!

P. S.

Может быть, то, что я не сразу узнал о его Уходе, а общие Друзья и Знакомые, будем верить, по Уважительной причине ничего не сообщили, и говорят о том, что он... не Умер... для меня?

*Раиса Быстрова,
поэтесса, член Союза писателей Москвы*

КОГДА ОН ПЕЛ — ЭТО БЫЛО ЧТО-ТО ПОТЯСАЮЩЕЕ!
(Памяти Анатолия Шамардина)

14.05.2014

(Из фейсбука Нины Красновой)

6.05.2014

Из репортажа Нины Красновой о вечере СП XXI века в ЦДЛ:
Следом за мной к микрофону вышла поэтесса Раиса Быстрова, которая посещала клуб одного стихотворения еще при Римме Казаковой. Раиса, подхватывая мою тему «Анатолий Шамардин», прочитала с листа свои воспоминания о нем и свои стихи, посвященные ему, которые принесла мне для моей книги об Анатолии Шамардине. Я задумала сделать эту книгу еще при

жизни Толи, вместе с ним (он мечтал о ней!), туда войдут мои интервью с ним, мои статьи о нем, его песни, его фотографии, его истории о своей жизни и о жизни артистов, его литературные материалы. И теперь я добавлю в эту книгу разные воспоминания его друзей и поклонников о нем. И воспоминания Раисы Быстровой.

Спасибо тебе, Раиса, от меня и от Анатолия Шамардина! Ты всё написала от души, это самое главное!

Нина Краснова
13 мая 2014 г.

Впервые я его увидела, а самое главное — услышала — на одном из вечеров, посвященном выпуску альманаха «Эолова арфа», главным редактором которого является Нина Краснова. Когда он начал петь — это было что-то потрясающее! А его голос был звучным и молодым, чего нельзя было сказать о певце, и только его глаза выражали то, что он ещё молод и красив в каком-то великолепном, чудодейственном исполнении, как было тогда, когда он работал в ансамбле (в оркестре. — Н. К.) у Леонида Утесова. Слушая его, получаешь истинное наслаждение. Я говорю об Анатолии Шамардине. Начиная с 2008 года по 2014 год, я неоднократно виделась и разговаривала с ним. Это происходило в ЦДЛ или в библиотеках на литературно-музыкальных вечерах, где каждый раз я с замиранием чувств слушала в его исполнении песни, музыку к которым он сочинил сердцем. А исполнение Анатолием неаполитанских песен — это просто шедевры Мировой классики! Таких исполнителей, даже в Неаполе, я ещё не слышала. Про него можно сказать, что он ушёл от нас с высоко поднятой головой в большой и светлый, прославленный праздник Красная горка... Значит, память о нём должна быть светлой, как была чистой и светлой его широкая душа. Слава Богу, что он был, есть и будет в наших сердцах с его незабываемой музыкой и божественным голосом, чтобы всё прекрасное, что создано человеком, никогда не предавалось забвению...

6 мая 2014 г.,
Москва

Раиса Быстрова

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Он был. Но нет — он среди нас -
Его мы помним, любим, слышим...
Склонивший голову, Парнас
Чтит след звезды, упавшей свыше.

Теряют головы все те,
Кто только был с явленьем рядом.
Остались ноты на листе,
Построенные для парада.

И это песни — звуки звуков.
На целый шаг шёл впереди:
Стремленье жить — наук наука.
Ваш Анатолий Шамардин.

6 мая 2014 г.,
Москва

*Герман Гецевич,
поэт, член Союза писателей Москвы*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ЭТО ОТДЕЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

Из фейсбука
19.10.2014, 1:33.

Герман Гецевич: Нина, слушаю уже третий раз песни Анатолия Шамардина на твои стихи с огромным удовольствием. Он своей музыкой возвысил твою лирическую поэзию, придал ей какой-то новый вес и объём, новое звучание... Это бесценный материал для певиц-народниц, работающих в стиле фолк. Прекрасные песни...

Герман Гецевич: И песни народов мира — супер... Послушал, как будто пообщался с ним... Очень талантливый музыкант... Очень...

Нина Краснова: О! Герман! Спасибо тебе за такую прекрасную оценку искусства нашего друга Анатолия Шамардина! Он рад этому! И тому, что ты слушаешь его диски, и тому, что ты воспринимаешь их так, как он хотел бы этого, то есть ты воспринимаешь их как идеальный зритель, для которого Толя поёт свои песни, общаясь с тобой через них!!!

Герман Гецевич: Анатолий — это отдельная планета. Его музыка, голос в сочетании с настоящей Поэзией — греют душу.

Герман Гецевич: Толя поёт «Утомленное солнце».

Вечная память лучшему певцу России — Анатолию Шамардину!

21.9.2014

*Алла Нечаева,
писательница,
член Союза писателей России,
г. Рязань*

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА ТАЛАНТА

Я говорила Анатолию Шамардину, что в Рязани есть одна писательница, Алла Нечаева, которая слышала его когда-то, 30 лет назад, в Калуге или в Кастроме, на концерте, всего один раз, и запомнила его на всю жизнь, до того ей понравился его голос. Толя выступал там с поэтом Виктором Боковым.

И вот теперь Алла Нечаева написала свои воспоминания об этом, для книги об Анатолии Шамардине.

Нина Краснова,
22 октября 2014 г.

Всё связанное с литературой существовало на периферии и чувств и знаний, и всё-таки жизнь, если и можно было обозначить

этим огромным словом моё движение в ней, в основном по инерции, торопилась и состояла именно из всего, что почему-то отодвигалось на обочину. Но уже подступала неодолимая жажда, сушь, в нехватке этой самой обочины. Хотелось всё переиграть, расшвырять от бес-силія, чтобы сместились понятия, мне не подходившие: сначала — долг, потом всё остальное, то есть как раз то, что и выделяет челове-ка в человеке — его познания себя через чувства, которые в спросе исключительно искусством, ну и психиатрией. А литература в её высшем проявлении, как художественное слово — искусство самое подлинное.

А жила я тогда в Костроме, работала в больнице врачом-лаборан-том. Но рядом, как по заказу, возникли поначалу, увлеченная литера-турой и музыкой актриса, а позже — сверстница, к литературе име-ющая прямое отношение. И по образованию — филолог и по жажде приобщения — поэт. Это было прямое попадание судьбы в мою суть. И пусть всё основное было впереди, и Литературный институт, а с ним и обильное познание сокрытого от непосвященных Слова, и первые неуверенные попытки формулирования фразы — вдруг вы-росшей в снежный ком в нежелании изваять увиденный образа. Это всё было за кадром реальности.

А в кадре: наша зима, то размякшая со слякотью, то озлившаяся с метелями. Старинный русский город на Волге, где снимали не так давно с красавицей Ларисой Гузеевой «Жестокий роман», застывшие улицы со спешащими чужими людьми, почерневшие и слегка осев-шие старокупеческие дома, с длинными, в узорных наличниках ок-нами, и светлое праздничное здание филармонии, как приглашение в столицу. И я отзывалась.

Я уже вчитывалась в сложные стихи, пытаюсь попробовать их «на зуб», накладывала на себя, примеряя как одежду. Подходили по счастью разные и по ощущению Слова и по мысли, а главное — притягивали. Как непознанное.

Рекламы на фасаде филармонии трубили, призывали меня встре-титься с уже известным поэтом, Виктором Боковым. И я пошла.

Зал битком. Он тёплый и от людей и от красных кресел. Дышит торжественностью и ожиданием. И вот, разрезая приготовленное волнение, на сцену выходит столичный поэт Виктор Боков. Он — абсолютно свой, очень русский, с речью не вышколенной, сразу и слово

вспоминается: самобытный. Но ничуть не смущается. Видно, что выступать ему не в новинку, и даже нравится. Видно, как он буквально растворяется в каждом, как знает людей вообще, и будь этот зал с какими-нибудь иностранцами, он бы ничуть не поменялся, оставался таким же естественным и выделенным, потому что всё остальное, где сидела я — являлось толпой, а он — Поэтом!

И читал он раскованно, и чувствовалось, что Слова необходимые ему в стихе, как и люди, кому он читает, — знакомы ему, любимы им и никак его не напрягают, то есть — ему подвластны! И я, как многие, даже глаза прикрыла от певучести его образного, какого-то домашнего стиха. И с одним Боковым был уют и трепет новизны в зале. Но нас ждало чудо.

Виктор Боков друга своего представил сам. Анатолий Шамардин — назвал он молодого ещё мужчину, совсем не денди, очень какого-то простого — на улице взглядом не зацепишь, и скромного. К моменту его выхода мы уже как бы сроднились с Виктором Боковым. Приняли его, признали своим и талантливым. А его приятель ещё стоял всем незнакомый, и потому не было остроты его появления. Его скромность не вызывала агрессии, когда думаешь: «Ну?! И чем ты удивишь?!» Во всяком случае, я ничего необычного не ждала, мне вполне хватило стихов Бокова и его самого. Но тут появилась гитара, или я не углядела её сразу, а Виктор Боков рассказывал, на какие его стихи этот самый Шамардин написал музыку, которую сейчас споёт. Всё, что он теперь говорил, уже не имело значения, потому что от гитары даже в опущенных руках Шамардина, шла другая музыка, может, грубее стихов, может, примитивней, и наверняка громкая, несколько вызывающая недоверие к промелькнувшему действию, но его перебивающая, и потому я переключилась в ожидание иной музыки. Раз предлагают — будем брать. И, наконец, легко вздохнули струны, и что-то свежее, словно раскрыли настежь двери и окна, и невесомое облаком пронеслось по залу, и сердце в предчувствие потрясения уже приготовилось к спасению и насторожилось, сберегая, кажется, всё на свете.

И в следующую минуту в зал втёк и полился обворожительной окраски голос. Полагаю, никто ничего подобного не слышал. Как же его опишешь, этот голос мгновенно в тебя вошедший, как нектар диковинного плода или цветка? Он уже, оглушивший неспешностью,

забирался во все поры сознания. Во всё, во всё, что отозвалось на его настойчивый и совсем ненавязчивый призыв, как призыв к благодати, не поучая, не докучая, рассказывая о чём-то главном в тебе, чего жаждет душа твоя, в тиши, без свидетелей и с верой, что коль есть такая тонкая сладкая нота, то и ты не зря жив.

И стихи Бокова обрели иную суть в паутине и неге этой музыки, и этого полонившего неповторимым очарованием голоса.

Я запомнила навсегда имя его: Анатолий Шамардин. Я слушала и думала, что, вот, я одна из первых узнала наверняка будущую знаменитость, и я, конечно же, была уверена, что он никуда от меня не денется, ему просто-напросто не дадут затеряться. Потому что он — единственный! Но я ошиблась. И, как ни тянула ухо к записям любых современных мелодий, никак не могла его услышать. Но не только помнила — в себе носила его голос, как носишь пожизненно голоса родных тебе людей.

И услышала — в Рязани. Я уже вернулась туда. На радио, была встреча нашей замечательной поэтессы, мной любимой Нины Красновой. С её сочным, красочным словом, её вольным полётом мысли, и рускостью в рисуемых Словом образах. Как наша впитавшаяся с корнями Родины жизнь, где всё своё и для чужих неприглядное — прекрасно, потому что любимо.

А потом я слышала памятное мне имя: Анатолий Шамардин. Я вздрогнула, печально возликовав, потому что прошло слишком много лет. И он запел, и всё было как на том вечере в филармонии, только пел он Нины Красновой стихи. И я обрадовалась за неё. Потому что и ей достался его талант, золотая жила которого не должна иссякнуть.

*22 октября 2014 г.,
г. Рязань*

*Людмила Салтыкова,
поэтесса, член Союза профессиональных литераторов,
главный редактор альманаха «Под небом рязанским»*

НЕ МЫ РЕШАЕМ, КОГДА НАС ЗАБЕРУТ ОТСЮДА...
(Об Анатолии Шамардине)

Нина Краснова — Людмиле Салтыковой:

19.11.2014, 14:12

Людочка, ты — молодец!

Спасибо тебе за воспоминания о Толе Шамардине, которые ты успела написать и прислать мне из Рязани перед своей поездкой в Непал! Я уже почти всё собрала, что нужно для альманаха, посвящённого Толе. Теперь жду воспоминаний от Лёши Бандорина и от Лолы Звонарёвой и еще кое от кого. Когда получу это, тогда начну монтировать номер.

Удачи тебе на литературном празднике в Непале и на всех твоих путях-дорогах!

Обнимаю тебя!

Привет Лёше и всем нашим рязанцам!

Нина Краснова

Москва. Вечер. Маленькая однокомнатная квартирка в Перово. Первый раз я приехала из Рязани в гости к Нине Красновой, приехала с серьёзным делом: Нина выпускает свой поэтический сборник «Четыре стены» в нашем издательстве «Старт», потому что надо же, наконец, в Рязани, у себя на родине книгу выпустить. Мы с Ниной должны рассмотреть мои редакторские предложения. Работаем. Вдруг телефонный звонок. Поговорив (с тем, кто звонил, а звонил Анатолий Шамардин. — Н. К.), Нина мне сообщает: «Сейчас сюда заедет мой друг, певец и композитор Анатолий Шамардин, он музыку

пишет на мои стихи. Раньше он был солистом оркестра Утёсова, потом работал в разных филармониях. Мы сегодня собирались с ним на репетицию ехать, а гитара его — у меня, сейчас он заедет. А ты не хочешь послушать его песни на мои стихи?». Я подумала: «Надо же иметь представление, что за человек на меня сейчас оценивающим взглядом будет смотреть: кто это там Нинину книгу редактирует?» Я почему-то так себе это представила. И зазвучало (на аудиодиске): *«Я пойду на вечер в пятницу. / Я надену белу платъицу / С вышивкой по рукавам, / Чтобы стать милее Вам...»*. Кто слышал эту песню, представляет, как голос Анатолия обволакивает вас, исполняя эту рязанскую по характеру песню, но не с широким протяжным «а», характерным для исконных рязанцев, а с благородным почтением к рязанской лексике и грамматике. А в других песнях и какая-то Нинина «хулиганистость» проявлялась, но опять-таки в благородных рамках, что, в общем-то, и Нине свойственно.

А тут и сам Анатолий появился. Нина познакомила нас и стала пить чаем. Да, оценивающий момент в его взгляде был, но тут же — доброжелательность и ожидание: а как я-то его восприму? Я похвалила Анатолия за песни (хоть я и не музыкант), ещё о чём-то мы с ним поговорили — и какая-то ниточка взаимопонимания протянулась между нами. А потом эта нить стала более солидной после наших новых встреч — в Рязани (в областной библиотеке Горького, Доме Салтыкова-Щедрина), в Москве (в ЦДЛе и в библиотеках), на презентации Нинино сборника «Четыре стены», альманахов «Эолова арфа» и «Под небом рязанским», в котором были опубликованы и произведения Нины и Толи (у Анатолия, кроме переводов с немецкого и греческого, оказались свои собственные хорошие публицистические и художественные материалы). — Может, и в канат уж совсем родственно-дружеских чувств превратилась бы та нить, но... Приходится философски ставить себя на место, убирая комок в горле: «Не мы решаем, когда нас заберут отсюда...».

Всех благ заоблачных тебе, Толя!

18 ноября 2014 г.,

Рязань

*Лидия Терёхина,
поэт, член Союза профессиональных литераторов,
г. Рязань*

НЕДООЦЕНЕННЫЙ ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЕВЕЦ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН

Я продолжаю собирать воспоминания об Анатолии Шамардине, об этом золотом голосе России и об этом золотом человеке — для книги о нём. Предлагаю своим друзьям-фейсбуковцам воспоминания рязанской писательницы, члена Союза профессиональных литераторов, Лидии Терехиной, которые она написала на следующий же день после моего приезда в Рязань и после нашей с ней встречи.

Нина Краснова
8 октября 2014 г.

«Догорела свеча, угасла жизнь»... — пришли мне строчки из моего стиха в тот момент, когда услышала от друзей о смерти великого, но недооценённого современным шоу-бизнесом, певца — Анатолия Шамардина.

На фоне заезженных песен, до одури надоевших певцов и певиц: орущих, а не поющих с экранов телевизоров, с концертных площадок, его чарующий голос с диска дарил и дарит живительную влагу, прорастающим росткам прекрасного в душах взрослых и детей.

Мне посчастливилось, одной из немногих, познакомиться с этим простым, не обросшим шелухой пренебрежения, зазнайства, человеком, несущего на себе ореол бывшего солиста оркестра Леонида Утёсова.

В феврале 2009 года в ЦДЛ в Москве на презентации литературного альманаха «Эолова арфа» — детища известной поэтессы, публициста Нины Красновой, он представился её другом, соратником и компози-

тором песен на её стихи. С виду невзрачный, ничем не привлекающий к себе мужчина, вдруг с первой ноты превращался в красавца, от которого невозможно было оторвать взгляда. Он покорила меня великодушием, вниманием к моей провинциальной персоне, вышедшей на подмостки ЦДЛ, похвалил за исполнение своей песни и пообещал, что обязательно споёт со мной дуэтом. Это было высшей оценкой для меня, о которой я и не смела мечтать.

После были ещё встречи в Рязани: на творческом вечере Нины Красновой в Доме Салтыкова-Щедрина при филиале Рязанской областной научной унитарной библиотеке Горького, за столом у писателей — Бандорина Алексея Васильевича и Людмилы Салтыковой, где он вспоминал о рассвете своего творчества.

Анатолий Шамардин никогда не откликнулся на просьбы спеть за праздничным столом. Он жаждал сцены, уважал её и боготворил.

Я помню чувство радости, когда (21 марта 2014 года) увидела его в одной из телепередач «В наше время», посвященной Леониду Утёсову, среди приглашенных гостей. Прильнула к экрану в надежде, что вот сейчас его попросят спеть, и он взорвёт эмоциями всю телестудию, и все узнают, каким должен быть «Золотой голос России!». Но в редакционном плане не было исполнения песен этого *гениального певца*. Но всё равно надо отдать должное Первому каналу за первую ласточку его признания.

После передачи я позвонила Нине Красновой, чтобы она передала ему о том, что его появление на телеэкране не было не узнаваемым.

Его голос — достояние нашей Родины! Кому довелось хоть однажды насладиться им, не забудет никогда.

3 октября 2014 г.,
Рязань

*Олег Романов,
поэт, критик, историк,
член Союза профессиональных литераторов,
пос. Ташенка, Рязанская обл., Касимовский район*

МОИ ЗОЛОТЫЕ ИВОЛГИ

3 октября 2014 г. в селе Константинове, где в этот день родился великий русский поэт С. А. Есенин, (1895–1925) прошел Всероссийский Есенинский праздник поэзии «В стране березового ситца». Он проводится с 1985 г. на родине поэта, теперь это территория Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, который по праву считается одним из самых популярных литературно-мемориальных комплексов на территории РФ — ежегодно его посещают более 300 тыс. туристов! В этот раз поклониться «стране березового ситца» прибыло много именитых столичных гостей, членов СП России. Среди них: Валентин Сорокин, который вел много раз подобные праздники в Константинове, знаменитый русский поэт, автор бестселлера «Крест поэта», Людмила Щипахина, которую я знал по «Юности», критик Лола Звонарева, с которой вместе публиковался на Дальнем Востоке, поэт Аршак Тер-Маркарян, с которым переписываюсь, и многие другие. Очень приятно было встретить здесь известную поэтессу из Москвы Нину Краснову, родившуюся в г. Рязани и учившуюся с моим земляком поэтом, членом СП СССР и России Геннадием Морозовым (ставшим в этом году обладателем Есенинской премии), в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Мне по электронке сообщила об ее приезде на Малую (только с >!) Родину Людмила Салтыкова (я состою в РСПЛ, и Людмила Федоровна должна была передать мне «кирпич» «Литературная Рязань» за 2013 г., где был опубликован мой рассказ «Горбушка», обошедший весь русскоязычный мир). Поэтому я захватил с собой любимую книгу Нины Красновой «Цветы запоздалые», на которой Нина оставила мне, заядлому библиофилу с сорокалетним стажем свой теплый автограф! *«Славному касимовцу, моему собрату по перу Олегу Романову — мои*

«Цветы запоздалые», радуясь нашей встрече на Есенинском празднике в Константиново! Обнимаю тебя! Нина Краснова. 4. X.2014». И ее телефоны и «мыло». И неожиданно присоединила к книге компакт-диск в розовой одежке с траурноцветным портретом печального Пьеро, с вполне цыганским обличьем. Прочёл название: «Анатолий Шамардин «Сон под пятницу», которое ничегошеньки мне не сказало, и сердце моё не ёкнуло. Вот почему: +++ // Под голой обложкой // Прячется солнечный диск, // Где поп-визг, // Заплетен, на дорожных зигзагах... // Я вставляю ему сочным матом!.. — Почему-то я подумал так. Взгляд мой остановился лишь на Нинином автографе (я знал многие ее «не похожие ни на кого» стихи с ранней юности, но особенно залетело в душу и поразило одно — о похоронах отца, которому со всех домов выносили табуреты [обряд такой был в деревнях, а теперь и выносить табуреты некому — все деревни вокруг повымерли], и это стихотворение мне запомнилось на всю жизнь, я — плакал, ведь такой и у меня папа; я следил, как ее ругали в областных газетах, покупал ее первые книги, брал стихи в библиотеках, первый раз мы встретились в библиотеке им. Горького в г. Рязани, где я получил диплом «IX Межрегионального открытого фестиваля «Под небом рязанским» (2012), как лауреат-победитель фестиваля в номинации «Поэзия». Президентом фестиваля была Людмила Салтыкова, председателем жюри Алексей Бандорин, член жюри Нина Краснова и др.): «Славному рязанцу-касимовцу Олегу Романову — песни Анатолия на мои стихи в его исполнении — для души, с любовью! Нина Краснова. 4. X.2014. Константиново». И ее телефон сверху. Все это я засунул в свой переполненный книгами, подаренными, принесенными, купленными повсюду, дефицитными из-за закрытия в Касимове книжного «Барса», рюкзак. И продолжил стучать зубами — знойко уж очень было на воле перед портретом Есенина на окском берегу. Тучи то набегали, то уходили, уступая место одноглазому солнцу. То полднёвый дождичек принимался, то стихал. А мы — касимовцы (нас прибыло 5 человек), в летней одежке, сразу же выдребли на ветру — не до песен. А вот прибыв домой в Ташенку, где живу, я вчитался в «рубашку» диска и был поражен ее содержанием. А когда вставил песни в дисковод ноутбука — сразу же куда-то улетел!!! Если б не было на обложке имени автора этих песен, я бы принял их за народные!!! Вы знаете, по всем законам жизни я должен был слечь в постель с температурой после такого купания то в дожде,

то в ледящем ветру, почти со снегом. Но этого всем смертям назло не произошло — песни Нины, то озорнистые, то романсовые под мандалиночку — сразу, не поверите (?), меня — вылечили неповторимым тенорком Анатолия. Теперь я даже сплю с этим диском! Он лечит меня от бессонницы и еще «кой-отчего», но это 18+!!! Вот как я узнал, что песни на стихи Нины пел москвич Анатолий Шамардин, вечная ему память, компакт-диск которого подарила настоящая поэтесса от Бога. И всем касимовцам я показываю и даю перекопировать диск!!! Теперь они для меня, и Толя и Ниночка, оба — золотые иволги — навсегда!

Олег Романов, поселок Ташенка, Касимовский район, Рязанская область, поэт, арт-поэт, поэт-палиндромист, майл-арт-художник, критик (критика переведена на японский язык), историк ВМФ (есть научные работы и награды) и т. д., успевший к 50 годам жизни наследить в этом мире. Т. к. из-за необычности моего языка поисковики находят мои произведения в первую очередь, чем я горжусь. — *О. Р.*

*2 февраля 2015 г.,
пос. Ташенка Касимовского района Рязанской обл.*

Из Живого Журнала Юрия Кувалдина

Юрий Кувалдин,

писатель, издатель, член Союза писателей Москвы,

главный редактор журнала «Наша улица»

ПЕВЕЦ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН (1938–2014)

27 апреля 2014 года умер певец Анатолий Викторович Шамардин. Он родился 11 января 1938 года. На многих моих вечерах, на вернисажах художника Александра Трифонова, и на вечерах журнала «Наша улица», Анатолий Шамардин вносил весеннюю ноту проникновенно-

го пения. Особенно мне нравилась в его исполнении песня на стихи Долматовского «В кармане маленьком моём есть карточка твоя...». В своё время он был солистом оркестра Леонида Утёсова, исполняя песни народов мира. Я писал об Анатолии Шамардине, подчеркивая, что он опровергает все устоявшиеся правила тенорового сольного пения, наполняя свой возвышенный религиозный голос семантикой надмирного понимания гармонии звуков, исходящих из самых потаённых глубин души, наделённой божественной искрой гениальности, равной свечению звёзд в ночном небе, близком и одновременно недостижимом. Я полагаю, что такой же силой убедительности в трансцендентной сущности голосового эйдоса, правда, в другом диапазоне, обладал лишь стихийный и заземлённый Фёдор Шаляпин. То что певец Анатолий Шамардин самородок, говорить не приходится, об этом сказано много и аналитично поэтессой Ниной Красновой, я лишь напомним о том, что певец поёт не сам по себе, а по воле ангелов.

30 апреля 2014 г.

Ваграм Кеворков,
кинорежиссёр, писатель, член Союза писателей России

«ТОЛЯ ШАМАРДИН ЗДОРОВО ПОЁТ!»
(Об Анатолии Шамардине)

Ваграм Кеворков — Нине Красновой:
9 мая 2014 г.,
17:04

Нинуля, здравствуй! Посылаю тебе то, что обещал.

Осенью 56-го года ко мне, студенту 2-го курса ист-фила Пятигорского Госпединститута и местной эстрадной звезде, привели горбоного паренька- брүнета и сказали:

— Он здорово поет! Возьми его в концерт!

Я объявил его и пригласил на сцену. Парнишка дернул плечиком, шмыгнул носом, — в зале прокатился смехок, — взял гитарный аккорд и запел.

Запел — и разразилась невероятная, благоговейная тишина: пел ангел! Жаркие, сумашедшие аплодисменты — и вторая песня!

Все поняли: талант!

Вскоре нас с этим пареньком — Толей Шамардиным — пригласили на работу в эстрадный ансамбль. И, отучившись днем в институте, вечером мы ехали на концерт в какой-либо из санаториев Кавминвод. И к нашим стипендиям прибавились какие-никакие зарплаты. Все было замечательно.

Но Толя вдруг перевелся на учебу в Горький (Нижний Новгород).

С тех пор виделись мы с ним редко, раз в несколько лет, а потом и вообще потерялись.

Но в 79-м году, узнав, что я работаю режиссером на ЦТ, он раздобыл мой телефон и позвонил. Оказалось, он поет в Московской областной филармонии.

Встретились у меня дома, он много пел, и я был поражен тем, что он не только чудесный певец, но и талантливый композитор-песенник, его пели Ольга Воронец и другие певицы народного плана.

Судьба его сложилась путано. Он успешно преподавал в ВУЗах, закончил в Ленинграде аспирантуру, но разрывался между преподаванием страстно любимого им немецкого языка и искусством. Победило искусство, но сколько лет было потеряно!

Самую большую ошибку Толя совершил, уйдя из оркестра Утесова, где пел песни народов мира.

Успех у слушателей был неизменно ярким, особенным, это рождало зависть у солистов и даже у музыкантов. Оказалось, что «шпильки» коллег вынести не просто. Нервишки сдали, и он ушел.

Если б он поработал у Утесова 5–7 лет, наверняка его б записало Всесоюзное радио и он звучал бы на всю страну и, конечно, очаровал бы ее, стал бы знаменитым.

Но он поработал всего один год.

А ведь те, кто слышал его однажды, помнил всю жизнь.

Как-то после концерта (мы работали вдвоем — он пел, я конферировал) мы вышли и ахнули: его машина была увита цветами!

Так вот любили его!

Он ушел в мир иной, но голос его — удивительный, поразительный — звучит в дисках, кассетах, в нашей памяти, а значит, и в наших душах.

9 мая 2014 г.,

Москва

*Валентина Сарычева,
поэтесса, член Союза писателей России
председатель литературного клуба «Северное сияние»*

ЕГО ГОЛОС ПЛЕНИЛ МЕНЯ НАВСЕГДА!

(Памяти замечательного музыканта и певца Анатолия Шамардина)

С Анатолием Шамардиным я познакомилась заочно по стихам знаменитой поэтессы Нины Красновой в её сборнике «Семейная неидиллия», выпущенном издательством «Лав» в 1995 году. (Анатолию посвящена вся вторая половина этой книги, вторая часть — «Несемейная идиллия».)

И я поняла, какой это неординарный, «золотоголосый» певец.

Когда я познакомилась с Анатолием и услышала его пение на одном из авторских вечеров Нины Красновой, я замерла от удивления. Боже! Какой голос! Какой нежный, страстный, обволакивающий, притягивающий тембр.

Весь облик певца, стройного, худощавого, с греческим профилем задал мне в душу.

Его сладкий голос пленил меня навсегда, отозвался в моей душе волнующими токами.

После его песен хотелось жить, любить, веселиться, танцевать.

Особое место в его творчестве заняли песни на стихи Нины Красновой, в них звучала шутка, смех, озорство и неизменная любовь к Нине. Он исполнял и неаполитанские песни, его голос был создан для них.

На моём авторском вечере 9 декабря 2014 года в библиотеке

№ 68 им. А. Платонова, услышав музыкальные записи Анатолия Шамардина (на дисках, которые принесла с собой Нина), такие жизнерадостные, страстные, волнующие, я не выдержала и пустилась в пляс.

Только великая доброта могла породить такое волшебное бельканто. Как жаль, что он ушёл из жизни. Мир его праху.

Я рада, что у меня осталась кассета с его записями, которые он мне подарил.

В разные минуты жизни, особенно для поднятия духа, я включаю его записи и опять восхищаюсь его божественным пением.

10 декабря 2014 г.,

Москва

*Блицинтервью Нины Красновой
с сыном Анатолия Шамардина Олегом Шамардиным*

ОЛЕГ ШАМАРДИН: «ОН МОГ ВЫСТУПАТЬ В БОЛЬШИХ ЗАЛАХ БЕЗ МИКРОФОНА И БЕЗ АППАРАТУРЫ»

(Сын Анатолия Шамардина Олег Шамардин, музыкант, — о своём отце, Анатолии Шамардине, в беседе с Ниной Красновой)

Олег Шамардин: — Отец мог выступать в любом зале, и в самом большом, на 500–1000 мест, и в самом маленьком, на 50 мест. И везде выступал с невероятным успехом! Причём даже и в таком зале, который совершенно не подходил для концерта. Когда там не было соответствующей аппаратуры, когда там были плохие микрофоны, и не было нормальной акустики... Он мог подстроиться под любой зал... мог обойтись вообще без всякой аппаратуры и спеть без неё так, что люди в зале начинали ему бурно аплодировать... Он чувствовал публику, а публика чувствовала его.

Нина Краснова: — У него был идеальный контакт с публикой!

Олег Шамардин: — Да, Нина. Я помню, много лет назад мы пришли

выступить в ресторан около метро «Аэропорт». Втроём — он, Вася Новиков (первоклассный гитарист! — *Н. К.*) с гитарой, и я с синтезатором (Олег — первоклассный клавишник! — *Н. К.*). Аппаратуру свою и свои микрофоны отец с собой не взял (организаторы концерта сказали ему, что ничего этого не надо, в ресторане есть всё своё).

Пришли мы туда, а эти организаторы концерта, которые хотели протолкнуть в этот ресторан — на теплое местечко — свой коллектив, поставили там неисправную аппаратуру, в которую нельзя было вставить мини-диски с минусовками (со студийным музыкальным сопровождением песен), и к которой нельзя было подключить гитару, поставили сломанный, к тому же не вокальный, а речевой микрофон, который всё время фонил, то есть постарались сделать всё, чтобы испортить нам концерт и чтобы мы произвели самое отвратительное впечатление на публику и на администраторов ресторана.

Всё это было ужасно, ужасно!

Тогда отец отодвинул в сторону всю эту аппаратуру, закрутил у неё все ручки и отключил все кнопки, отложил в сторону микрофон и стал петь без всякого микрофона и без всякой аппаратуры, в большом глухом зале, и пел точно так же, как если бы пел с самым высококачественным микрофоном и под самую высококачественную аппаратуру, в самом лучшем зале с великолепной акустикой, пел он вживую, как всегда, и голос у него звучал точно так же красиво, как на его аудиодисках со студийными записями, и долетал до всех уголков зала и до каждого посетителя. Несмотря на то, что пел отец негромко, едва открывая рот. И люди, которые сидели в зале, тут же отреагировали на это и стали ему аплодировать изо всех сил и просить, чтобы он пел ещё и ещё! И не уходили до самой ночи. А мы с Васей сопровождали его на своих инструментах, тоже вживую, без фонограмм с оркестровым музыкальным сопровождением и без всяких технических приспособлений, а отец ещё подыгрывал сам себе на мандолине... То есть я хочу сказать, что отец, благодаря своему опыту, мог подстроиться под любой зал и под любые, самые чудовищные для концертов условия... и выступить с блеском!

Нина Краснова: — И это не только благодаря своему опыту, но и благодаря своему особому таланту от Бога...

Олег Шамардин: — Да.

Нина Краснова: — То есть организаторы концерта не добились,

чего хотели. Единственное, чего они добились, так это того, что он со своей группой потом уже не захотел выступать в этом ресторане, иметь дело с такими организаторами, и те пристроили туда на работу своих людей... А он лишился стабильного заработка, который мог бы иметь, а посетители лишились удовольствия и радости слушать в этом ресторане концерты этого уникального певца, единственного такого на всю Москву и на всю Россию.

16 ноября 2014 г.,
Москва

Лола Звонарева,
критик, доктор наук, РАЕН

ЧЕЛОВЕК, СОТКАННЫЙ ИЗ МУЗЫКИ **(Об Анатолии Шамардине)**

...Последний раз я увидела его в фойе Центрального Дома литераторов — легкий, сияющий ласковой улыбкой, которая щедро раздвигалась всем и каждому, он тут же обнял меня, проворковал на бегу множество добрых и нежных слов и пожалел, что нам редко удается встретиться в этом суетливом мире.

Через несколько месяцев я узнала, что его больше нет, что никогда больше я не увижу его стройную, летящую фигуру, его приветливый взгляд и музыкальные тонкие, породистые руки профессионального музыканта, всегда гостеприимно распахнутые для дружеских объятий.

Анатолий Шамардин...

Убеждена: это имя достойно войти в круг самых талантливых современных музыкантов. Трудно найти человека, который бы так тонко и глубоко чувствовал современную поэзию, свежее поэтическое слово, так торопился положить его на музыку, всегда находя для чужих сти-

хов неповторимую мелодию, словно спрятанную в них и расслышанную его чутким музыкальным ухом фантастически одаренного композитора.

Ему легко давались языки. Однажды во время детского фестиваля в Солотче он порадовал членов жюри ночным благотворительным концертом — в течение нескольких часов пел на самых разных языках, пел как птица, легко и вдохновенно, и хотелось вновь и вновь слушать его волшебный бархатный голос, чудесно звучащий среди солотченских сосен, и радости от встречи с его удивительным даром, казалось, не было конца.

Я верю, что такие талантливые люди не уходят бесследно. Книги и статьи, посвященные его памяти, диски и телепрограммы, запечатлевшие для нас его одухотворенный облик, — всё это дело будущего. Но в моём сердце он живет и сегодня: певучий, словно сказочная птица Сирин, и пронизывающий всё вокруг светом Доброты, дружелюбии, таланта.

Дорогой Толя! Мы помним и любим тебя, и постараемся быть достойными твоей бескорыстной дружбы, будем стремиться служить отечественной культуре так же рыцарски преданно, как это делал ты.

*10 декабря 2014 г.,
Москва*

Борис Васильев-Пальм,
художник, поэт,
г. Керчь

С ОПОЗДАНИЕМ, НО ОЦЕНЕННЫЙ СОЛОВЕЙ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН!

Нина Краснова — Борису Васильеву Пальму:

21.01.2015, 12:01

Дорогой Боря!

Читала я твоё эссе о Толе Шамардине «С опозданием, но оцененный соловей» и плакала — радуясь и печалась: радуясь тому и потому, что ты написал и напечатал это в «Керченском рабочем», сделал такой чудесный подарок Толе ко дню его рождения (к 77-летию), а печалась о том и потому, что Толя не прочитает это (а может быть, и прочитает, сидя вальяжно и беспечно в Раю под деревом?).

Спасибо тебе большое! Ты настоящий друг — Толе и мне! Толя за свою жизнь побывал с гастролями в десятках и сотнях городов нашей страны, а во многих городах жил и работал (в вузах и филармониях), и каждый из этих городов мог бы сейчас гордиться этим и славить Толю Шамардина, тем более, что Толю везде любили и везде помнят, кто видел и слышал его и кто был знаком с ним, но только в Керчи у него оказался самый лучший его друг — художник и поэт Борис Васильев-Пальм, который помянул Толю на всю Керчь, сделал то, что по идее должен был бы сделать каждый город, где бывал Толя Шамардин! И спасибо тебе за то, что ты теперь навсегда соединил Толю с Керчью, с Крымом, и Толя останется в истории этого города.

Я уже монтирую номер альманаха «Эолова арфа» из тех материалов, которые собрала (а собрала я их уже на несколько номеров), вставлю в альманах твоё эссе. Очень хорошо, что ты добавил туда своей кистью керченскую краску-окраску.

С Новым годом и с Крещением тебя! Здоровья тебе и новых прекрасных творческих свершений! Бог даст — увидимся в этом году не только в Москве, но и в Керчи!

Передай, пожалуйста, большое спасибо главному редактору газеты Ю. Н. Щербе!!!

Обнимаю тебя, Боренька!

Нина Краснова,
имеющая к Керчи самое прямое отношение
в связи с тобой и с Толей Шамардиным

Истоки этой заметки, имеющей отношение к текущему январю, восходят к августу далекого 1969 года. Тогда в газете «Керченский рабочий» под заголовком «Встреча в редакции» сообщалось о — цитирую: «совещании внештатного отдела комсомольско-молодежной жизни»... Говорилось о том, кто и на какие темы выступал перед собравшимися, а последний абзац информировал: «После совещания состоялась интересная встреча с композитором и исполнителем собственных песен Анатолием Шамардиным» — аспирантом Ленинградского университета.

Пути Господни неисповедимы! Через 26 лет после этой встречи в редакции, в 1995 году, автор этих строк, сам бывший сотрудник «Керченского рабочего» — но уже конца 80-х годов — познакомился в Москве (в связи с выставкой своих картин в редакции журнала «Юность») с Шамардиным, и, буквально потрясенный талантом певца и композитора, вдохновился на создание его портрета.

У любителей вокального искусства нашего города будет возможность услышать голос и мелодии этого артиста в аудиозаписи, потому что недавно он ушел из жизни и не сможет выполнить данного мне в прошлом году обещания приехать с концертом в Керчь. Но планируется вечер памяти этого уникального дарования. Организуем с приходом летнего тепла, ибо это был теплый человек, хотя и родился в холодном январе 1938 года.

Но это лишь преамбула. Главное же — вот о чем хочется сказать, вспоминая друга. А мы действительно подружились, хотя у него были греческие корни, а у меня — скандинавские. А может, именно поэтому?

Россию талантами не удивить. Не потому ли случается, что она не воздаст должное редкостному таланту в той или иной области куль-

туры, а потом, когда он уходит со сцены в вечное молчание, Родина спохватывается и пытается восстановить справедливость — привлечь внимание к творческим достижениям гения. Вот к таким недооцененным самородкам земли Русской принадлежит уникальный певец и композитор Анатолий Шамардин, недавно ушедший в мир иной.

Когда я впервые услышал его песни в авторском исполнении (других, быть может, и нет?!), я удивился не столько неповторимости голоса и мелодий этого артиста, но — главное — тому, что я до сих пор и не подозревал о его существовании. Можно, конечно, и себя обвинить в какой-то неосведомленности, но ведь у всех — даже у нас, крымчан (к которым я принадлежу последние 28 лет) — на слуху столько «голосов столичных звезд», навязанных нам назойливой рекламой и «фабрикантами», штампующими их, что такому голосу и музыкальному мастерству, каким обладал Шамардин, быть в незнакомцах культурному человеку — просто нонсенс! Нонсенс прежде всего для самой культуры. А времени у нее, чтобы вывести Анатолия Шамардина из «широко известных в узком кругу» на всероссийские подмостки исполнителей лирических песен, было предостаточно. Когда мы познакомились с Анатолием лично (спасибо счастливому случаю в лице поэта Нины Красновой, его вдохновительницы на многие песенные шедевры (например, «Сон под пятницу», «Я не пью и не курю», «Разве плохо я себя веду?»), Анатолию было 57 лет! Это выглядело большим недоумением — красота звучания голоса и мелодий моего нового друга на фоне тишины вокруг его имени. Объяснением этому парадоксу возникла у меня была мысль, что певец и композитор Анатолий Шамардин, подобно художнику Васильеву-Пальму, — из позднеспелых: моя первая персональная выставка за пределами моего города Керчи — в Симферопольском художественном музее — состоялась, когда мне было уже 54 года. Но нет, оказывается, Шамардин выступал еще с Леонидом Утесовым в его оркестре (в 70-е годы)!

Одним словом, для меня открытие этого изумительного артиста было сопряжено с двумя как бы исключаящими друг друга чувствами: с одной стороны — восторг, эстетическое наслаждение искусством Анатолия, а с другой — горечь досады на несправедливость... трудно сказать — чего. Судьбы, наверное.

И вот теперь, когда он ушел в мир иной, к этой горечи присоединяется горечь утраты, горечь с ощущением особенной остроты отто-

го, что певец обладал еще и талантом быть счастливым. Улыбчивый, доброжелательный, с отменным чувством юмора. Кстати, природный оптимизм, жизнерадостность и даже озорство окрашивают теплотой человечности все артистическое наследие Анатолия Шамардина. Но об этой стороне дела пусть говорят специалисты-музыковеды, я же, как художник, подчеркну: это был красивый человек. (Смотрите его портрет моей работы.)

А что касается его редчайшего в наше время таланта быть счастливым вопреки обстоятельствам, думаю, к этому причастна спутница его последних двадцати с чем-то лет, автор — субъект словесно-поэтической части их творческого тандема, поэт Нина Краснова. Тут нельзя не обратить внимание на то, какой замечательный портрет своего партнера написала Нина за годы их совместного пути, портрет словами, рифмованными строчками. Вот, к примеру, только один «квадратный сантиметрик» этого портрета:

Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

...Чувствую, что воспоминания о моем друге Толе Шамардине, начатые мной по печальному поводу, заканчиваются не в той тональности, в какой начаты. Объяснение тому простое. Судьба не была невнимательной к герою этой мемуарной заметки. Она знает свое дело! Ей видней ответы на вопросы — что, где, когда... Оказывается, в июне 2014 года редакция журнала «Юность» учредила ежемесячную рубрику имени Анатолия Шамардина — «Голоса и судьбы».

27 октября 2014 г.,
Москва (накануне отъезда Бориса Васильева-Пальма в Керчь),
7 января 2015 г., Керчь

* Нине Красновой лучшие поэты Керчи обязаны публикацией некоторых своих стихотворений в московских альманахе «Истоки» и «Эолова арфа». — Прим. Б. Васильева-Пальма..

Газета «Керченский рабочий». № 1 (22104), 17 января 2015 г.

Юрий Крохин,
писатель, критик, член Союза писателей Москвы,
писатель, литературовед, эссеист

УШЕЛ ОРФЕЙ

Нина Краснова — Юрию Крохину:

7.06.2014, 10:10

Дорогой Юра!

Своими чудесными страничками о нашем Орфее — Толе Шамардине — своим эссе о нём ты тронул меня до слёз. Сказал о Толе то, что мог сказать человек и художник, который искренне любит и ценит Толю, нарисовал такой его образ, который раскрывает и передает самую суть нашего песнопевца! Спасибо тебе от меня и от Толи, который тоже любил и ценил тебя и душа которого радуется твоему эссе для книги о нём!

Дай тебе Бог всего самого лучшего, чего ты заслуживаешь!

Обнимаю тебя, друг Толи Шамардина и мой друг!

Нина Краснова

...Мне бесконечно грустно писать о нем в прошедшем времени. А в настоящем, как часто случается, не успел, не пришлось...

Он был Орфеем. Сладкопевцем, говорю это без всякой иронии. Да-да, истинным Орфеем, который спустился в ад и бред нашей жизни и пытался расцветить эту безнадежность. Орфей, кажется, был грек — греком был (по крайней мере, наполовину) и Анатолий Шамардин. В лице его и облике была античная вальяжность и красота, артистичность и элегантность. Все, что он делал — пел, танцевал, музицировал — было красиво. Эстетика врожденная, эллинистическая, свободная.

О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».

Он тонко и безошибочно чувствовал и понимал прекрасное. И сам служил безоглядно и преданно искусству. Ему была абсолютно чужда пошлость и безвкусица нынешнего шоу-бизнеса — он был из другого мира, подлинного и даже, может, чуть наивного, мира гармонии и изысканной прелести.

...Не очень понимаю, каким образом талант Анатолия Шамардина, оказавшегося солистом популярного коллектива, что теперь оценивается как высшая награда, сопрягался с ансамблем Леонида Утесова, — тот производил довольно посредственную масс-культуру. Шамардин был определенно выше, его дарование не вмещалось в рамки эстрады. Его дивный голос в сочетании с подлинным бельканто даровал нам итальянские, греческие, русские песни, и музыка в сочетании с блистательным вокалом завораживала, проникала в душу. А ежели принять во внимание, что Анатолий был полиглот (помимо родных русского и греческого, владел свободно немецким во всех диалектах), глубоко понимавший иную культуру, то эффект его исполнения был невероятен; вы словно переносились то в Венецию или Баварию, а то окунались в славные советские 50-е годы, ностальгически трогающие сердце популярными романсами вроде «Все стало вокруг голубым и зеленым»...

Да, остались диски с записями песен Анатолия Шамардина. Остались слушатели, друзья и поклонники, которые никогда не забудут божественный голос Толи, его чарующий талант, наконец, его человеческое очарование и доброту.

Но всем нам, знавшим Анатолия Шамардина, любившим и ценившим его, стало пусто с его кончиной. Ушел Орфей...

7 июня 2014 г.,

Москва

*Виктор Широков,
поэт и прозаик, член Союза писателей России*

ДВЕ ПЕСНИ

Нина Краснова — Виктору Широкову
3.11.2014, 19:21

Витечка! Мне жалко, что ты вчера не смог прийти на вечер в ЦДЛ, я принесла туда и хотела подарить тебе свой двухтомник, где есть мои стихи, посвящённые тебе, а тебя не было. Но зато вот сейчас я получила по электронной почте твоё эссе о Толе Шамардине «Две песни» и аж заплакала от радости, когда стала читать его. Очень хорошо, очень подробно и с искренней любовью к Толе и к его голосу и к его песням на твои стихи и вообще к его музыкальному творчеству ты всё написал! Толе это очень понравилось бы! И, я думаю, что — и нравится, я думаю, что он вместе со мной тоже прочитал твоё эссе, глядя со своих небес на землю! Спасибо тебе от меня и от нас обоих! Ты настоящий друг! И ты прав — Толины песни будут жить всегда, а значит — будет жить всегда и наш соловей Толя, подобных которому нет и не будет!

Нина Краснова

Имя композитора и певца Анатолия Шамардина давно у меня было на слуху, хотя лично мы встретились и познакомились примерно лет 15 тому назад.

Шамардин писал музыку на слова Виктора Бокова, с которым я часто общался еще на четверть века раньше.

И вот как-то по стоматологической надобности мы с Толей столкнулись у зубокабинета в Доме творчества писателей в Переделкино. Ожидание врача, совместное убытие в Москву на электричке нас чуть-чуть сблизило.

А потом общей осью стала Нина Краснова. Шамардин очень с ней дружил, писал на ее стихи замечательные песни... Чего только стоит

распеваемое на все лады четверостишие про пятницу, когда на свидание поэтесса или её лирическая героиня (как кому нравится!) надевает «красну платьциу» (вообще-то «белу платицу», но раз красиву платьциу, значит «красну» — Н. К.).

Я слышал эту песню за последние 15 лет чуть ли не сто раз, но меня всегда восхищала и восхищает поразительная нежность женского дыхания, легкое кокетство, не переходящее в жеманство, а если и переходящее, то всё равно удивительно привлекательное.

Стоит заметить, что песни на мои слова другими композиторами за полвека моего сочинительства, конечно, писались, но я как-то никогда к такому сотворчеству не стремился, считая свои стихи тяжеловесными, крайне метафорическими, в общем, без того порхания и полёта, которыми отличаются песни.

Там важны гласные, а не согласные. Там нужен минимум умственного конструирования, а чистое дыхание. Чувство во всей его наготе.

Конечно, есть исключения. Поют ведь и Пастернака, и Сельвинского, и, кажется, даже Бродского. Совсем недавно я слушал песни на стихи Губанова, которые звучали вполне естественно и закономерно.

В 2003 году волею судьбы вышел мой массивный однотомник «Иглы мглы», почти избранное, хотя там было немало и новых стихотворений. Как-то, не придавая особого значения поступку, подарил я его Толе. А вскоре он рассказал мне, что написал на мои слова романс «Говорила: ничего не утай...» Стихотворение это датировано 23 августа 1966 года и входило в мою первую, еще пермскую книгу «Рябиновая ветвь». Написанное как монолог от имени влюблённого, оно неожиданно оказалось очень близко музыкальной душе Шамардина. Целомудренное пение его придавало простым словам высокое значение исповеди. Да чего тут рассуоливать, привожу текст песни целиком:

Говорила: ничего не утай,
утоли мои печали, утоли.
Умоляла: только правду Расскажи.
Для души своей просила, для души.
Я смотрел в её колючие глаза.
Я не смог, я ничего ей не сказал.

Понимал, чего ждала, едва дыша,
этой женщины влюблённая душа.
А чего еще хотите от неё —
знала правду и не верила в неё.
Говорила: ничего не утай,
утоли мои печали, утоли.

Толя, кажется, спел мне песню по телефону. Потом он аранжировал её, перезаписывал её на разные носители и всегда демонстрировал песню, то по телефону, то на SD, то на кассете (и пел на своих вечерах. — Н. К.).

Грешен, я неоднократно пытался привлечь внимание товарища к другим своим стихотворениям, желая заполучить новые песни, ибо в исполнении Анатолия Шамардина песня звучала проникновенно и сногшибательно. Но композитор был неумолим.

Прошло 2–3 года, может, чуть меньше, как вдруг опять по телефону я получил от него известие о новой совместной работе.

Шамардин написал танго на стихотворение «Тайный знак». Тут тоже есть своё тайное коленце. В 1981 году вышла в издательстве «Советский писатель», наверное, уже третья или четвёртая книга стихов «Рубеж». Конечно же, я дарил её радостно направо-налево. Подарил и одному композитору, образ которого стоит перед глазами, но имя и фамилию которого начисто забыл. Работал я тогда в редакции «Литературной газеты». Общение было многолюдным. И та, давняя песня на мои слова у меня тоже не сохранилась. Кажется, композитор, который был даже моложе меня, внезапно и скоропостижно умер.

Помню только, что песня была как песня: куплет, припев, опять куплет.

Толя же разглядел в моих строчках, в ритмическом рисунке прихотливый ход замечательного, а главное очень любимого мною танца.

По просьбе композитора я сделал несколько поправок в текст песни. Для лучшего пропевания. И песня зажила своей жизнью. Её часто просили спеть автора. На выступлениях обе песни пользовались исключительным вниманием публики, и всегдашняя радость причастности к этому новому творению всегда согревала меня в присутствии музыканта и певца, и согревает сегодня, когда я страдаю о внезапной потере соавтора и друга. Всё-таки мы с Толей за это время крепко подружились. Он неоднократно выступал на моих творческих вечерах, приглашал меня на свои концерты, нередко представляя публике.

Позвольте, я приведу сейчас текст и второй совместной песни «Тайный знак»:

Есть тайный знак любви и тайный знак привета,
когда — глаза в глаза — мы на людях одни.
Тогда и говорить не надобно об этом,
Об этом говорят в твоих глазах огни.
Друг друга в толкотне заметить невозможно,
едва ли разглядеть друг друга в суете...
И как же распознать: что истинно? Что ложно?
И те пришли слова на ум или не те?
Но есть один секрет — взглянуть в глаза друг другу,
и тайный взгляд души вмиг высветит во мгле
всю подлинность любви, и ответёт разлуку,
и нас вдвоём одних оставит на земле.
Кто взглядов смысл постиг, не говорит об этом,
надолго поражён открытием своим.
Есть тайный взгляд любви и тайный знак привета,
есть любящих язык, неведомый другим!

Написано стихотворение это было 7 июня 1969 года. И почти 40 лет ждало своей метаморфозы — обращения в песню. Анатолий Шамардин — как пластический хирург — провёл фантастическое перевоплощение.

Горько сознавать, что больше уже не будет его новых песен, что он не позвонит со своим обычным заходцем: «Это мой лучший друг Виктор? Как жизнь молодая? Что нового происходит?» И сам начнёт долгий диалог о всякой всячине.

Я ничего не рассказал о других достоинствах своего ушедшего товарища, о том, как он любил исполнять песни народов мира: греческие (Толя был полугрек), немецкие (он был блестящим знатоком, немало переводил и даже преподавал немецкий), английские, точнее американские; многого я уже не упомяну. Певцом Толя был исключительным, пройдя школу в оркестре Леонида Утёсова. Его драматическое бельканто до сего времени звучит у меня в ушах и в сердце.

Пока будут живы его слушатели, будет жить его пение. А песни его, надеюсь, останутся еще дольше, дай бог, навсегда.

3 ноября 2014 г.,

Москва

*Сергей Мнацаканян,
поэт, член Союза писателей Москвы,
литературный обозреватель «Литературной газеты»*

**СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ГОЛОС
(Памяти Анатолия Шамардина)**

Нина Краснова — Сергею Мнацаканяну:

11.11.2014, 20:41

Серёжечка! Привет!

Спасибо тебе — не знаю какое большое — за твои воспоминания о Толе! Они мне очень понравились, и ему тоже очень понравились бы (и, я беру на себя смелость сказать за него, что они ему нравятся, если он сейчас читает их, находясь в Раю, в параллельном мире). Ты написал всё с любовью к Толе и к его пению, с искренней восхищённостью им! Если бы не печальный повод, который подвигнул тебя на это, я сказала бы, что твои воспоминания — радость и для меня, и для Толи. Да и в любом случае это — радость, потому что это память о нашем друге, которую я включу в альманах о нём и которая — следовательно — не пропадёт, не исчезнет, потому что зафиксирована в Слове, на бумаге и на электронном носителе.

Очень милый и трогательный Толин портрет ты создал. И мой — тоже. И про нашу с Толей дружбу очень благородно и красиво сказал.

Твои воспоминания ценны ещё и тем, что ты из всех поэтов, которые знают Толю, знаешь его давнее, чем все живущие и здравствующие поэты.

Обнимаю тебя за себя и за Толю, который приказал нам долго жить!

Принцесса поэзии «МК»

Нина Краснова

Сколько помню. Толя Шамардин ездил на старом «линкольне»*-здоровенной машине представительского класса, просто очень древней. Но при ближайшем рассмотрении выходило, что он разъезжал по Москве на музейном раритете.

Ещё я вспоминаю Толю в какой-то невероятной шляпе — с большими загнутыми полями. Он одевался старомодно, и это-то становилось настоящим шиком артиста!

Он и сам был в каком-то смысле раритетом — человеком, бескорыстно преданным своему искусству. А такое сегодня не так-то просто.

Анатолий Шамардин был певцом — певцом, что называется, от Бога. Человек невероятного певческого таланта, он мало что получил за свою уникальную способность петь своим острым, сладким, таинственным голосом, каким, наверное, пели его предки — древние греки на берегах своего благословенного Средиземноморья. Мало что в материальном выражении. Кроме... великой радости петь.

Однажды я сказал ему об этом на одном из вечеров, где он показывал свои песни. Был он не только исполнителем чужих песен. Он был и композитором, писал песни на стихи сегодняшних поэтов. Мне сегодня приятно с благодарностью вспомнить, что одна из песен Анатолия была написана на слова одного из моих стихотворений. Правда, песня мне не совсем понравилась — мне казалось, что моё стихотворение длинновато для исполнения под музыку, чуть ли не сорок строк. Но музыка к нему получилась первоклассная — энергичная, звонкая, словно бы окружающая вас со всех сторон...

Итак, я сказал:

— Толя, тебе главное петь! Всё остальное — не имеет значения...

И, знаете, он словно бы ждал этих слов, оживился, заулыбался и согласился.

— Конечно, я больше всего на свете люблю петь...

В нём было мало прагматизма, которым отличаются современные деятели искусств любых жанров. С таким голосом он мог бы прославиться, получать большие гонорары и, в конце концов, петь на своей вилле где-нибудь на греческом побережье, где скитаются тени его предков.

Но он пел в Москве. На больших и малых вечерах. В Доме учёных. В Центральном Доме литераторов. Он очень любил общество именно поэтов.

Одна из поэток столицы, в незапамятные времена «эмигрантка» из Рязани, наша замечательная Нина Краснова была его самым близким другом. Эта дружба украшала жизнь каждого из них и помогала каждому в нелёгком существовании творцов при диком российском капитализме.

Шамардин написал несколько очень душевных песен на стихи Нины.

Писал он песни и на стихи других наших приятелей.

Как-то он рассказал мне, что когда-то работал и пел в оркестре легендарного Утёсова. А я подумал, каким трамплином могло бы стать имя Утёсова для более делового певца. Но Толя не искал трамплинов. Он искал счастья в голосе, в тайне поющих звуков и смыслов. Воистину он был звонкоголосым сыном эфира!

Мы познакомились с ним более сорока лет назад. Это произошло в сентябре 1974 года, когда мой старший товарищ и одновременно начальник по писательскому союзу поэт-фронтовик Михаил Львов пригласил меня поехать вместе с ним в гости к гению русской песни Виктору Фёдоровичу Бокову. Боков принимал гостей на ВДНХ около одного из павильонов, где подают шашлык, только что снятый с огня. Благоухало хорошо прожаренное мясо. На столике стояла запотевшая бутылка «Столичной». Виктору Бокову в этот день исполнилось всего-навсего шестьдесят лет. Впереди была большая, далеко за девяносто, жизнь поэта.

Рядом с Виктором Фёдоровичем стояла его жена Алевтина и смуглый, относительно молодой человек с характерным греческим носом. Это был Анатолий Шамардин. Когда мы съели шашлыка и выпили водки, Анатолий взял в руки гитару и запел. Пел он прекрасно. Я до сих пор помню, что это была написанная им на слова Бокова песня «Алевтина», посвящённая, понятно, красивой женщине, что встретила нас вместе с поэтом.

Потом мы не раз встречались с Толей Шамардиным, и каждый раз он удивлял меня своим счастливым даром. Он пел на вечере «Литературной газеты», он пел на авторском вечере Нины Красновой. Он замечательно пел в центральной молодёжной библиотеке на Преображенке. Там он собрал своих друзей гитаристов, которые показали класс игры на семиструнной и шестиструнной гитарах. А сам Толя играл, понятно, на мандолине, которая так замечательно подходила к его тонко-

му средиземноморскому голосу. В этом голосе словно звучали рапсоды Древней Греции и упоение итальянских певцов.

Кто бы мог подумать, что весной 2014 года, через сорок лет после нашего с Толей знакомства на дне рождения Виктора Бокова, мне позвонит Нина Краснова. Она почти плакала, но сдерживала слёзы, когда рассказала мне, что Толя неожиданно умер. Певчье сердце не выдержало жизненных тягот.

Когда я пишу эти горькие строки, мне вспоминается та радость, с какой певец и композитор Анатолий Шамардин исполнял любимые им неаполитанские песни. Спасибо, Толя, за твой прекрасный голос. Он ещё звучит в памяти твоих друзей и знакомых.

11 ноября 2014 г.,
Москва

* Толя Шамардин никогда не ездил на «Линкольне», у него не было такой машины, но были другие иномарки больших размеров. Толя всегда покупал очень и очень старые машины (только такие были ему по карману), а когда они начинали выходить из строя и разваливаться, он продавал их и покупал другие, тоже очень старые, но посвежее, и всё время очень мучился со своими машинами, потому что они постоянно требовали ремонта. — *Прим. Н. К.*

*Игорь Макаров,
радиожурналист, популяризатор старой эстрады.
В 1990–2007 гг. — автор и ведущий радиопередач
«Моя любимая пластинка», «Чего старенького?»*

«ЧТО ИМЕЕМ — НЕ ХРАНИМ, ПОТЕРЯВШИ — ПЛАЧЕМ...»

Нина Краснова — Игорю Макарову:

11.12.2014, 1:09

Дорогой Игорь!

Вот такой статьи именно такого музыкального специалиста, как ты, как раз и не хватало альманаху и книге о Толе!

Сам Толя сказал бы тебе, что она восхитительна!

Ты написал о нём и как о певце с уникальным голосом, и как о композиторе, и как о лингвисте, и как о человеке, и даже процитировал его любимый анекдот про памятник и вспомнил смешной сюжетик о том, как немцы приняли Толю за немца по его безукоризненному знанию немецкого языка. Ты показал Толин образ с разных сторон. И привёл очень важные факты его биографии и вспомнил очень существенные детали. Всё получилось у тебя высококлассно и до слёз трогательно! И пословицу «Что имеем — не храним, потерявши — плачем...» ты применил к Толе как нельзя более кстати!

Молодец, Игорь!!!

(...)

БОЛЬШОЕ СПАСИБО тебе за твою статью!!!

И БОЛЬШОЕ СПАСИБО за отсканированные обложки Толиных пластинок! Они тоже будут нужны для книги.

Кстати сказать, я пока не нашла у Толи в его архиве его гибкую пластинку из журнала «Кругозор», а знаю, что она у него была. Может быть, найду ее, но когда? А она нужна мне сейчас — и обложка, и текст Бокова о Толе.

Для меня — большая радость и твоя статья о Толе, и отсканированные обложки его пластинок! И для Толи (если он видит нас) — это тоже большая радость!!!!!!

Обнимаю тебя! И желаю тебе самое главное — здоровья!

Мы с тобой еще будем выпускать Толины диски. И никто лучше тебя не поможет мне в этом!!!

Нина Краснова

С Анатолием Шамардиным я впервые встретился заочно в 1990 году. В фонотеке Всесоюзного Радио, на букву «Ш» значились: Шуберт, Шуман, Шостакович, Шаинский... и Шамардин. Я ещё, помнится, подумал по-чапаевски: «Кто такой, почему не знаю? Почётно быть в такой компании, но в то же время и ответственно». Через четыре года состоялось уже очное знакомство. Российский Фонд культуры проводил вечер, посвящённый 80-летию знаменитого советского лирического тенора Михаила Александровича. После торжественной части состоялся небольшой концерт, в котором несколько неаполитанских песен, аккомпанируя себе на гитаре, исполнил незнакомый мне певец — эдакий знойный брюнет с колоритной внешностью графа Монте-Кристо. Что меня поразило, — пел он нежно-проникновенным, совершенно «не современным» голосом. Абсолютно в стиле почитаемых мною теноров 30–50-х годов (Тино Росси, Руди Шурике, Карло Бути, Лючано Тайоли, Вико Торриани, Клаудио Вилла). Это и оказался тот самый Анатолий Шамардин. Композитор, исполнитель песен народов мира и своих собственных на стихи известных советских поэтов. После концерта мы разговорились. Оказалось, — все вышеперечисленные звёзды старой эстрады являются также и его кумирами. А многие их шлягеры входят в репертуар Анатолия.

С той поры началась наша дружба, основанная на одинаковом понимании музыки и пропаганде традиций бельканто. Интересно рассказывал Анатолий о своих гастролях в Германии, Японии, преподавании в ВУЗах, работе в оркестре Леонида Утёсова. Так, например, после одного концерта в Германии к нему подошёл какой-то старый эмигрант и спросил: «Где Вы так хорошо научились говорить по-русски?...». То есть по произношению принял его за чистокровного немца.

В свою очередь, выступая на радиостанциях, я старался знакомить слушательскую аудиторию с замечательным певцом-самородком. На-

сколько мне известно, Толя (как, впрочем, и многие эстрадные исполнители) специально пению не обучался. А по профессии был лингвистом, преподавателем немецкого языка...

Позволю небольшое отступление. Как-то давно я сделал для себя довольно забавное открытие: многие прославленные эстрадные исполнители пению никогда не учились. Однако стали кумирами миллионов. Самые известные — уже упомянутый здесь Утёсов, также — Изабелла Юрьева, Лидия Русланова, Вадим Козин, Юрий Морфесси, Пётр Лещенко, Марк Бернес, Майя Кристалинская, Лидия Клемент. Я уж не говорю про драматических актёров или представителей авторской песни. Но их исполнение сейчас считается эталонным, а сравнение с ними современных «певцов» явно не в пользу последних.

Тем не менее Анатолий Шамардин смело пел «вечнозелёные» шлягеры зарубежной эстрады из репертуара признанных корифеев жанра. И это, как говорится, «не напрягало», звучало естественно, современно и... в то же время несовременно. Потому что таких голосов сейчас уже «не выпускают». Он для нашего припопсованного времени был уникален. Я думаю, сам Толя это понимал. Некоторая обида от собственной невостребованности на современной эстраде в разговорах проскальзывала. Но и превозносить свой талант до небес (как это делают многие так называемые «звёзды сегодняшнего шоу-бизнеса») он не имел обыкновения, а был человеком скромным, и несмотря ни на что — жизнерадостным оптимистом. Его любимым анекдотом был следующий:

Кавказский тост недругу. «Генацвале! Я желаю тебе долгой жизни. И чтобы после смерти, на твоей родине установили памятник тебе. А все вокруг ходили и спрашивали: «Кто это?»».

Кстати, в сибирском городе Шадринске, где в 60-е годы Анатолий начал свою преподавательскую работу, его до сих пор помнят. Неоднократно приглашали выступить на культурных мероприятиях, тепло встречали. На концертах подходили бывшие ученики, благодарили и за его удивительный талант, и за уроки немецкого языка полувековой давности. Из этих поездок он всегда возвращался одухотворённый, окрылённый. Строил творческие планы, которым, увы, сбыться уже не суждено.

В истории было множество исполнителей, о гениальности которых нам известно лишь по воспоминаниям их современников. Но сами судить о том не можем, так как не сохранилось ни одной записи былых кумиров. Но в данном случае нам — современникам уникального го-

лоса — повезло. Были радиоэфир на «Русской службе новостей», концерты в домах культуры, юношеской библиотеке. Один раз мы с ним даже выступали вместе на Новом Арбате при открытии очередного итальянского фаст-фуда. Анатолий пел итальянские песни, я его расхваливал проходившим мимо зевакам. Приглашали его петь в греческие рестораны. Поскольку он в совершенстве владел и этим языком (предки были из понтийских греков, поселившихся на черноморском побережье Кавказа ещё до нашей эры).

Дарил мне Анатолий свои новые записи, а также прежние, сделанные в разные годы: на немецком, итальянском, японском, греческом, английском и, разумеется, русском. Особо заслуживает внимания цикл его песен на стихи «принцессы московской поэзии» Нины Красновой (такое звание получила она в 90-е годы на конкурсе газеты «МК»). Официальных изданий было несколько. Самое первое — страница в звуковом журнале «Кругозор» (№ 5, 1974 г.). Затем — долгоиграющая пластинка, вышедшая на фирме «Мелодия» в 1982 году в сопровождении в том числе известных гитаристов Сергея Орехова и Владимира Дубовицкого. Аннотация на конверте — от самой Людмилы Зыкиной.

Наконец, недавно изданный компакт-диск, посвящённый творчеству поэта Виктора Бокова (на диск взяли семь песен на музыку Шамардина в его же исполнении). Есть ещё два-три самодельных CDR, выпущенных уже в двухтысячные «на средства автора». Сохранилось несколько магнитофонных кассет с домашними записями, сделанными на квартире Сергея Дмитриевича Орехова*. Вот и всё творческое наследие яркого самобытного певца, оставшегося, к большому сожалению, недооценённым деятелями отечественной культуры и медиасредств. Как это часто бывает на Руси: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем...».

11 декабря 2014 г.,

Москва

* Ещё была и сохранилась в фонотеке Анатолия Шамардина его пластинка-миньон с четырьмя греческими песнями на греческом языке «Ты была моей мечтой», вышедшая в 1985 году на фирме «Мелодия». А также его аудиоальбомы на компакт-диске и на компакт-кассете, вышедшие на фирме «Восток» в 2000 году, в серии «Золотые россыпи романса» (куда

Анатолий Шамардин включён вместе с выдающимися певцами Иваном Козловским, Сергеем Лемешевым, Вадимом Козиным, Петром Лещенко, Глебом Романовым, Георгием Виноградовым, Изабеллой Юрьевой). —
Прим. Н. К.

Эмиль Сокольский,
писатель, критик, член Союза писателей XXI века

КОГДА ЗАМИРАЕТ ЗАЛ

Нина Краснова Эмилю Сокольскому

24.12.2014, 17:56

...Эмиль!

Это очень хорошо, что ты написал свои воспоминания об Анатолии Шамардине!!!!!! Ты воссоздал живой образ этого русского Орфея, с его лексикой и жестами и с его эмоциональным градусом и сказал всё самое главное, что и хотелось бы услышать от тебя герою твоих мемуаров, а также и мне (одному из твоих положительных персонажей), и сделал это без пафоса, но с любовью к Толе как к певцу и человеку. И всего — на трех страничках, где словам тесно, а мыслям просторно! Я восхищаюсь тобой! И говорю тебе спасибо и сама от себя, и от Толечки, который, наверное, прочитал твои мемуары раньше меня, дальнорорко глядя из своего параллельного мира в город Ростов-на-Дону на тебя и на твой рабочий стол... и очень доволен твоими страничками, не случайно он сегодня приснился мне во сне и улыбался и держал в руках Красную книгу, в которую он и войдёт вместе с 7-м номером «Эоловой арфы», как эксклюзив.

Жму твои руки и обнимаю тебя за себя и за Толоу...!!!

Нина Краснова

Анатолий Шамардин быстро и легко вошёл в мою жизнь: в 2003 году я купил его компакт-диск из серии «Золотые россыпи романса» (диск был записан годами раньше). Спокойная, непринуждённая манера исполнения, мягкий, словно бы улыбчивый тенор, естественная игра тембрами, отточенная фразировка, — такие голоса самой природой созданы для небольших помещений и очень хорошо ложатся на запись. И — сразу становятся близки и дороги. Позже я узнал, что подготовкой музыкальных программ серии «Золотые россыпи романса» занимался мой старый друг, собрат-филофонист Валерий Сафошкин, а он ценил не просто талантливых, но — выдающихся певцов прошлого: Юрия Морфесси, Петра Лещенко, Изабеллу Юрьеву, Вадима Козина, Тамару Церетели... И Анатолия Шамардина поставил с ними в один ряд!

Встречались мы с Анатолием всего пять раз, но какие это были живые, энергичные встречи! Потому что в присутствии Шамардина эмоциональный градус общения значительно повышался (и это я слышал не от одного человека!). Познакомились мы весной 2010 года, в буфете при ЦДЛе после торжественной части юбилейного вечера Нины Красновой. При виде меня Анатолий Шамардин выразил такую радость, словно мы уже были давними друзьями и вот встретились после длинной разлуки. Мгновенно куда-то исчез и так же неожиданно появился со своим новеньким компакт-диском, который включал в себя песни стран мира; мгновенно подписал: «Выдающемуся писателю и замечательному человеку», чем несколько меня смутил. На мой вопрос: с чего началась его певческая биография? — быстро, помогая себе энергичными жестами и то отходя от меня, то вновь приближаясь (его обычная манера разговаривать), поведал мне вот какую историю — словно остро переживая её снова и снова.

После пединститута (Шамардин учился сначала в Пятигорске, потом в Горьком) он окончил аспирантуру в Ленинграде, но не поехал по распределению, а поступил на работу в филармонию. Случилось это так. Анатолий написал песню для Эдуарда Хилия (под его голос и манеру исполнения) и пришёл на концерт. А после концерта напел её певцу. Эдуард Анатольевич спросил: «А где вы поёте?» Шамардин ответил: «Нигде не пою, я преподаю иностранные языки и пробую писать песни». И Хиль посоветовал (ему) прийти в Ленинградскую филармонию и показаться администрации. И подчеркнул: «Только вы, главное, поменьше говорите, а лучше — вообще не говорите, не рассуждайте.

Расчехлите гитару и сразу пойте! Иначе можете не успеть и вас попросту выпроводят».

Шамардин понял артиста буквально. Он вошёл в кабинет директора и запел итальянскую песню. Тот помолчал и удивлённо и сказал: «А знаете — очень даже ничего! У нас уже есть певица, которая поёт иностранные песни, а вы будете у нас вторым. Сделаем вам ставку — и на гастроли!» Впоследствии, в 1971 году, с лёгкой руки Николая Никитского, Анатолий Шамардин поступил в Москве в оркестр Леонида Утёсова (пел песни народов мира).

...Незабываема была встреча с певцом в квартире Нины Красновой, мы вчетвером — Нина, Анатолий, поэтесса Александра Ирбе и я — встречали Рождество. Певец был, как обычно, в ударе, однако вечер прошёл спокойно, душевно, и тогда я понял, что в душе у всегдашне-задорного Шамардина — есть и большой запас тишины...

В последний раз мы виделись с певцом у памятника Пушкина на Тверской: Анатолий должен был передать нужную мне книгу. Процесс передачи затянулся на полчаса: Шамардин без умолку мне рассказывал о коллегах-артистах. Об одном вспоминал так: «Зрители были восхищены его экспрессией, когда он читал стихи. Но они не догадывались, что стихи этот артист читал так не потому, что вжился в образ, а потому, что недавно закодировался и ему очень хотелось выпить! До невозможности хотелось выпить! Он и выплёскивал свою страсть в декламации». А потом и о других: «Приехали мы в какую-то воинскую часть; публика простая, бесцеремонная. Выходит первый выступающий, берёт высокую ноту — а ему кричат: “На х..! На х..! На х..!” Освистали! Выходит следующий: поёт, старается, показывает голосовую мощь. Но и его прогоняют: “На х..! На х..!”»

Я хотел спросить Шамардина: а почему такое агрессивное неприятие? — но он меня опередил, сделав жест, призывающий к особому вниманию: «И вот выхожу я. Вижу: и меня приготовились освистывать. Но ведь прежде чем мне крикнут “на х..!”, я должен издать звук! И я тихонечко, нежно, вполголоса начинаю: “Однозвучно звенит колоко-о-о-ольчик...” (Шамардин запел, невзирая на проходившую мимо старушку, бросившую в нашу сторону подозрительный взгляд.) И все замерли! Мёртвая тишина! Вот как надо петь: не показывать голос, не любоваться собой; петь надо — тихо, проникновенно!»

Да, да... Именно так Анатолий Шамардин и пел... Дописываю и иду слушать... тот самый таинственный, эксклюзивный диск!

24 декабря 2014 г.,
Ростов-на-Дону

Из фейсбука Эмиля Сокольского
8.09.2014 г.

Эмиль Сокольский: Певица в телевизоре поёт громко, почти над-рывается. Ребёнок слушает и говорит: «Это тётя — злая. Добрые не кричат».

Голосистый Иван Козловский настаивал: «Самое трудное — говорить и петь тихо».

Слушая старые записи Ивана Семёновича, убеждаешься, что он тонко чувствовал специфику концертного исполнительства, эстрадного пения: он действительно пел вполголоса...

Нина Краснова: Эмиль, Толя Шамардин тоже всегда говорил, что самое трудное — петь тихо, что это высшее искусство, и что у нас мало кто умеет петь тихо, все орут... Кстати, он один раз пел с Козловским, и тот похвалил его, сказал: когда певцы хотят спеть со мной, они все почему-то стараются перекричать меня, но ни у кого не получается — петь со мной, а у тебя это получается очень хорошо!»

...И не зря Анатолий Шамардин попал в одну музыкальную серию с Козловским, Лемешевым, Козиным, Георгием Виноградовым... в «Золотые россыпи романса».

НЕКОТОРЫЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ — ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ

Виктор БОКОВ,
*народный поэт России, лауреат многих премий,
автор известных песен:*

1.

ПУТЬ К МУЗЫКЕ

(Предисловие к первой гибкой пластинке Анатолия Шамардина в журнале «Кругозор», № 5, 1974 г.)

Этот телефонный звонок меня обрадовал: некий музыкант, имя которого мне ни о чём не говорило, пел под гитару (прямо по телефону. — Н. К.). Стихи были мои. Положенные на музыку, они начинали новую жизнь и принадлежали теперь уже не только мне, но и композитору Анатолию Шамардину. После этого разговора Анатолий исчез и год не давал о себе знать. Вновь я услышал его по радио. Он пел мою песню в сопровождении оркестра Федосеева.

Примерно спустя неделю в телефонной трубке ожил голос Анатолия.

— Где вы? — спросил я.

— В Кунцеве. — ответил он. — Приезжайте в дом отдыха «Полёт», у меня там творческий вечер, выступите вместе со мной.

Слушали Анатолия с интересом. Пел он, кроме русских, греческие и английские песни на языке подлинника. Пел легко, увлечённо, с артистизмом, мастерски аккомпанируя себе на гитаре.

Потом я узнал Анатолия ближе, познакомился с его биографией. Родился Шамардин в Черкесске (не родился, а жил с 14 лет, а родился он в ставропольском селе Ольгино, а рос до 14 лет в греческом став-

ропольском селе Хасаут, на родине своей мамы, понтийской гречанки. — *Уточнение Н. К.*) В детстве по слуху научился играть на гитаре, овладел балалайкой, мандолиной... Окончив школу, переехал в город Горький, стал студентом института иностранных языков. Но музыку не оставил. Играл в институтском оркестре, пел.

И вот уже Шамардин — преподаватель немецкого языка. Сначала в Шадринске на Урале, затем в Арзамасе, Владимире...

На лестничной площадке ленинградского общежития — Анатлий приехал сюда на курсы усовершенствования — его услышал режиссер телевидения и предложил выступить в программе «Горизонт». Выступление прошло успешно, и Шамардин целиком окунулся в музыку. Ленинградская филармония, эстрадный оркестр Леонида Утёсова, Росконцерт...

Кто же в конце концов Анатолий Шамардин? Преподаватель, певец, композитор, гитарист? Человек он молодой, и время само отберёт в нём главное. Сейчас ясно одно — он весь в музыке, это его жизнь.

1974 г.

2.

Песня менее всего поддается холодному мастерству, она, как правило, рождается в поющей душе, в поющем сердце. И всё это у Анатолия Шамардина есть, и именно это и чувствуют в нём те, кто так восторженно принимают его на эстраде и в России, и за её пределами.

*Людмила ЗЫКИНА,
Лауреат Ленинской премии,
народная артистка СССР:*

«ГИТАРЫ ЛЮБВИ»

(Предисловие к первой долгоиграющей пластинке Анатолия Шамардина. М., фирма «Мелодия», 1982. Цена 2 руб. 70 коп.)

Анатолий Шамардин принадлежит к той категории певцов и композиторов, поклонниками которых становятся люди самых различных музыкальных вкусов. Его лирический тенор теплого приятного тембра пленяет искренностью, лиричностью и задушевностью.

Многолетнее творческое содружество связывает А. Шамардина-композитора с такими известными поэтами, как Виктор Боков, Алим Кешоков и другие, в содружестве с которыми создано немало песен.

В предлагаемую слушателям пластинку, наряду с народными песнями, которые Анатолий Шамардин неизменно включает в свой концертный репертуар, вошли и песни собственного сочинения, такие, например, как «Золотая иволга» и «Луговая рань», покоряющие своей лиричностью и напевностью, или иронично-раздумчивая «Подобна ты маю». Их особому восприятию способствует чуткий аккомпанемент талантливых гитаристов Сергея Орехова и Владимира Дубовицкого.

На пластинке в исполнении Анатолия Шамардина звучат также песни зарубежных стран, и это не случайно. А. Шамардин не сразу пришёл в мир музыки, хотя увлекался ею с детства. Окончив Горьковский институт иностранных языков, он некоторое время преподавал иностранные языки в педагогическом институте. И в студенческие годы, и в годы педагогической деятельности он был неизменным участником самодеятельности: пел и играл в студенческом оркестре, исполнял песни народов мира. Решающую роль в его творческой судьбе сыграло успешное выступление в программе Ленинградского телевидения «горизонт». Затем его приглашают в Ленинградскую филармонию,

позднее он поет в оркестре Леонида Утесова, работает в Росконцерте и в Московской областной филармонии.

Вот что говорит о творчестве певца и композитора Шамардина известный советский поэт Виктор Боков: «Песня менее всего поддается холодному мастерству, она, как правило, рождается в поющей душе, в поющем сердце. И все это у Анатолия Шамардина есть, это именно и чувствуют в нем те, кто восторженно принимают его на эстраде, в любой аудитории — будь это студенческая молодежь, будь это рабочие завода».

Хочется пожелать Анатолию Шамардину обрести самую широкую аудиторию слушателей, его песни вполне заслуживают этого.

Ольга ВОРОНЕЦ,
народная артистка СССР:

(Из предисловия к компакт-диску Анатолия Шамардина «Золотая иволга». М., 2000 г.)

В моём репертуаре есть песни Анатолия Шамардина. Я пела их в концертах и записывала на пластинки. Но я считаю, что лучше самого Анатолия Шамардина не сможет спеть его песни ни один певец и ни одна певица. Он своим гибким, трепетным тенором способен, как никто, передать все нюансы человеческой души, самые тонкие чувства. Анатолий Шамардин — прекрасное и удивительное явление нашей культуры.

Виктор БАЛАШОВ,
*народный артист России, диктор Всесоюзного телевидения,
автор и ведущий радиопередач «Поговорим по душам»:*

(Предисловие к диску Анатолия Шамардина «Золотые шлягеры народов мира». М., 2004 и 2012 гг.)

Певец и композитор Анатолий Шамардин родился в Ставропольском крае, живёт в Москве. Имеет высшее филологическое и музыкальное образование, обладает голосом редчайшей красоты, нежным, мягким тенором, с бархатистой окраской, и владеет изумительным искусством пения, которое можно назвать «русское бельканто». Окончил Ленинградскую аспирантуру, преподавал иностранные языки в вузах. В 70-е годы работал в оркестре Леонида Утёсова солистом-вокалистом, много лет проработал в Росконцерте, объездил всю Россию, и везде пользовался невероятным успехом и любовью зрителей. Выступал с сольными программами в Европе, в Греции, в Германии. Анатолий Шамардин — единственный в нашей стране певец, который поёт и русские народные песни и романсы, и свои собственные, и песни народов мира на разных языках — на греческом, немецком, итальянском, английском, японском. Причём греческие он поёт как грек, немецкие — как немец, итальянские — как итальянец... а русские — как русский. Зарубежная пресса называла его «русским соловьём» и «волшебником из Москвы». Слушать его — великое наслаждение. Принцесса поэзии «МК» и Королева лирической поэзии Нина Краснова написала о нём такое четверостишие:

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

Валерий САФОШКИН,
заслуженный работник культуры России,
один ведущих телепрограммы «Романтика романса» 2000-х годов:

1.

(Предисловие к компакт-кассете и компакт-диску «Золотые россыпи романса». М ООО ВОСТОКХИМ, 2000.)

Уважаемые слушатели, приглашаем вас на встречу с талантливым певцом и композитором Анатолием Шамардиным, представленным в этой музыкальной программе исполнителем старинных романсов и лирических песен. Хотел бы подчеркнуть, что особенностью его разностороннего таланта является умение сделать своими поклонниками людей самых разных возрастов и музыкальных вкусов. И это не случайно, поскольку, что бы ни исполнял Анатолий Шамардин, русскую народную песню, старинный романс, песни Италии, Германии, Греции, других народов, лирику своего сочинения, — делает он это мастерски и с огромной душевной теплотой.

Услышав пение А. Шамардина, поэт Виктор Боков как-то сказал «Песня менее всего поддаётся холодному мастерству, она, как правило, рождается в поющей душе, в поющем сердце. И всё это у Анатолия Шамардина есть, это именно и чувствуют в нём те, кто так восторженно принимают его на эстраде и в России, и за её пределами». Кстати, выступая с концертами за рубежом, Анатолий весь свой репертуар поёт на языке принимающего народа, а это и на немецком, и на греческом, и на итальянском, и на украинском, и на японском, и на сербско-хорватском, и на английском языках.

Анатолий родился в Ставропольском крае, где окончил среднюю школу, после чего поступил в Горьковский институт иностранных языков, а по окончании в Ленинградскую аспирантуру, учёбу в которой совмещал с преподаванием иностранных языков, философии, стилистики и психологии. Однако его музыкальность и певческий талант были столь очевидны, что молодой учёный пришёл на сцену, где с первых

шагов его ждал большой успех! Успех настолько шумный, что молодого певца пригласил в свой знаменитый джаз Леонид Осипович Утёсов. В Утёсовском оркестре прошло творческое становление Анатолия. И он начал самостоятельное выступление с сольными концертными программами. За это время он получил ещё один аттестат, на этот раз певца-вокалиста, и стал работать в различных организациях бывшего Советского Союза. В 1974 году у Анатолия Шамардина вышла первая гибкая пластинка, а через несколько лет и первый сольный диск. Аннотацию к которому написала народная артистка России Людмила Зыкина, являющаяся поклонницей певческого таланта певца.

Хочу подчеркнуть, что Анатолий Шамардин в своей творческой жизни старается сотрудничать с талантливыми поэтами и музыкантами, такими, как Виктор Боков, Нина Краснова, Алим Кешоков, замечательными гитаристами Сергеем Ореховым, Владимиром Дубовицким, Анатолием Сёмочкиным и Алексеем Чудиновым. Совместные работы с ними представлены и в музыкальной программе этого компакт-диска.

Сегодня Анатолий Шамардин находится в поре расцвета своего многогранного таланта, он неизменный и желанный гость во всех культурных местах Москвы, его голос постоянно звучит в теле-и радио программах. А его умные и добрые статьи о творчестве своих коллег по искусству печатаются в журналах «Огонёк», «Турист», «Наша улица», «Истоки» и многих других.

Впрочем, предлагаю вам поставить этот диск на проигрывающий аппарат и насладиться вокальным мастерством Анатолия Шамардина. Уверен, что многие из вас пополнят ряды его поклонников.

2.

В Греции, на родине предков Анатолия Шамардина, все есть, но там нет такого прекрасного певца как Анатолий Шамардин — золотая иволга России!

*Владимир ШУБАРИН,
артист, знаменитый танцор советского времени:*

Анатолий Шамардин — единственный в нашей стране певец, у которого такой полётный голос исключительного тембра.

*Николай СТАРШИНОВ,
лауреат Государственной премии*

На мои стихи многие композиторы писали песни. Но самую лучшую песню «Все твердят, что ты хорошая» (или «Лодочка»), написал Анатолий Шамардин. Исключительно замечательный композитор и исключительно замечательный певец! Жалко, что у него не сложилась карьера (о которой он и не заботился). Если бы он выступал по центральному радио и по телевидению, он был бы знаменит на всю страну и был бы таким же популярным, как Муслим Магомаев.

*Владимир СОЛОУХИН,
писатель, лауреат Государственной премии СССР:*

(Из предисловия к компакт-кассете и компакт-диску песен Анатолия Шамардина на стихи Нины Красновой «Сон под пятницу». 1997.)

Песни Анатолия Шамардина на стихи Нины Красновой — вроде бы простенькие, но очень приятные и на самом деле не такие-то и про-

стые, а очень затейливые и искусные. Мне нравятся его песни и в народном стиле, и в романсовом стиле, которые я особенно люблю. Его мелодии органично сочетаются со стихами поэтессы и придают её поэзии дополнительную глубину и новые красивые оттенки.

Виктор АСТАФЬЕВ,
писатель, лауреат многих премий:

(Из предисловия к компакт-кассете и компакт-диску Анатолия Шамардина «Сон под пятницу», 1994 и 1997 гг.)

Песни Анатолия Шамардина — это не какая-то дребезжатина, которую мы каждый день слышим по радио, это настоящее искусство, которое благотворно действует на душу...

Новелла МАТВЕЕВА,
лауреат Государственной премии:

Анатолий Шамардин — ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ артист.

Лариса ВАСИЛЬЕВА,
поэтесса, лауреат разных премий

Я знала Анатолия Шамардина... Он очень хороший человек, певец и композитор... Автор очень красивых песен на стихи Виктора Бокова,

нашего старшего друга и учителя, на вечерах которого Толя всегда выступал...

Римма КАЗАКОВА,
поэтесса, лауреат разных премий:

(Из предисловия к компакт-кассете Анатолия Шамардина «Сон под пятницу». 2004 г.)-

Анатолий Шамардин — чудесный певец и композитор, с необыкновенным голосом и мелодизмом, и человек — чудесный!

Тамар ЖИРМУНСКАЯ,
лауреат премии «Венец»:

Анатолий Шамардин — очень естественный и разнообразный певец и очень добрый, заботливый человек. Когда встречаешь таких, они — на вес золота.

...Когда я услышала песни Анатолия Шамардина на немецком языке, я впервые почувствовала, какой это красивый язык, а раньше этот язык казался мне резким, грубым и некрасивым и не певучим.

Валерий ЗОЛОТУХИН,
народный артист России:

Когда я впервые услышал Анатолия Шамардина, на вечере, где

он пел свои песни на стихи Нины Красновой и разные другие песни, в том числе и на иностранных языках, я пришёл в неописуемый восторг. Анатолий певец от Бога! Таких певцов, как он, у нас нет. Он такой один-единственный.

Светлана РЕЗАНОВА,
певица, заслуженная артистка России:

Толя Шамардин — изумительный певец! И в отличие от большинства своих коллег умеет петь тихо. Петь тихо мало кто умеет... Это особое искусство. — Он — певец высочайшего класса! И ещё и очень хороший человек и очень хороший друг! Что немаловажно!..

Ксения ГЕОРГИАДИ,
певица, народная артистка России:

Анатолий Шамардин — прекрасный певец с красивым голосом и просто хороший, светлый человек.

Виктор ШИРОКОВ,
поэт и прозаик, член Союза писателей:

Анатолий Шамардин — нераскрученная звезда мирового масштаба.

СОДЕРЖАНИЕ

1. НЕКРОЛОГИ АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ

<i>Нина Краснова.</i> «Ушёл Анатолий Шамардин» («Слово», № 9, 16–22 мая 2014 г.).....	4
<i>Сергей Бычков.</i> «Где ты, бельканто?» («Московский комсомолец», 5 мая 2014 г.).....	8
«Утрата» («Литературная газета», № 18, 7 13 мая 2014 г.)	9
«Не стало Анатолия Шамардина» (Греческий культурный центр «Лица эллинизма», 27 апреля 2014 с добавкой 29 апреля 2014 г.)	10

2. ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА, ЦДЛ, 6 МАЯ 2014 г.

<i>Нина Краснова.</i> Вечер Союза писателей XXI века прошёл под песни Анатолия Шамардина (сокр. репортаж).....	13
Некрологические материалы об Анатолии Шамардине в периодической печати 2014 г.....	30

3. ИНТЕРВЬЮ НИНЫ КРАСНОВОЙ С АНАТОЛИЕМ ШАМАРДИНЫМ, 2002 г.

«Русское бельканто Анатолия Шамардина»	32
--	----

4. ИСТОРИИ ОТ АНАТОЛИЯ ШАМАРИНА

«Непьющий»	128
Боков, Кобзон, Зыкина, Стрельченко и другие.....	131
«А родственники за границей у тебя есть?..»	132

«Мой дядя женился на молодой девушке...»	133
Анатолий Шамардин и японский шеф-повар с забавной фамилией.....	133
Анатолий Шамардин и японская песня «Мудана котоса», или «Муки любви»	135
Оркестр Горбатовых в Обществе слепых	136
Певец Анатолий Шамардин сорок лет спустя	137
Разве такая машина должна быть у такого артиста?.....	139
Подарок от Андрея Вознесенского	140
Соседка по имени Тасука	145
Романтический человек.....	146
«Лодочка» Анатолия Шамардина и Николая Старшинова.....	148

5. ПРЕССА И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ (ЧАСТЬ МАТЕРИАЛОВ 2001, 2009, 2012, 2013 ГГ.)

<i>Нина Краснова.</i> «Анатолий Шамардин — золотая иволга России» («Литературная Россия», № 22, 2001).....	153
<i>Нина Краснова.</i> «Звёздный час Анатолия Шамардина в Доме учёных» («Слово», «Наша улица», Живой Журнал, 2009–2010)	154
<i>Нина Краснова</i> (Николай Фонарев). «Репетиция юбилея» («Слово», Эклибрис «Независимой газеты», Живой Журнал, 2009)	159
<i>Нина Краснова.</i> «Триумф Анатолия Шамардина в Центральном Клубе МВД («Слово», «Наша улица», Живой Журнал, 2013)	160
<i>Нина Краснова.</i> «Солнечный певец Анатолий Шамардин — на «Территории Солнца» (1-й концерт, «Слово», 2013).....	165
<i>Нина Краснова.</i> «Московское Общество греков на «Территории Солнца» (2-й концерт, «Слово, 2013).....	169
<i>Людмила Осокина.</i> «Анатолий Шамардин — на «Территории Солнца» (3-й концерт, фейсбук и Живой Журнал, 2013)	172

<i>Нина Краснова</i> (Николай Фонарев). «Творческий тандем Нины Красновой и Анатолия Шамардина» (Экслибрис «Независимой газеты», Живой Журнал, 2013)	174
«Анатолий Шамардин на 1-м канале ТВ в передаче о Леониде Утёсове «Сердце поет» (21 марта 2013 г., Интернет).....	177

6. ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК НИНЫ КРАСНОВОЙ АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ

<i>Нина Краснова</i> . Из цикла «Поминальные свечи Анатолию Шамардину» (стихи)	178
---	-----

7. СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА НИНЫ КРАСНОВОЙ В ФЕЙСБУКЕ И В ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ, 2014 г.....	200
--	-----

8. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ (Воспоминания о нем его друзей и знакомых)

<i>Михаил Пискарёв</i> . «Анатолий Шамардин — непревзойдённый исполнитель бельканто»	268
<i>Игорь Михайлов</i> . «Орфей спускается в Царство Теней»	269
<i>Валерий Дударев</i> . «Античная лёгкость, античная вечность жила в нём...»	272
<i>Феликс Шведовский</i> . «Не верится, что Анатолия Шамардина больше нет»	275
<i>Николай Железняк</i> . «Анатолий Шамардин — уникальный человек, уникальный певец»	276
<i>Генрих Палоян</i> . «Настоящий человек искусства»	277
<i>Игорь Рутковский</i> . «Человеческая красота Анатолия Шамардина сочеталась с красотой его голоса»	279
<i>Татьяна Черыгова</i> . «Просто Анатолий...»	281
<i>Владимир Пустовитовский</i> . «Время лечит, но его так мало...»	283

<i>Сергей Белянин.</i> «Анатолий Шамардин пел не только голосом, но и душой»	284
<i>Надежда Мухина.</i> «Нотные знаки»	286
<i>Юрий Шуников.</i> «Он не умер для меня...»	
1. «Заливался соловей меж кудрявеньких ветвей...»	288
2. «Анатолий Шамардин — солнечный луч, имя которому Радость...»	290
<i>Раиса Быстрова.</i> «Когда он пел, это было что-то потрясающее...»	291
<i>Герман Гецевич.</i> «Анатолий Шамардин — это отдельная планета»	293
<i>Алла Нечаева.</i> «Золотая жила таланта»	294
<i>Людмила Салтыкова.</i> «Не мы решаем, когда нас заберут отсюда...»	298
<i>Лидия Терёхина.</i> «Недооцененный гениальный певец Анатолий Шамардин»	300
<i>Олег Романов.</i> «Мои золотые иволги»	302
<i>Юрий Кувалдин.</i> «Певец Анатолий Шамардин»	304
<i>Ваграм Кеворков.</i> «Толя Шамардин здоров поёт!»	305
<i>Валентина Сарычева.</i> «Его голос пленил меня навсегда»	307
<i>Олег Шамардин.</i> «Он мог выступать в больших залах без микрофона и без аппаратуры»	308
<i>Лола Звонарёва.</i> «Человек, сотканный из музыки»	310
<i>Борис Васильев-Пальм.</i> «С опозданием, но оцененный соловей Анатолий Шамардин»	312
<i>Юрий Крохин.</i> «Ушёл Орфей»	316
<i>Виктор Широков.</i> «Две песни»	318
<i>Сергей Мнацаканян.</i> «Средиземноморский голос»	322
<i>Игорь Макаров.</i> «Что имеем — не храним, потерявши — плачем...»	326
<i>Эмиль Сокольский.</i> «Когда замирает зал»	330

9. НЕКОТОРЫЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ

Виктор Боков.....	334
Людмила Зыкина.....	336
Ольга Воронец.....	337
Виктор Балашов.....	338
Валерий Сафощкин.....	339
Владимир Шубарин.....	341
Николай Старшинов.....	341
Владимир Солоухин.....	341
Виктор Астафьев.....	342
Новелла Матвеева.....	342
Лариса Васильева.....	342
Римма Казакова.....	343
Тамара Жирмунская.....	343
Валерий Золотухин.....	343
Светлана Резанова.....	344
Ксения Георгиади.....	344
Виктор Широков.....	344

ЭОЛОВА АРФА

литературный альманах
выпуск 7
Москва
2014–2015

Редактор Нина Краснова
Художественный редактор Марина Кива

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 700 экз.
Сдано в набор 04.02.2015
Подписано в печать 27.02.2015

Издание Нины Красновой
При поддержке издательства «Вест-Консалтинг»
(Главный редактор Евгений Степанов)

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.